

Opp. 659 b (5)

XVc, 19-5

СОЧИНЕНІЯ

КАРАМЗИНА.

^с
СОЧИНЕНІЯ

КАРАМЗИНА.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

5

МОСКВА,

Въ Типографіи С. Селивановскаго,

1803.

За 1641547.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Съ дозволєнія
Московскаго Гражданскаго Губернатора.

Опечатки въ Пятомъ Томѣ.

Стран. строк. напечатано: читай:

69	—	17	воемя	время
321	—	7	веспи	везпи
377	—	2	Фрескаши	Фраскаши

Опечатки въ Шестомъ Томѣ.

Стран. строк. напечатано: читай:

43	—	18	свой	своей
50	—	6	Царь	Царю
50	—	7	Царю	Царь
128	—	17	запрепеше- ли	запрепеша- ли
134	—	4	Небесные	Небесные
177	—	7	ищущъ:	ищущъ?
180	—	7	дождав- шись	дождав- шись
201	—	11	вооружен- ные	вооружен- ные
232	—	5	возрашишь- ся	возвращишь- ся
234	—	4	спальну	спальню
275	—	8	мой	мои
281	—	13	кошоми	кошорыми
324	—	17	міра	мира
364	—	18	Чсешь	Чесшь
398	—	1	оесѣдовала	бесѣдовала
416	—	2	позребѣ	погребѣ

П И С Ь М А

РУСКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

Ч А С Т Ь IV.

С О Ч И Н Е Н І Я

КАРАМЗИНА.

ТОМЪ V.

П И С Ь М А

РУСКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

Ч А С Т Ь IV.

Парижѣ, Мая. . . .

13 Мая, въ день Вознесенья,
ходилъ я въ деревеньку Сюрень,
лежащую въ двухъ миляхъ отъ
Парижа на берегу Сены. Мнѣ ска-
зали, что тамъ съ великою цере-

монією будупіъ короновапіъ розами
осьмнадцатипілѣпнюю добродѣпель-
ную дѣвушку ; но какая горестіъ !
Нынѣшній годѣ не было интере-
снаго праздника — *la fête de la*
Rosiere. Опель-де-Виль , или Го-
родской Приказѣ , не заплашилѣ
проценповѣ сѣ капипала, положен-
наго какимѣ-то Гм. Эліопомѣ для
награжденія сельской невинности,
хопя на это требовалось не бо-
лѣе 300 ливровѣ. Приходскому
священнику надлежало послѣ ве-
черни объявипіъ имена прехѣ до-
стойнѣйшихѣ Сюренискихѣ дѣву-
шекѣ; деревенскіе старшины вы-
бирали изѣ нихѣ одну , украшали
цвѣтами, хвалили ея добродѣпель,
водили по деревнѣ и пѣли хоромѣ:

Безѣ награды добродѣтель
Не бываетѣ никогда;
Ей еѣ подсолнечной свидѣтель
Богѣ и совѣсть завсегда.
Люди также прилѣтаютѣ,
Кто похвально жизнь ведетѣ;

За невинность увѣнчаютъ

Дѣвушку въ осьмнадцать лѣтъ ()...*

Парижскія дамы всегда любопытствовали видѣть невинность такъ близко отъ Парижа, брали участие въ весельи Сюренскихъ поселянъ и не стыдились танцовать съ ними по-деревенски. — Я обѣдалъ въ пракширѣ съ нарядными земледѣльцами, копорые пощивали меня своимъ краснымъ виномъ, увѣряя, что Сюренской виноградъ и Сюренскіе нравы славны во всемъ окологѣ. Е Одинъ изъ нихъ, съ гордымъ видомъ выправляя свои бѣлыя, длинныя манжеты, сказывалъ мнѣ, что всѣ при дочери его были увѣнчаны розами, и всѣ при насъ были достойныхъ жениховъ.

Давно уже сельская проспопана не веселила меня сполько, какъ

(*) Ей непременно надлежало быть осьмнадцатью лѣтъ.

нынѣшній день— и наслаждаюсь
 ею въ 7 верстахъ отъ Парижа! Я
 не могъ наговориться съ крес-
 тянами и съ крестьянками; по-
 слѣднія довольно смѣлы, но не
 безстыдны. „Куда ты идешь съ
 книжкою?“ спросилъ я у милень-
 кой дѣвушки. — *Въ церковь, от-
 вѣчала она: молиться Богу.* —
 „Жаль, что я не вашего закона; а
 мнѣ хотѣлось бы молиться подлѣ
 тебя, красавица.“ — *Mais le bon
 Dieu est de toutes les religions,
 monsieur. Богъ одинъ во всѣхъ за-
 конехъ.* — Согласись, друзья мои,
 что такая философія въ сельской
 дѣвушкѣ не совсѣмъ обыкновенна.
 Вообще всѣ Сюренскіе жители
 казались мнѣ умными и щасли-
 выми, можетъ быть отъ веселаго
 расположенія души моей.

Вечеръ провелъ я также очень
 пріятно въ деревнѣ Исси, въ пре-
 красныхъ садахъ Герцога Инфан-
 тадоса и Принцесы Шиме. Тутъ

есть несравненная алея изъ древнихъ, каштановыхъ деревъ (лучше самой Тюлерійской), и въ концѣ ея превеликой водоемъ. Видъ съ террасъ прелесненъ : замокъ Мёдонъ, Бельвю, Булонской лѣсъ, неизмѣримая равнина, по копорой течетъ Сена; и на краю горизонта Мон-Валеръенъ.

Вообще Парижскія окрестности весьма пріятны. Вездѣ прекрасныя деревеньки, алеи, сады; вездѣ разсѣяны драгоцѣнности Искусствъ; въ каждой сельской церкви найдете хорошія картины, замѣчанія достойныя монументы, памятники Французской Исторіи. Съ нѣкотораго времени я всякой день бываю за городомъ, и возвращаюсь иногда очень поздно. Теперь же все цвѣтеть, и весна нѣжными опшѣнками переливается въ лѣто.

Парижѣ, Мая . . .

Я худо пользуюсь здѣшними знакомствами и обществомъ; я скупъ на время: мнѣ жаль прашить его въ трехъ или чепырехъ домахъ, гдѣ меня принимаютъ. Холодная учтивость не привлекательна. Госпожа *Гло** увѣряетъ, что въ домъ ея собираются лучшіе Авторы; но мнѣ не случилось видѣть у нее ни одного извѣстнаго. Говорятъ отрывками; все личности, jargon, языкъ непонятной для чужестранца; молчишь, зѣваешь, или скажешь слова два на вопросы: какъ сильны бываютъ морозы въ Петербургѣ? сколько мѣсяцевъ катаются у васъ въ саняхъ? Ѣздите ли вы на оленяхъ зимою? Это не весело; и хотя споль Госпожи *Гло** очень вкусенъ, однакожь мнѣ пріятнѣе обѣдать за деньги у какого ни будь Респорашёра, смотрѣть на множество людей, вслушиваться иногда въ

шумные разговоры, или про себя думать, сочинять планъ для оспальнаго дня. Госпожа Н*, другая моя знакомка, миловидна и любезна, такъ что я съ удовольствіемъ былъ у нее разъ пять. Мы говорили о Швейцаріи, о Гуссо, о щастіи простой жизни, даже о любви въ метафизическомъ смыслѣ; но вотъ неудобность: къ ней ѣздитъ молодой Баронъ Д*, и какъ скоро онъ въ двери, я дѣлаюсь лишнимъ; это не много оскорбительно для моего самолюбія. Баронъ же хопя и не есть Баронъ Нѣмецкой, однакожь взгляды его на меня очень грубы. Онъ садится съ ногами на диванъ подлѣ хозяйки, играетъ ролю разсѣяннаго или сонливаго; плюетъ на Англійской коверъ; кладетъ голову на подушку—а какъ его не выгоняютъ, то надобно думать, что онъ имѣетъ право выгонять другихъ изъ кабинета Госпожи Н*.

Смекнувъ такимъ образомъ, беру шляпу и скрываюсь. Прованская красавица раздумала ѣхать въ Швейцарію и быть жительницею горы Нёшательской (*). Баронъ смѣется надъ такою мыслию, и называетъ ее вдохновеніемъ старомоднаго романизма.

Здѣсь теперь не много Рускихъ: фамилія Князя Г*, П*, и болѣе никого, кромѣ Посланника, Секретаря М* и Г. У*, съ которыми вижусь не рѣдко. У* не богатъ, но умѣлъ собрать прекрасную библіотеку и множество рѣдкихъ манускриптовъ на разныхъ языкахъ. У него есть оригинальныя письма Генриха IV, Лудовика XIII, XIV и XV, Кардинала Ришельё, Англійской Королевы Елисаветы, и проч. Онъ знакомъ со всѣми здѣшними Библіотекарями, и черезъ нихъ достаетъ рѣдкости за

(*) Описанной Жанъ Жакомъ въ письмѣ къ д'Аланбершу.

бездѣлку, особливо въ нынѣшнее смутное время. Въ тотъ день, какъ народъ разграбилъ Баспильской архивъ, У* купилъ за луидоръ цѣлую кипу бумагъ, между прочими нѣсколько прогапельныхъ писемъ какого-то несчастнаго Автора къ Полицмейстеру и журналъ одного изъ заключенныхъ во время Лудовика XIV. Онъ увѣренъ, что его писалъ тайный арестантъ, извѣстный подъ именемъ *желѣзной маски*, о копоромъ Вольтеръ говоритъ слѣдующее: „Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по смерти Кардинала Мазарина случилось происшествіе, которое можно назвать безпримѣрнымъ, и копораго (что такъ же удивительно) совсѣмъ не знали Историки. Съ величайшею тайною посланъ былъ на островъ Святой Маргариты неизвѣстный арестантъ, молодой человекъ, высокой ростомъ и благородный видомъ. Онъ носилъ маску съ же-

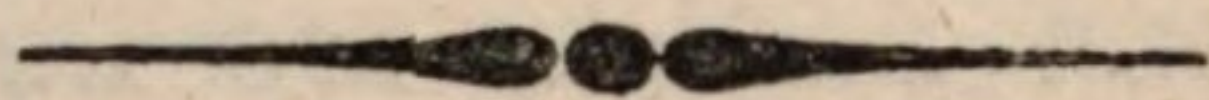
„лѣзною пружиною, копорая не
 „мѣшала ему ѣсть. Офицеръ
 „имѣлъ повелѣніе убить его, естъ-
 „ли бы онъ снялъ ее. Сей чело-
 „вѣкъ содержался на островѣ до са-
 „маго того времени, какъ Губерна-
 „торъ Пиньерольской, Сен-Марсъ,
 „въ 1690 году сдѣланъ былъ Ба-
 „спильскимъ начальникомъ, и самъ
 „перевезъ его въ Баспилю, также
 „въ маскѣ. Министръ Лувуа былъ
 „у него на островѣ Св. Маргари-
 „ты, говорилъ съ нимъ стоя и съ
 „великимъ почтеніемъ. Въ Баспи-
 „ли опвели ему самыя лучшія
 „комнаты, и ни въ чемъ не опка-
 „зывали. Всего болѣе любилъ онъ
 „тонкое бѣлье и кружева; зналъ
 „музыку; игралъ на гитарѣ, имѣлъ
 „самой изобильной споль и Губер-
 „напоръ рѣдко передъ нимъ са-
 „дился. Старой Баспильской Док-
 „торъ никогда не видалъ его ли-
 „ца. Онъ былъ, по словамъ сего Ме-
 „дика, чрезвычайно спроенъ, имѣлъ

„прогашельной голосъ, говорилъ
 „пріятно, никогда не жаловался
 „на свое заключеніе, и шайлъ свое
 „имя. — Сей неизвѣстный умеръ
 „въ 1703 году и погребенъ ночью
 „въ церкви Св. Павла. Никто изъ
 „людей знамениныхъ въ Европѣ
 „не пропадалъ во время его заклю-
 „ченія; но онъ безъ сомнѣнія былъ
 „важной человѣкъ. Воиъ что случи-
 „лось въ первые дни его пребыванія
 „на островѣ Святой Маргариты...
 „Самъ Губернаторъ носилъ ему ку-
 „шанье, и выходя, запиралъ комна-
 „ту. Заключенный начертилъ од-
 „нажды нѣсколько словъ на сере-
 „бряной тарелкѣ и бросилъ ее въ
 „окно на лодку, стоявшую внизу
 „подлѣ самой башни. Рыбакъ, хо-
 „зяинъ лодки, поднялъ тарелку и
 „принесъ Губернатору, которой
 „съ великимъ безпокойствомъ
 „спросилъ: видѣлъ ли онъ надпись,
 „и не показывалъ ли кому нибудь
 „тарелки? Я только-что нашелъ

„ее, а самъ не умѣю чипашъ, оп-
 „вѣчалъ рыбака. Однакожь Губер-
 „напоръ удержалъ рыбака, ччтобы
 „увѣришся въ истинѣ его словъ.
 „Наконецъ, оппуская, сказалъ ему:
 „*поди и благодари Бога, что не*
 „*умѣешь читатъ.* Одинъ изъ до-
 „сповѣрныхъ людей, копорымъ
 „сей случай былъ извѣстенъ, живъ
 „еще и нынѣ. Шамиларъ, послѣд-
 „ній изъ Миниспровъ, зналъ тайну
 „заключеннаго. Фельдмаршалъ
 „Фѣльядъ, зяпъ его, сказывалъ мнѣ,
 „что онъ на колѣняхъ просилъ
 „пешя своего объявишъ ему, кпо
 „былъ сей человекъ, извѣстный
 „только подъ именемъ *желѣзной*
 „*маски.* Шамиларъ опвѣчалъ, что
 „онъ клялся хранишъ государ-
 „ственную тайну, и не можешъ
 „опкрышъ ее. Однимъ словомъ,
 „многіе изъ нашихъ современни-
 „ковъ свидѣтельствуютъ истину
 „мною рассказаннаго, и я не знаю
 „никакого историческаго происше-

„сшвія, которое было бы удиви-
 „пельнѣе и вѣрнѣе онаго.“—Въ жизни
 Герцога Ришельё, недавно напеча-
 танной, сія любопытная загадка,
 справедливо или нѣтъ, рѣшился.
 Авторъ говоритъ, будто человекъ
 съ желѣзною маскою былъ сынъ Ко-
 ролевы Анны и близнецъ Лудовика
 XIV, скрытый отъ свѣта Карди-
 наломъ Ришельё, для того, чтобы
 ему не вздумалось когда нибудь
 спорить о коронѣ съ братомъ сво-
 имъ. Гипотеза не совсѣмъ вѣроя-
 ная! Равно какъ и то не совсѣмъ
 вѣроятно, чтобы журналъ заклю-
 ченнаго, которымъ землякъ мой
 дорожитъ до крайности, былъ въ
 самомъ дѣлѣ писанъ Желѣзною
 Маскою. У него одно доказатель-
 ство: „заключенный въ разныхъ
 „мѣстахъ упоминаетъ о шоколадѣ,
 „которой къ нему по ушрамъ но-
 „сили; при Лудовикѣ XIV пили
 „шоколадъ одни знашныя; а какъ въ
 „это время (сколько извѣстно)

„никто изъ важныхъ людей, кромѣ
 „человѣка съ Желѣзною Маскою,
 „не содержался въ Басилии, то
 „надобно, чпобы журналъ былъ
 „его!“ Впрочемъ Авторъ сихъ днев-
 ныхъ записокъ, Желѣзная Ма-
 ска или другой кто, не гово-
 ритъ ничего примѣчанія досто-
 наго; однѣ жалобы на скуку, на
 жестокость заключенія, въ несвяз-
 ныхъ словахъ, безъ орографіи —
 и все шупъ.

Парижъ, Мая . . .

Шестъ дней сряду, въ 10 часовъ
 утра, хожу я въ улицу Св. Якова,
 въ Кармелипской монастырь . . .
 „За чѣмъ?“ спросите вы: „за шѣмъ
 ли, чпобы разсмапривать тамош-
 нюю церковь, древнѣйшую въ Па-
 рижѣ, и нѣкогда окруженную гу-
 спымъ мрачнымъ лѣсомъ, гдѣ Св.
 Діонисій въ подземной глубинѣ

укрывался отъ враговъ своихъ, то
 есть враговъ Христіанства, благо-
 честія и добродѣтели? За тѣмъ
 ли, чшобы рѣшить споръ Испори-
 ковъ, — изъ которыхъ одни при-
 писываютъ строеніе сего храма
 язычникамъ, а другіе Королю Ро-
 берту: одни утверждаютъ, что
 спашуя, видимая вверху, на пор-
 шалѣ, есть образъ богини Цереры;
 а другіе увѣряютъ, что она пред-
 ставляетъ Архангела Михаила?
 Или за тѣмъ, чшобы удивляться
 великолѣпію ошарей, ихъ брон-
 зѣ, золоту, барельефамъ?.. Нѣтъ;
 я хожу во Кармелипской мона-
 сшрь для того, чшобы видѣть
 милую, проташельную Магдалину
 живописца Лебрюна, шаять сер-
 дцемъ, и даже плакать! . . . О
 чудо несравненнаго искуссства!
 я вижу не холодныя краски,
 и не бездушное полотно, но
 живую, Ангельскую красоту, въ
 горести, въ слезахъ, которыя изъ

небесныхъ голубыхъ глазъ ея
 льются на грудь мою ; чувствую
 тепло, жаръ ихъ, и вмѣстѣ съ
 нею плачу. Она узнала суету міра
 и злополучіе спраспей ! Сердце
 ея, для свѣта охладѣвшее, пыла-
 етъ предъ олтаремъ Всевышняго.
 Не муки адскія ужасають Магда-
 лину ; но мысль, что она не до-
 стойна любви Того, Кпо любимъ
 ею столь ревностно и пламенно :
 любви Отца небеснаго — чувство
 нѣжное, однѣмъ прекраснымъ ду-
 шамъ извѣстное ! *Прости меня,*
 говоритъ ея сердце. *Прости меня,*
 говоритъ ея взоръ . . . Ахъ ! не
 только Богъ, совершенная бла-
 госнь, но и самые люди, рѣдко
 не жестоки, какихъ бы слабостей
 не просили такому искреннему,
 святому раскаянію ? . . . Никогда я
 не думалъ, не воображалъ, что-
 бы картина могла быть столь
 краснорѣчива и прогнательна. Чѣмъ
 болѣе смотрю на нее, тѣмъ глуб-

же вникаю чувствомъ въ ея красоты. Все прелесно въ Магдалинѣ: лице, станъ, руки, распрепанные волосы, служащіе покровомъ для лилейной груди; всего же прелеснѣе глаза, отъ слезъ покраснѣвшіе... Я видѣлъ много славныхъ произведеній живописи: хвалилъ, удивлялся искусству; но эту картину желалъ бы имѣть; былъ бы счастливѣе съ нею; однимъ словомъ, люблю ее! Она стояла бы въ моемъ уединенномъ кабинетѣ, всегда передъ моими глазами

Но открытъ ли вамъ тайную прелестъ ея для моего сердца? Лебрюнъ, въ видѣ Магдалины, изобразилъ нѣжную, прекрасную Герцогиню Лавальеръ, которая въ Лудовикѣ XIV любила не Царя, а человека, и всѣмъ ему пожертвовала: своимъ сердцемъ, невинностію, спокойствіемъ, свѣтомъ. Я воображаю тихую лунную ночь, когда, гуляя въ Версальскомъ Пар-

къ съ своими подругами, милая Лавальеръ сказала имъ: „вы говорите о придворныхъ красавцахъ, а забываете перваго: нашего любезнаго Короля. Не пышность прона ослѣпляетъ глаза мои; нѣтъ, и въ сельской хижинѣ, въ платьѣ бѣднаго паслушка, предпочла бы я его всѣмъ мужчинамъ на свѣтѣ.“ — Король былъ въ двухъ шагахъ отъ прелестной; скрывался за деревомъ, слышалъ ея слова и сердце ему сказало: „вотъ она, которую ты любишь, долженъ!“ Онъ не зналъ ее; на другой день спарался говорить со всѣми придворными дамами; узналъ Лавальеръ по голосу — и нѣсколько лѣтъ, будучи обожаемъ, самъ обожалъ ее; измѣнилъ — и несчастная оставила свѣтъ, заключилась въ Кармелитскомъ монастырѣ, испребила въ душѣ всѣ земныя склонности, жила 36 лѣтъ единственно для добродѣ-

пели, для Неба, подъ именемъ Луизы, *сестры милосердія*, ревностно исполняя спрогiя должности Ордена и званiя своего.

Парижъ, Мая...

Я думаю теперь: какое могло бы быть самое любопытнѣйшее описаніе Парижа? Исчисленіе здѣшнихъ монументовъ Искусства (разсѣянныхъ, такъ сказать, по всѣмъ улицамъ) рѣдкихъ вещей въ разныхъ родахъ, предметовъ великолѣпія, вкуса, имѣющъ конечно свою цѣну; но десять такихъ описаній, и самыхъ подробныхъ, опдалъ бы я за одну крапкую *характеристику*, или за *галерею признанія достойныхъ людей въ Парижѣ*, живущихъ не въ огромныхъ палапахъ, а по большей части на высокихъ чердакахъ, въ тѣсномъ уголкѣ, въ неизвѣстности. Вотъ

V.

обширное поле, на которомъ можно собрать тысячу любопытныхъ анекдотовъ! Здѣсь-то бѣдность, недоспашокъ въ средствахъ къ пропитанію, доводитъ человека до удивительныхъ хитросплетеній, истощаетъ и разумъ и воображеніе! Здѣсь многіе люди, которые всякой день являющіяся на гульбищахъ, въ Пале-Рояль, даже въ спектакляхъ, причесанные волосъ къ волосу, распудренные, съ большимъ кошелькомъ на спинѣ, съ длинною шпагою на бедрѣ, въ черномъ кафтанѣ, не имѣютъ копѣйки вѣрнаго дохода; а живутъ, веселятся, и, судя по наружному виду, безпечны какъ птицы небесныя. Средства? они разнообразны, безчисленны, и нигдѣ кромѣ Парижа неизвѣстны. Напримѣръ: человекъ, изрядно одѣтый, который сидитъ въ Caffé de Chartres за чашкою *баваруа*, говоритъ не умолкая, съ видомъ благороднымъ, пріятнымъ—

шутитъ , рассказываетъ забавные анекдоты — знаете ли, чѣмъ живетъ? продажею *афишъ* , или всякаго рода печатныхъ объявленій , которыми здѣсь бывають облъплены стѣны. Ночью , когда городъ успокоился и люди по домамъ разбредутся , онъ ходитъ собирать свой кормъ , изъ улицы въ улицу , сдираетъ со стѣнъ печатные листы , относитъ ихъ къ пирожникамъ , имѣющимъ нужду въ бумагѣ , получаетъ за то нѣсколько копѣекъ , ливра два или цѣлой *экио* , ложится на соломенной пюфякъ въ какомъ нибудь *грензе* (*), и засыпаетъ покойнѣе многихъ Крезовъ. Другой человекъ , которой также всякой день бываетъ въ *публикѣ* , то есть , въ Тюльери, Пале-Рояль, и котораго вы по кафтану сочтете Клеркомъ (**), есть . . . опкупщикъ ; но прошу угадать ,

(*) То есть , чердакъ. (**) Писаремъ.

какой? У него на опкупѣ... всѣ булавки, потеряемыя дамами въ Ипаліянскомъ Спектаклѣ. Когда занавѣсъ опускается и всѣ зрители выходящѣ изъ залы, онъ только-что является въ Театръ, и съ дозволенія Директорскаго, между пѣмъ какъ гасящѣ свѣчи, ходящѣ изъ ложи въ ложу подбирающѣ булавки; ни одна не укроется отъ его мышиныхъ глазъ, гдѣ бы она ни лежала; и въ то мгновеніе, какъ слуга хочещѣ гасящѣ послѣднюю свѣчу, нашѣ опкупщикѣ хватающѣ послѣднюю булавку; говоритѣ: *слава Богу! завтра я не умру съ голоду!* и бѣжитѣ съ своимъ пакетомъ къ лавошнику. — Я былъ въ Мазариновой Библіотекѣ и смотрѣлъ на ряды книгъ безъ всякихъ мыслей. Ко мнѣ подошелъ съдой спарикъ, въ темномъ кафтанѣ, и сказалъ: „вы желаете видѣть примѣчанія достойныя книги и манускрип-

пы?“—Желалъ бы, государь мой! — „Я къ вашимъ услугамъ.“ И спарикъ началъ мнѣ показывать рѣдкія изданія, древнія рукописи, безпрестанно говоря, извѣсняя. Я думалъ, что онъ Библіотекарь: совсѣмъ нѣтъ; но придцать лѣтъ служишь тамъ *живымъ каталогомъ* для любителей и чинашелей книгъ. Надзирашели Мазариновой Коллегіи дозволяють спарику хозяйствовать въ Библіотекѣ, и черезъ то промышлять себѣ хлѣбъ. Дайте ему *эки* или мѣдную копѣйку: онъ возьметъ ихъ съ равною благодарностію; не скажетъ: *мало!* не сморщитъ лба; также и за горсть серебряной монеты не поклонится вамъ ниже обыкновеннаго. Парижской нищій хочетъ имѣть наружность благороднаго человека. Онъ беретъ подаяніе безъ стыда; но за грубое слово вызоветъ васъ на поединокъ: у него есть шпага!

Въ Галлерей примѣтанія достой-
ныхъ людей занялъ бы конечно
не послѣднее мѣсто одинъ здѣш-
ній Споикъ, извѣстный подъ име-
немъ *тетырнадцати - луковошнаго*
(*de quatorze-oignons*), испинный
Диогеновъ человекъ, опказывающій
себѣ все то, что не есть въ
спрогомъ смыслѣ необходимо для
жизни. Онъ промысломъ *носильщикъ*
(*); все его имѣніе состоить въ
большой корзинѣ: днемъ разноситъ
въ ней по комиссіи всякую вся-
чину, а ночью спитъ какъ въ аль-
ковѣ на городской площади, подъ
колоннадою. Сорокъ лѣтъ не пере-
мѣняетъ своего камзола, въ слу-
чаѣ нужды нашиваетъ заплапы,
и такимъ образомъ опъ времени
до времени возобновляетъ его, какъ
Природа, по мнѣнію Медиковъ,
возобновляетъ въ разные періоды
человѣческое плѣло. 14 Луковицъ

(*) *Porte-faix.*

составляють его дневную пищу. Не думайте, чтобы онъ жилъ такъ по необходимости; нѣтъ, бѣдные просятъ у него милосшыни, и получаютъ; другіе берутъ въ займы — но Парижской Діогенъ никогда не прѣбуетъ назадъ своихъ денегъ, ежедневно вырабатывая 3 и 4 ливра. Онъ умѣетъ быть благоудѣшелемъ и другомъ; говоритъ мало, но съ выразительнымъ лаконизмомъ. Многіе Ученые знакомы съ нимъ. Химистъ Л* спросилъ у него однажды: „щаспливъ ли ты, доброй человѣкъ?“, — Думаю, отвѣчалъ нашъ Философъ. — „Въ чемъ состоятъ твои удовольствія?“ — Въ работѣ, въ опдыхѣ, въ безпечности. — „Прибавь еще: въ благоудѣянiяхъ. Я знаю, что ты дѣлаешь много добра.“ — Какого? — „Поддаешь милосшыню.“ — Отдаю лишнее. — „Молишься ли Богу?“ — Благодарю Его. — „За что?“ — За себя. — „Ты не боишься смер-

пи?“ — Ни жизни, ни смерти. —
 „Чишаешъ книги?“ — Не имѣю
 времени — „Бываетъ ли тебѣ
 скучно?“ — Я никогда не бываю
 празденъ. — „Не завидуешь нико-
 му?“ — Я доволенъ собою. — „Ты
 истинной мудрецъ.“ — Я человекъ.
 — „Желаю твоей дружбы.“ — Всѣ
 люди друзья мои. — „Есть злые.“
 — Ихъ не знаю.

Къ великому моему сожалѣнію
 я не видалъ сего новаго Діогена.
 Онъ скрылся при началѣ револю-
 ціи. Иные думаютъ, что его уже
 нѣтъ на свѣтѣ. Вотъ доказатель-
 ство, что въ самомъ низкомъ со-
 стояніи можетъ родиться и
 жить *Геній дѣятельной мудрости.*

Парижъ, Мая . . .

Нынѣшній день видѣлъ я двѣ
 чудесныя школы: училище приро-
 дно-глухихъ и нѣмыхъ (копорымъ

посредствомъ знаковъ сообщаютъ самыя трудныя , сложныя , метафизическія идеи (*); которые знаютъ совершенно грамматику, разбираютъ всѣ книги, и сами пишутъ яснымъ, чистымъ правильнымъ слогомъ), и еще другую, не менѣе удивительную школу природно - слѣпыхъ, которые умѣютъ читать, знаютъ Музыку, Географію, Математику. Аббатъ л'Епе, основатель перваго училища, умеръ; мѣсто его занялъ Аббатъ Сикаръ, который съ великою ревностію посвящаетъ себя искусству дѣлать получеловѣковъ совершенными людьми, замѣняя въ нихъ, такъ сказать, новымъ органомъ слухъ и языкъ. Молодой Шведъ, бывшій вмѣстѣ со мною у Сикара, написалъ на бумажкѣ: *вы ко-*

(*) См. III Часть Писемъ Рускаго Путешественника.

нетно жалѣете о л' ѿне—и подалъ ее одному изъ учениковъ, которой потчасъ, схвативъ перо, опвѣчалъ: *безъ сомнѣнїя; онъ нашъ благодѣтель, разбудилъ въ насъ умъ, далъ намъ мысли и другаго учителя, подобнаго ему въ искусствѣ и въ ревности быть нашимъ просвѣтителемъ, другомъ, вторымъ отцомъ.* Многие изъ нѣмыхъ спраспно любящъ чтеніе, такъ, что для сохраненїя ихъ глазъ надобно опнимать у нихъ книги. Съ удивительною скороспію говорящъ они знаками между собою, выражая самыя опвлеченныя идеи; кажется, будто не могутъ нарадоваться своею новою способностію.

Въ другой школѣ, заведенной Господиномъ Гюа, слѣпые учатся Ариѣметикѣ, чтенію, Музыкѣ и Географіи посредствомъ *выпуклыхъ* (en relief) знаковъ, буквъ, нотъ и ландкартъ, разбираемыхъ ими по осязанію. Ученикъ, щупая ряды ли-

перѣ и ногѣ, передѣ нимѣ лежа-
щихѣ, читаеѣ, поеѣ; прикоснув-
шись рукою къ ландкартѣ, гово-
риѣ: *здѣсь Парижѣ, тутѣ Мо-
сква; здѣсь Отагити, тутѣ Филип-
пинскіе острова.* Шведѣ шихонько
перевернулѣ карту; слѣпой, до-
пронувшись донее, сказалѣ: *она ле-
житѣ вверхѣ ногами,* и снова оборо-
тилѣ ее. Какѣ у зрячихѣ судяѣ
глаза о разспояніи предметовѣ, ихѣ
взаимныхѣ опношеніяхѣ: такѣ у
слѣпыхѣ осязаніе, удивительно
тонкое, вѣрно *соглашенное* съ памя-
тью и воображеніемѣ. На примѣрѣ:
если я, зажмуривѣ глаза, ощу-
паю нѣсколько предметовѣ, по
мнѣ очень трудно будеѣ вообра-
зиѣ ихѣ взаимное между собою
опношеніе, отѣ непривычки су-
диѣ о вещахѣ по осязанію;
напрошивѣ того слѣпые во-
ображающѣ по ощупи такѣ же
быстро, какѣ мы по глазамѣ. Над-
зирашель хотѣлѣ сдѣлать намѣ

полное удовольствіе, и велѣлъ
 слѣпымъ ученикамъ своимъ пѣть
 гимнъ, сочиненный для нихъ Обе-
 ромъ. Прекрасные голоса! прога-
 шельная мелодія! милыя слова!
 Мы заплакали. Надзирашель уви-
 дѣлъ слезы наши, и велѣлъ уче-
 никамъ повѣпорить гимнъ. Вотъ
 переводъ его:

Владыка міра и судьбины!
 Дай видѣть намъ лучъ солнца Твоего
 Хошя на часъ, на мигъ единый,
 И новой шьмой для насъ покрой его:
 Лишь шолькобъ мы узрѣли
 Благотворишелей своихъ,
 И милый образъ ихъ
 Навѣкъ въ сердцахъ запечатлѣли.

Парижъ, Мая

Вы получали бы отъ меня не
 листы, а цѣлыя пепради, есть-
 ли бы я описывалъ вамъ всѣ кар-

пины, статуи и монументы, мною
видимыя. Здѣсь церкви кажутся
галереями живописи или Акаде-
міями Скульптуры. Мудрено ли?
Со временъ Франциска I донынѣ,
Художества цвѣли въ Парижѣ какъ
въ милой отчизнѣ своей. Замѣчу
только, что у меня осталось въ
памяти.

На примѣръ: соборная церковь
Богоматери, Notre Dame—зданіе
готическое, огромное и почтенное
своею древностію—наполнена кар-
тинами лучшихъ Французскихъ жи-
вописцевъ; но я, не говоря объ нихъ
ни слова, опишу вамъ единственно
памятникъ супружеской любви,
сооруженный памъ новою Арте-
мизою. Графиня д' Аркуръ, поше-
ривъ милаго супруга, хотѣла по-
средствомъ сего мавзолея, изваян-
наго Пигалемъ, оставить долго-
временную память своей нѣжно-
сти и печали. Ангелъ одною ру-
кою снимаетъ камень съ могилы

д' Аркура, а другою держитъ свѣ-
 пильникъ, чѣобы снова воспламе-
 нить въ немъ искру жизни. Су-
 пругъ, оживленный благопворною
 теплою, хочетъ вспасть, и сла-
 бую руку проспираетъ къ милой
 супругѣ, которая бросается въ его
 объятія. Но смерть неумолимая
 спойтъ за д' Аркуромъ, указываетъ
 на свой песокъ, и даетъ знать,
 что время жизни прошло! Ангелъ
 гаситъ свѣпильникъ. . . . Сказыва-
 ютъ, что нѣжная Графиня, без-
 пресшанно оплакивая кончину лю-
 безнаго, видѣла точно такой сонъ:
 Художникъ изобразилъ его по ея
 описанію — и никогда рѣзецъ Пи-
 галевъ не дѣйствовалъ на мое чув-
 ство столь разительнo, какъ въ
 семъ прогательномъ, меланхоли-
 ческомъ представленіи. Я увѣренъ,
 что сердце его участвовало въ
 работѣ.

Тупъ же видѣлъ я грубую спа-
 тую Короля Филиппа Валуа. По-

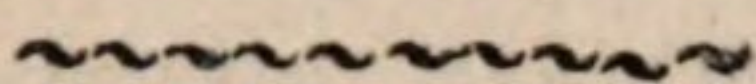
бѣдивъ непріятелей, онъ вѣхалъ
верхомъ въ соборную Парижскую
церковь. Художникъ такъ и пред-
ставилъ его : на лошади , съ ме-
чемъ въ рукѣ—не много уваженія
къ святыню Храма!—

Въ Сорбонскую церковь ходящъ
всѣ удивлялся искусству ваяше-
ля Жирардона. На монументѣ, въ
древнемъ вкусѣ, представленъ
Кардиналъ Ришельё ; умирая въ
объятіяхъ Религіи, онъ кладетъ
правую руку на сердце, а въ лѣ-
вой держитъ духовныя свои пово-
ренія. Наука, въ видѣ молодой
женщины, рыдаетъ у ногъ его.—
Говорящъ, что Пепръ Великій,
смотря на сей памятникъ, ска-
залъ внуку Кардинала, Герцогу Ри-
шельё : *Твой дѣдъ былъ величай-
шій изъ Министровъ; я отдалъ бы
половину своего Государства за то,
чтобы научили меня править дру-
гою, какъ онъ правилъ Франціею.*
Не вѣрю этому анекдоту ; или

Государь нашъ не зналъ всѣхъ
 злодѣйствъ Кардинала, хитраго
 Министра, но свирѣпаго человека,
 врага непримиримаго, хвастливаго
 покровителя Наукъ, но зависни-
 ка и гонителя великихъ дарованій.
 Я представилъ бы Кардинала не
 съ Христіанскою, свяшою Рели-
 гіею, а съ чудовищемъ, которое
 называється Полипиною, и кото-
 рое описывается Вольперъ въ Ган-
 ріадѣ:

Дщерь гордости властолюбивой,
 Обмановъ и коварства мать,
 Всѣ виды можешь принимая:
 Казаться мирною, правдивой,
 Покойною въ опасный часъ;
 Но сонъ вѣки не смыкаетъ
 Ея глубоко-впавшихъ глазъ;
 Она трудится, вымышляетъ;
 Печать у Истины беретъ,
 И взоры обольщаетъ ею;
 За Небо будто возстаешь,
 Но адской злобою своею
 Разилъ лишь собственныхъ враговъ.

Впрочемъ сей монументъ ваятельнаго Искусства есть одинъ изъ лучшихъ въ Парижѣ.

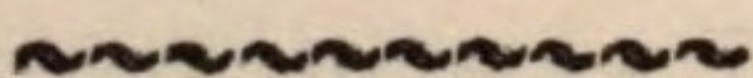

Въ церкви Селестиновъ (des Celestins) есть придѣлъ Герцога Орлеанскаго, которой напоминаетъ странное и несчастное приключеніе. Карлъ VI вздумалъ однажды для маскарада нарядиться Сапиромъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ своихъ придворныхъ. Герцогъ Орлеанской подошелъ къ нимъ съ факеломъ, и нечаянно зажегъ мохнатое платье на одномъ изъ нихъ. Къ несчастью они были связаны цѣпочкою другъ съ другомъ, и не могли скоро распушаться; огонь разлился, обхватилъ ихъ, и въ нѣсколько минутъ почти всѣ сгорѣли. Король спасенъ былъ Герцогинею де Берри, которая бросила на него свою маншетью, и запу-

шила пламя. Герцогъ , чтобы за-
 гладить свою бѣдственную нео-
 спорожность , соорудилъ велико-
 лѣпный олтарь въ церкви Селе-
 спиновъ. — Тамъ много картинъ и
 памятниковъ; между прочими мо-
 нументъ Леона , Царя Армянска-
 го , которой , будучи выгнанъ изъ
 земли своей Турками , умеръ въ
 Парижѣ въ 1393 году. Фруасаръ ,
 современный Историкъ , говоритъ
 объ немъ слѣдующее: „Лишенный
 „прона, сохранилъ онъ царскія
 „добродѣтели, и еще прибавилъ
 „къ нимъ новую: великодушное
 „перпѣніе; съ благодѣтелемъ сво-
 „имъ, Карломъ VI, обходился какъ
 „съ другомъ, не забывая собствен-
 „наго царскаго сана ; а смерть
 „Леонова была достойна жизни
 „его.“ — Близъ гробницы неща-
 сшнаго Царя , въ готическомъ ни-
 шѣ , нѣжная дочь соорудила па-
 мятникъ нѣжной матери. Черная
 мраморная урна стоитъ на бѣлой

колоннѣ , съ надписью: „Будучи
 „другомѣ дѣшей своихъ , она за-
 „спавляла ихъ плакать. . . . шоль-
 „ко опѣ благодарности ; скром-
 „ность ея даже удивлялась не-
 „обыкновенной любви нашей“ (пре-
 красная черта!). „Да будетъ сей
 „памятникѣ священѣ для добрыхъ
 „и чувствительныхъ сердецъ!
 „Здѣсь погребена Марія Токарѣ ,
 „Графиня де Коссе , умершая 29
 „Сентября 1779 году.“ — Подлѣ
 прогашельной надписи видите вы-
 смѣшную, надѣ гробомѣ рыцаря
 Бриссака. Вотѣ она : „Что я ?
 „мершвой или живой ? мершвой ;
 „нѣшѣ, живой. Ты спросишь : по-
 „чему? опвѣчаю: попому, что имя
 „мое вездѣ шумишѣ , вездѣ гре-
 „мишѣ (*mon nom court et bruit en*
 „*tous lieux*).“ — Вѣ сей же церкви
 стоитѣ славная Пилонова группа,
 при нагія Граціи , одна другой
 лучше, и всѣ прекрасныя ; но не
 странно ли видѣшь языческихъ бо-

гинь въ храмъ истиннаго Бога ?
 Такъ угодно было Каперинъ Меди-
 цисъ. Она велѣла заключить сер-
 дце свое въ одну урну съ сердцемъ
 Генриха II, и поставитъ ее на го-
 лову Граціямъ. Чудная мысль!

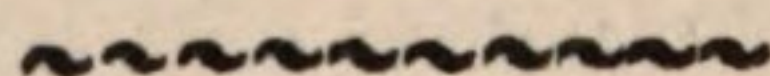
Въ церкви Св. Кома погребенъ
 нѣкпо Трульякъ, рогатой чело-
 вѣкъ. Онъ былъ представленъ за
 чудо Генриху IV. который пода-
 рилъ его своему конюшему; а ко-
 нюшій показывалъ его за деньги
 народу. Сей бѣдный Сапиръ край-
 не оскорблялся своимъ урод-
 ствомъ и умеръ съ горя. На гро-
 бѣ его вырѣзали эпиграфъ шако-
 го содержанія:

*Здѣсь погребенъ Трульякъ. Не буди же-
 натъ,
 Сей жалкой теловѣкъ (о диво!) былъ ро-
 гатъ!*

Въ церкви Св. Стефана, копто-
рой странная архитектура пред-
ставляеѣ вамъ соединеніе Гре-
ческаго вкуса съ готическимъ,
найдете вы гробъ нѣжнаго Расина
безъ всякой эпитафіи; но его имя
напоминаеѣ лучшія произведенія
Французской Мельпомены — и до-
вольно. Тутъ же погребенъ Па-
скаль (Философъ, Теологъ, остро-
умной Авторъ, котораго Провин-
ціальныя письма донынѣ ставятъ-
ся въ примѣръ хорошаго Фран-
цузскаго слога); Турнфоръ, слав-
ной Ботаникъ и путешествен-
никъ; Тонье, искусной Медикъ
(котораго эпитафія говоритъ:
*Теперь только, смертные, страши-
тесь смерти; ибо Тонье умеръ и
васъ летитъ не кому*), и живопи-
сецъ ле-Сюеръ, прозванный Фран-
цузскимъ Рафаелемъ: предметъ
зависпи и даже злобы другихъ
современныхъ живописцевъ! На
примѣръ, ле-Брюнъ не могъ равно-

душно слышатъ, чшобы говорили о ле-Сюеровыхъ карпинахъ, и видя его при послѣднемъ издыханіи, сказалъ: *теперь гора свалится у меня съ плетъ, и смерть этова теловѣка вынетъ занозу изъ моего сердца!* Въ другое время, смотря на ле-Сюерову карпину, и думая, чшо его никто не слышитъ, ле-Брюнъ шепталъ: *прекрасно! удивительно! несравненно!* Горестно слышатъ такіе черные анекдоты о великихъ Арписпахъ; и какъ я люблю живописца Магдалины, такъ гнушаюсь врагомъ ле-Сюеровымъ.

Въ церкви Св. Евстафія погребенъ Кольберъ. Памятникъ достоинъ его памяти. Онъ изображенъ на колѣняхъ, на черной мраморной гробницѣ, передъ Ангеломъ, держащимъ разогнутую книгу. Изобиліе и Религія, въ видѣ

женщинъ, стоятъ подлѣ. Великій Министръ, слава Франціи и Людовика XIV! Онъ служилъ Королю, спараясь умножать его доходы и силы; служилъ народу, спараясь обогатить его посредствомъ разныхъ выгодныхъ заведеній и торговли; служилъ человѣчеству, способствуя быстрымъ успѣхамъ Наукъ, полезныхъ Искусствъ и Словесности, не только во Франціи, но и въ другихъ земляхъ. Побѣдоносные Людовиковы флоты, какъ будто бы словомъ: *да будетъ!* сотворенные; лучшія Французскія мануфактуры; Лангедокской каналъ, соединяющій Средиземное море съ Океаномъ; именитыя торговыя общества: Индѣйское, Американское — и почти всѣ Академіи оспались монументами его незабвеннаго правленія. Можно смѣло сказать, что Кольберъ былъ первымъ Министромъ въ свѣтѣ; ищущу въ мысляхъ, и не нахожу

другова, ни споль мудраго, ни споль щаспливаго въ своихъ предпріятіяхъ (второе было конечно слѣдствіемъ перваго) — и слава его Минисперспва прославила царствованіе Лудовика XIV. Вотъ предметъ, достойный соревнова- нія всѣхъ Миниспровъ! И всякому изъ нихъ должно имѣть въ кабинетѣ портретъ Кольбертовъ, чшобы смотрѣть на него и не забывать великихъ своихъ обязанностей. — Но какой Монархъ, какой Миниспръ можетъ удовольствоваться всѣхъ людей? Одинъ изъ недовольныхъ Кольбертомъ написалъ на его статуѣ: *res ridenda nimis, vir inexorabilis orat!* то есть: *какъ смѣшно видѣть моленіе неумолимаго теловѣка (*)!*

Въ Аббатствѣ Св. Женевьевы хранился прахъ Декартовъ, пере-

(*) Онъ представленъ на гробницѣ молящимся.

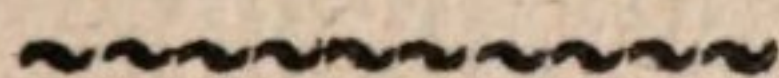
везенный изъ Стокгольма черезъ
 17 лѣтъ послѣ смерти Филосо-
 фа. Нѣтъ памятника! Эпишафія
 говоритъ, что онъ былъ первымъ
 мудрецомъ своего вѣка — и спра-
 ведливо. Прежде его, Философія
 состояла въ одномъ школьномъ
 пуспословіи. Декартъ сказалъ,
 что она должна быть Наукою При-
 роды и человѣка; взглянулъ на
 вселенную глазами мудреца, и
 предложилъ новую, остроумную
 систему, которая все изъясняетъ
 — и самое неизъяснимое; во мно-
 гомъ ошибся, но своими ошибками
 направилъ на путь истины Ан-
 глійскихъ и Нѣмецкихъ Филосо-
 фовъ; заблуждался въ лабиринтъ,
 но бросилъ нить Аріадны Невпо-
 ну и Лейбницу; не во всемъ до-
 стоинъ вѣры, но всегда досто-
 инъ удивленія; всегда великъ, и
 своею Метафизикою, своею Мо-
 ралью возвеличиваетъ санъ чело-
 вѣка, убѣдительно доказывая бы-

V.

піе Творца, чистую безтѣлесность души, святость добродѣтели. Я не давно читавъ слѣдующее сравненіе между Декартомъ и Невтономъ: „Они равны *вымысломъ* или „духомъ изобрѣшенія; первый бы- „спрѣе, высокопарнѣе: второй глу- „бокомысленнѣе. Таковъ характеръ „Французовъ и Англичанъ; умъ „первыхъ *строитъ въ вышину*, умъ „последнихъ *углубляется въ осно- „ваніе*. Оба Философа хотѣли со- „здасть міръ, подобно какъ Алек- „сандръ хотѣлъ завоевать его; „оба безсмертны, оба велики въ „понятіяхъ своихъ о Напурѣ.“

Въ томъ же Аббатствѣ взгля- нуль я на гробницу Кловиса (за- воевателя Галліи, перваго Царя Французовъ), на изображеніе Рима (*en relief*), въ которомъ видны всѣ улицы, всѣ большія зданія; на Библіотеку и на рѣдкое собраніе Еги- птскихъ, Этрусскихъ, Грече- скихъ, Римскихъ и Гальскихъ рѣд- коспей.

Новая церковь Святой Женевьевы величественна и прекрасна. Знапоки Архитектуры особливо хвалять фронтонъ, въ которомъ смѣлоспъ готическая соединена съ красопою Греческою. Наружность и внутренность Коринтскаго Ордена; послѣдняя не совсемъ еще отдѣлана.

Въ Аббатствѣ Св. Виктора хранятся древніе манускрипты; между прочими Библия въ рукописи девятого вѣка, и Алькоранъ самой вѣрной: что засвидѣтельствовано Турецкимъ Посломъ, которой съ великимъ благоговѣніемъ читалъ и цѣловалъ его.

Въ Королевскомъ Аббатствѣ, гдѣ все богато и великолѣпно, всего лучше внутренность купола, расписанная водяными красками Миньяромъ; знапоки называють ее со-

вершенствомъ. Мольеръ сочинилъ Поэму въ честь Миньяра. Жаль, чпо краски уже перяюшъ свою живоспъ.

Въ церкви Св. Андрея соору-
женъ памятникъ Аббапу Баппе,
наставнику Авторовъ, котораго
за два года передъ симъ чипалъ
я съ любезнымъ Агапономъ, вни-
кая въ испину его правилъ и раз-
бирая красоты его примъровъ.
Монументъ нравится своею про-
стою ; на колоннъ стоить ур-
на съ медальономъ умершаго, и
съ милою надписью : amicus ami-
co, *другъ другу*. — Тутъ же ви-
дѣлъ я одну старинную Француз-
скую эпитафію въ стихахъ, ко-
торая содержишь въ себѣ испо-
рію Маввѣя Шартьё, *добраго че-
ловѣка*, и которая мнѣ очень по-
любилась. На примѣръ : „Онъ вѣ-
рилъ Богу, Христіянству, без-
смертію, добродѣтели ; не вѣ-
рилъ лицемѣрамъ суевѣрія и ща-

„спію порока; жилъ 50 лѣтъ съ
 „женою своею, и всякой наспупа-
 „ющій годъ желалъ провести съ
 „нею какъ минувшій: любилъ въ
 „будни работу, а въ праздникъ го-
 „стей; училъ добру дѣшей сво-
 „ихъ, иногда умными словами, а
 „чаще примѣромъ. Мнѣніе и сви-
 „дѣтельство его уважалось во
 „всемъ околѣ, и люди говори-
 „ли: *такъ сказалъ Матвій Шар-*
 „*тъе, доброй телѣкъ!* Прохожій!
 „не дивись, что гробница его сдѣ-
 „лана не изъ Паросскаго мрамора,
 „и не украшена Фригійскою рабо-
 „пою; богатые памятники нуж-
 „ны для тѣхъ, которые жизнью
 „и дѣлами не оставили по себѣ
 „доброй памяти; имя Матвѣя
 „Шартъѣ есть и будетъ живымъ
 „его монументомъ. 1559.“

Въ храмъ Бенедиктиновъ погре-
 бенъ изгнанникъ Іаковъ II. Онъ
 велѣлъ схоронить себя безъ вся-
 кой пышности и на гробѣ напи-

сать только : ci - git Jacques II ,
 Roi de la Grande Bretagne. Ко-
 роль самой несчастливѣйшій , по-
 тому что никто не жалѣлъ о его
 несчастіи!

Церковь Кармелитовъ досто-
 на примѣчанія богатымъ монументомъ , сооруженнымъ въ ней
 господами Буллене опцу и масте-
 ри ихъ; но Исторія Кармелитовъ,
 изданная на Латинскомъ языкѣ ,
 еще достойнѣе примѣчанія. Ав-
 торъ утверждаетъ , что не толь-
 ко всѣ славнѣйшіе Христіане , но
 и самые язычники: Пифагоръ, Ну-
 ма Помпилій, Зороастръ, Друиды,
 были монахи Кармелитскаго Ор-
 дена. Имя его происходитъ отъ
 Сирійской горы Кармель, гдѣ жи-
 ли благочестивые пустынники,
 первые основатели Кармелитска-
 го общества.

Въ церкви Св. Жермена погре-
 бенъ Французской Горацій, Ма-
 лербъ, о которомъ сказалъ Буало,

что онъ первой узналъ тайную силу
каждаго слова, поставленнаго на
своемъ мѣстѣ. По сіе время мож-
но чипать съ великимъ удоволь-
ствіемъ Оды его, и всѣ знающіе
наизустъ прекрасную строфу:

La mort a des rigueurs à nulle autre
pareilles;

On a beau la prier:

La cruelle qu'elle est, se bouche les
oreilles,

Et nous laisse crier.

Le pauvre en sa cabane, où le chaume
le couvre,

Est sujet à ses loix,

Et la garde qui veille aux barrières du
Louvre,

N'en défend point nos Rois.

Тупъ же погребены мужъ и жена
Дасье, копорыхъ соединила закон-
нымъ бракомъ любовь. . . къ Гре-
ческому языку; копорые въ уче-
номъ супружествѣ своемъ ласка-
ли другъ друга Греческими име-
нами, и тогда бывали веселы,

тогда бывали щасптивы , когда находили новую красоту въ спихѣ Гомеровомѣ. О варварство ! о неблагодарность ! на гробѣ ихъ нѣтъ Греческой надписи!!

Кеношафѣ Графа Келюса , въ одномѣ изъ придѣловъ Св. Жермена, сдѣланѣ изъ самаго лучшаго порфира. Графѣ берегѣ его долгое время для своей гробницы. Человѣкъ , которой для успѣховъ Искусства не жалѣлъ ни трудовъ , ни имѣнія , ни самой жизни , достоинѣ такого кеношафа. Слѣдующій анекдотѣ доказываетѣ удивительную спрасть его. Будучи въ Смирнѣ , онѣ хотѣлъ видѣть развалины Эфеса, близъ копорыхъ жилѣ тогда разбойникѣ Каракаяли, ужасѣ всѣхъ путешественниковъ. Чпужѣ сдѣлалѣ неуспрашмой Графѣ ? Сыскалѣ двухъ разбойниковъ изъ шайки Каракаяли, и нанялѣ ихъ себѣ въ проводники, съ пѣмѣ , чпобы заплашитѣ имѣ

деньги по возвращеніи въ Смирну; надѣлъ самое простое плащье, не взялъ съ собою ничего, кромѣ бумаги съ карандашемъ, и прямо съ своими жожапыми явился къ ашаману воровъ, копорой, узнавъ о намѣреніи его видѣть древности, похвалилъ такое любопытство; сказалъ, что не далеко отъ его спана есть другія прекрасныя развалины; далъ ему двухъ Арабскихъ скакуновъ, чтобы ѣхать туда—и Графъ черезъ нѣсколько минутъ очутился на развалинахъ Колофона; осмотрѣвъ ихъ, возвратился ночевать къ разбойнику, и на другой день видѣлъ то мѣсто, гдѣ былъ нѣкогда городъ Эфесъ. — Келюсъ издалъ множество книгъ: Собраніе древностей, Предметы для живописи и ваянія, Картины изъ Гомера и Виргилія, Сказки, и проч.

Церковь Св. Илера обогрилась нѣкогда кровію двухъ живописцевъ.

Одинъ изъ нихъ изобразилъ тамъ
 Адама и Еву въ земномъ раю.
 Другой, смотря на его картину,
 сказалъ : „Новорожденный младе-
 „нецъ бываетъ связанъ съ матерью
 „посредствомъ пупкихъ жилъ, ко-
 „шорыя, будучи перерѣзаны, обра-
 „зуютъ у него пупокъ. Адамъ и
 „Ева не родились, но были вдругъ
 „созворены; слѣдственно ты глу-
 „пецъ, изобразивъ ихъ съ пупкомъ,
 „котораго они имѣть не могли.“
 —Оскорбленный живописецъ вы-
 хватилъ шпагу; начался поединокъ
 — и безумцевъ на силу розняли.

Прахъ *великаго* (какъ называ-
 ютъ Французы) Корнеля покоит-
 ся въ церкви Св. Рока, безъ мав-
 золея, безъ эпитафiи. Тутъ по-
 гробена и нѣжная Дезульеръ, ко-
 торой имя напоминаетъ вамъ

*Берега кристальныхъ рѣтекъ,
 Кроткихъ, миленькихъ овецъ,
 И собачку подлѣ нихъ.*

Посошокъ , вѣнокъ , сплешенный изъ луговыхъ цвѣтовъ, и свирѣль, лучше всего украсили бы ея могилу. — Тутъ и гробъ ле-Нопра , пворца великолѣпныхъ садовъ , передъ копорыми древніе сады Гесперидскіе ничто иное , какъ сельскіе огороды. Надъ гробомъ стоишь бюстъ его : лице благородное и важное. Таковъ былъ и характеръ Арписпа. Когда онъ предлагалъ Лудовику XIV планъ Версальскихъ садовъ, рассказывая, гдѣ чему бытъ, и какое дѣйствіе должна произвести всякая его идея, Король, восхищенный такимъ богатымъ воображеніемъ, нѣсколько разъ перерывалъ его описаніе, говоря: *Ленотръ! за эту выдумку даю тебѣ 20000 ливровъ.* Наконецъ безкорыстный и гордый художникъ разсердился и сказалъ ему: *Ваше Величество! я замолчу, чтобы не разорить васъ.*

За послѣднимъ олтаремъ сей

церкви, подъ низкимъ сводомъ, въ блѣдномъ мерцаніи свѣта, возвышаеѣся дикая скала : пупъ Спаситель на крестѣ ; у ногъ Его Магдалина. На правой сторонѣ видите спящихъ воиновъ , на лѣвой сломленные деревья , между которыми ползетъ змѣя. Подъ горою голубой мраморной жертвенникъ , въ образѣ древней гробницы ; на немъ стоятъ двѣ урны , въ которыхъ дымится ѡиміамъ. Все вмѣстѣ слабо освѣщено черезъ отверстіе вверху , и составляетъ неизбяснимо-прогапельное зрѣлище. Сердце чувствуетъ благоговѣніе , и колѣна сами собою преклоняются. — Похвалите Фальконета : вы видите произведеніе рѣзца его.

Въ церкви Св. Северина списалъ я слѣдующіе стихи , вырѣзанные надъ темнымъ коридоромъ ея кладбища, и служащіе примѣромъ *игръ словъ*:

Passant, penses - tu pas passer par ce
passage,

Où pensant j'ai passé?

Si tu n'y penses pas, passant tu n'es pas
sage,

Car en n'y pensant pas tu te verras
passer.

Парижъ, Іюня. . .

Госпожа Гло* сказала мнѣ: „По-
слѣзавпра будешъ у насъ *ттеніе*.
„Аббатъ Д* привезешъ *мысли о*
„любви, сочиненіе сеспры его,
„Маркизы Л*. C'est plein de pro-
„fondeur, à ce qu'on dit. Авторъ
„также будешъ у меня, но только
„*инкогнито*. Есѣди, хошите у-
„знашь оспроуміе и глубокомы-
„сліе здѣшнихъ Дамъ, то прихо-
„дите.“ — Какъ не прийти? Я
пожертвовалъ спектаклемъ, и въ
8 часовъ явился. Хозяйка сидѣла
на Вольперовскихъ креслахъ;

во кругъ ее пять или шесть Кавалеровъ вели шумной разговоръ; на софѣ два Аббата занимали своею любезностію прехъ Дамъ; по угламъ комнапы было еще разсѣяно нѣсколько *группъ*, такъ что общество состояло изъ 25 или 30 человекъ. Въ 9 часовъ хозяйка вызвала Аббата Д* на сцену. Всѣ окружили софу. Чпецъ вынулъ изъ кармана розовую шепрадку, сказалъ что-то забавное и началъ. . . Жаль, что я не могу опѣ слова до слова пересказать вамъ мыслей Автора! Однакожь можете судить о достоинствѣ и по нѣ сочиненія по слѣдующимъ отрывкамъ, которые оспались у меня въ памяти:

„Любовь естъ *кризисъ*, рѣшительная минута жизни, съ предпешомъ ожидаемая сердцемъ. Завнавѣсь поднимается. . . *Онъ! она!* восклицаетъ сердце, и теряетъ личность бытія своего. Тайн-

„спвенный Рокъ бросаеѣ жребій
 „вѣ урну : ты блаженъ ! ты по-
 „гибѣ!“

„Все можно описать вѣ мѣрѣ,
 „все, кромѣ спраспной, героиче-
 „ской любви ; она есѣ символъ
 „неба , копорой на землѣ не извѣ-
 „ясняется. Передѣ нею исчезаеѣ
 „всякое величїе. Цесарь малоду-
 „шенъ, Регулъ слабъ. . . вѣ сра-
 „ненїи сѣ испиннымъ любовни-
 „комъ , копорый выше дѣйсѣвїя
 „спихїй, внѣ сферы мѣрскихъ же-
 „ланїй, гдѣ обыкновенныя души ,
 „какъ пылинки вѣ вихрѣ, носяпся
 „и верпяпся. Дерзко назвапъ его
 „полубогомъ — мы не язычники—
 „но онѣ не человекѣ. Зороаспрѣ
 „изображаеѣ Бога вѣ пламени :
 „пламя добродѣпельной , героиче-
 „ской любви достойнѣе всего о-
 „кружапъ пронѣ Всевышняго.“

„Монпанѣ говориѣ: *другѣ мнѣ*
 „*милѣ для того , что онѣ онѣ ; я*
 „*милѣ ему для того , что я я.*

„Монпанъ говоришь о любовникахъ
 „— или слова его не имѣють
 „смысла.“

„Прелести никогда не бывають
 „основаніемъ спраси ; она ра-
 „ждается внезапно отъ соосязанія
 „двухъ нѣжныхъ душъ въ одномъ
 „взорѣ, въ одномъ словѣ; она есть
 „ничто иное, какъ симпатія, со-
 „единеніе двухъ половинъ, копо-
 „рая въ разлукѣ помились.“

„Только одинъ разъ старають
 „вещи; только одинъ разъ любятъ
 „сердце.“

„Въ жизни чувствительныхъ
 „бывають три эпохи : *ожиданіе*,
 „*забвеніе*, *воспоминаніе*. Забвеніемъ
 „называю *восторгъ любви*, который
 „не можетъ быть продолжителенъ,
 „для того, что мы не боги, и
 „земля не Олимпъ. Любовь остав-
 „ляетъ по себѣ милое *воспомина-*
 „*ніе*, которое уже не есть *любовь*;
 „но мы, кажется, все еще любимъ
 „человѣка, для того, что нѣкогда

„обожали его. Намъ пріятно по
 „мѣсто, гдѣ что нибудь пріят-
 „ное съ нами случилось.“

„Человѣкъ, любящій славу, зна-
 „тность, богатство, подобенъ по-
 „му, кто за неимѣніемъ Новой
 „Элоизы читаетъ романъ дѣвицы
 „Скюдери; за неимѣніемъ, говорю,
 „или по дурному вкусу. На ди-
 „комъ Паросскомъ мраморѣ наро-
 „спаетъ иногда довольно пріят-
 „ная зелень; но можно ли сравнять
 „ее съ видомъ того мрамора, ко-
 „торый представляетъ Фидіасо-
 „ву Венеру? Вотъ его истинное
 „опредѣленіе (destination), подоб-
 „но какъ опредѣленіе сердца есть
 „любовь.“

„Одинъ великой музыкантъ ска-
 „залъ, что блаженство небесной
 „жизни должно состоять въ гар-
 „моніи; нѣжныя души увѣрены,
 „что оно будетъ состоять въ
 „любви.“

„Я не знаю, есть ли апейсты;
 „но знаю, что любовники не мо-
 „гутъ быть апейстами. Взоръ съ
 „милаго предмета невольно обра-
 „щается на небо. Кто любилъ,
 „чтобъ понималъ меня.“ —

Слушатели при всякой фразѣ
 говорили: *браво! c'est beau, c'est*
ingénieux, sublime; а я думалъ:
хорошо, изрядно, высокопарно, тем-
но, и совсѣмъ не женской языкъ!
 Глаза мои искали Автора. Черно-
 волосая Дама, лѣтъ въ 30, сидѣла
 всѣхъ далѣе отъ Аббата, не слу-
 шала, развертывала книги, ноты
 на клавесинѣ: не трудно было уга-
 дать въ ней сочинительницу. Хо-
 зяйка сказала: „я не знаю Авто-
 „ра, а хотѣла бы поцѣловать его“
 — сказала, и съ великою нѣжно-
 стію обняла Маркизу Л*. Всѣ за-
 хлопали. Черезъ минушу поста-
 вили два стола; при Дамы и пятеръ
 Кавалеровъ сѣли играть въ карты;
 а другіе, сидя и стоя, слушали

Аббата Д*, копорой съ великою
 спрогоспію судилъ главныхъ Фран-
 цузскихъ Авторовъ. „Вольперъ
 „(говорилъ онъ) писалъ единспвен-
 „но для своего времени, искуснѣе
 „всѣхъ другихъ пользовался на-
 „стоящимъ расположеніемъ умовъ;
 „но достоинство его съ перемѣ-
 „ною обстоятельствъ необходимо
 „должно теряться. Будучи жа-
 „денъ къ минувшей славѣ, онъ бо-
 „ялся опдѣлиться разумомъ опъ
 „современниковъ, боялся далеко
 „опередить ихъ, чптобы не сдѣ-
 „латься темнымъ, невразуми-
 „тельнымъ; хотѣлъ за каждую
 „спроку *немедленнаго* награжденія,
 „и для того искалъ единспвенно
 „лучшаго выраженія, лучшаго обо-
 „ропа для идей обыкновенныхъ;
 „бралъ изъ чужихъ магазиновъ, ра-
 „боталъ *натисто*, не занимаясь из-
 „обрѣщеніемъ, не думая о собра-
 „ніи новыхъ матеріаловъ. Онъ былъ
 „совершенный Эпикуреецъ въ умѣ,

„не мыслилъ о попомспвѣ, не вѣ-
 „рилъ безсмертію славы; не са-
 „жалъ кедровъ, а сѣялъ одни цвѣ-
 „пы, изъ копорыхъ уже многіе
 „завяли въ глазахъ нашихъ—а мы
 „еще современники Вольперовы!
 „Что же будетъ черезъ сто лѣтъ?
 „Насмѣшки его надъ разными суе-
 „вѣрными мнѣніями, надъ разными
 „философскими системами, мо-
 „гутъ ли производить сильное дѣй-
 „ствіе тогда, когда мнѣнія и си-
 „стемы перемѣняюща? — А его
 „прагедіи? сказалъ я. — „Онъ въ
 „совершенствѣ успупаютъ Расино-
 „вымъ, отвѣчалъ Аббапъ: въ сло-
 „гѣ ихъ нѣтъ чистоты, плавно-
 „сти, сладкаго краснорѣчія твор-
 „ца Федры и Андрوماхи; но мно-
 „го смѣлыхъ идей, копорыя те-
 „перь уже не кажутся смѣлыми;
 „много пакъ называемой Филосо-
 „фіи, копорая не принадлежишь
 „къ существу Драмы, а нрави-
 „ся парперу; много вкуса, а мало

„испипной чувспвипельности.“ —
 Какъ! въ Заиръ мало чувспви-
 пельности? — „Да, я берусь до-
 „казаць, что въ Заиръ нѣтъ
 „ни одной нѣжной мысли, копо-
 „рой бы не нашлось въ самомъ
 „обыкновенномъ романѣ. Доспоин-
 „ство Вольперово соспоипѣ въ
 „одномъ выраженіи; но никогда не
 „найдете въ немъ жаркихъ излі-
 „яній чувства, сильныхъ спрем-
 „леній сердца, de grands, de beaux
 „élans de sensibilité, какъ на при-
 „мѣръ въ Федрѣ.“ — И такъ Ра-
 синъ великой Трагикъ по вашему
 мнѣнію? — „Великой Писатель,
 „Спихотворецъ, а не Трагикъ.
 „Нѣжная душа его никогда не мо-
 „гла приняць въ себя прагиче-
 „скаго ужаса. Онъ писалъ драма-
 „пическія Элегіи, а не Трагедіи;
 „но въ нихъ много чувства, слогъ
 „несравненной, краснорѣчіе жи-
 „вое, оупъ полнопы сердца; его
 „можно назваць совершеннымъ, и

„До конца вселенной самою лучшею
 „похвалою Французскихъ стиховъ
 „будетъ: они похожи на Расиновы!
 „Но имѣя даръ цвѣтитъ нѣжное
 „чувство, совсѣмъ не имѣлъ онъ
 „шаланша изображать ужасное или
 „героическое. Расинъ не предста-
 „вилъ на сценѣ ни одного сильна-
 „го характера; въ трагедіяхъ его
 „слышимъ великія имена, а не
 „видимъ ни одного великаго чело-
 „вѣка, какъ на примѣръ въ Кор-
 „нелѣ.“ — И такъ вы опдаете въ-
 нецъ Корнелю? — „Онъ достоинъ
 „былъ родиться Гимляниномъ, из-
 „ображалъ великое какъ свое соб-
 „ственное; Герои его подлинныя
 „Герои; но сильный слогъ его ча-
 „сто слабѣетъ, унижается, оскор-
 „бляетъ вкусъ; а нѣжности Кор-
 „нелевы почти всегда несносны.“
 — Чпожь вы скажете о Кре-
 билльонѣ? — „То, что онъ ужаснѣе
 „всѣхъ нашихъ Трагиковъ. Какъ
 „Вольперъ нравится, Расинъ плѣ-

„няетѣ , Корнель возвеличиваетѣ
 „душу: такѣ Кребийльонѣ пугаетѣ
 „воображеніе; но варварской слогѣ
 „его не достоинѣ Мельпомены и
 „нашего времени. Корнель не имѣлѣ
 „для себя образцевѣ въ слогѣ , но
 „часто служиѣ самѣ образцемѣ;
 „Кребийльонѣ же имѣлѣ дерзостѣ
 „послѣ Расина писатѣ грубыми ,
 „дикими стихами, и доказалѣ, что
 „у него не было ни слуха, ни чув-
 „ства для красотѣ Стихотвор-
 „ства. Иногда проскакиваютѣ въ
 „его трагедіяхѣ хорошіе стихи ,
 „но какѣ будто бы ненарочно ,
 „безѣ его вѣдома и согласія.“

Какой спрашной Ариспархѣ !
 думалѣ я: хорошо, что у насѣ въ
 Россіи нѣтъ такихѣ грозныхѣ
 Крипиковѣ.

Мы сѣли ужинаѣ въ 11 ча-
 совѣ. Всѣ говорили, но въ памяти
 у меня ничего не оспалось. Фран-
 цузскіе разговоры можно назватѣ
 бѣглымѣ огнемѣ: такѣ быспро ле-

пять слова одно за другимъ, и вниманіе едва успѣваетъ слѣдовать за ними.

Парижъ Іюня. . . .

Я получилъ отъ Госпожи Н* слѣдующую записку: „Сеспра моя, „Графиня Д*, которую вы у меня „видѣли, желаетъ имѣть под- „робное свѣдѣніе о вашемъ опече- „ствѣ. Нынѣшнія обстоятель- „ства Франціи таковы, что вся- „кой изъ насъ долженъ готовить „себѣ убѣжище гдѣ нибудь въ „другой землѣ. Прошу отвѣчать „на прилагаемые вопросы; чѣмъ „меня обяжете.“ Я развернулъ большой листъ, на которомъ подъ вопросами оставлено было мѣсто для отвѣтовъ. Вотъ нѣчто для примѣра — разсмѣйтесь!

Вопросъ. Можно ли человѣку съ нѣжнымъ здоровьемъ сносить жестокость вашего климата?

Отвѣтъ. въ Россіи терпятъ отъ холода менѣе, нежели въ Провансѣ. Въ теплыхъ комнапахъ, въ теплыхъ шубахъ, мы смѣемся надъ прескучимъ морозомъ. Въ Декабрѣ, въ Генварѣ, когда во Франціи небо мрачно и дождь льется рѣкою, красавицы наши, при яркомъ свѣтѣ солнца, капаются въ саняхъ по снѣжнымъ брилліантамъ, и розы цвѣтутъ на ихъ лилейныхъ щекахъ. Ни въ какое время года Россіянки не бывають столь прелестны, какъ зимою; дѣйствіе холода свѣжитъ ихъ лица, и всякая, входя съ надворья въ комнату, кажется Флорою.

Вопросъ. Какое время въ году бываетъ у васъ пріятно?

Отвѣтъ. Всѣ четыре; но нигдѣ весна не имѣетъ столько прелестей, какъ въ Россіи. Бѣлая одежда зимы наконецъ упомянетъ зрѣніе; душа желаетъ переменъ, и звонкой голосъ жаворонка раз-

дается на высотѣ воздушной. Сердца препенутѣ отъ удовольствія. Солнце быстрымъ дѣйствіемъ лучей своихъ расплываетъ снѣжные холмы; вода шумитъ съ горъ, и поселянинъ, какъ мореплавапель при концѣ океана, радостно восклицаетъ: *земля!* Рѣки рвутъ на себѣ ледяныя оковы, пышно выливаясь изъ береговъ, и самой маленькой ручеекъ кажется величественнымъ сыномъ моря. Блѣдые луга, упитанные благопворною влагою, пушатся свѣжею травкою и красятся лазоревыми цвѣтами. Березовыя рощи зеленѣютъ; за ними и дремучіе лѣса, при громкомъ гимнѣ веселыхъ ппичекъ, одѣваются листьями, и зефиръ всюду разноситъ благоуханіе ароматной черемухи. Въ вашихъ климапахъ весна наступаетъ медленно, едва примѣтнымъ образомъ: у насъ мгновенно слезаетъ съ неба, и глазъ не успѣ-

ваєшъ слѣдовать за ея быстрыми дѣйствіями. Ваша Природа кажется изнуренною, слабою : наша имѣетъ всю пламенную живоспѣ юности ; едва пробуждаясь опѣ зимняго сна , является во всемъ блескѣ красоты своей ; и что у васъ зрѣетъ нѣсколько недѣль , то у насъ въ нѣсколько дней доходитъ до возможнаго распишельнаго совершенства. Луга ваши желтѣютъ въ срединѣ лѣта : у насъ зелены до самой зимы. Въ ясные осенніе дни мы наслаждаемся Природою какъ другомъ , съ которымъ намъ должно разсѣяться на долгое время—и тѣмъ живѣе бываетъ наше удовольствіе. Наступаетъ зима — и сельской житель спѣшитъ въ городъ пользоваться обществомъ.

Вопросъ. Какія пріятности имѣетъ ваша общественная жизнь?

Отвѣтъ. Всѣ тѣ , которыми вы наслаждаетесь: спектакли, балы ,

ужины , карпы и любезность ва-
шего пола.

Вопросъ. Любятъ ли иностран-
цевъ въ Россіи? хорошо ли ихъ
принимаютъ?

Отвѣтъ. Госпепріимство есть
добродѣтель Рускихъ. Мы же бла-
годарны иностранцамъ за просвѣ-
щеніе, за множество умныхъ идей
и пріятныхъ чувствъ , которыя
были неизвѣстны предкамъ на-
шимъ до связи съ другими Евро-
пейскими землями. Осыпая гостей
ласками, мы любимъ имъ доказы-
вать, что ученики едва ли усту-
паютъ учителямъ въ искусствѣ
жизни и съ людьми обходятся.

Вопросъ. Уважаете ли вы жен-
щинъ?

Отвѣтъ. У насъ женщина на
пронѣ. Слава и любовь , лавръ и
роза , есть девизъ нашихъ рыца-
рей.

Угадайте, какой вопросъ теперь
слѣдуетъ? ... Много ли дити въ

Россіи? „спрашиваетъ мужъ мой (прибавляетъ Графиня), страш-
ной охотникъ стрѣлять.“

Я опивчалъ такъ, что провин-
ціальной Графъ долженъ закричать:
ружье! лошадей! въ Россію!

Однимъ словомъ, если и мужъ
и жена теперь не прискачутъ къ
вамъ въ Москву, то не моя вина!

Парижъ, Іюня . . .

Наконецъ я рѣшился отказать
на нѣсколько времени отъ Спек-
таклей, чтобы осмотрѣть любо-
пытныя Парижскія окрестности.
Съ чего начать? Безъ всякаго со-
мнѣнія съ Версаліи.

Въ 9 часовъ утра нашъ Посоль-
ской священникъ, Г. К*, Гуской
Арписъ съ великимъ палантомъ
и я, пришли на берегъ Сены; сѣли
на гальюны и поплыли мимо Ели-
сейскихъ полей, Булонскаго лѣса,

многихъ прелестныхъ загородныхъ домовъ и садовъ. На лѣвой сторонѣ возвышается замокъ Мёдонъ съ великолѣпною своею террасою (длиною во 150 сажень) и съ густымъ паркомъ. Онъ принадлежалъ опкущику Сервіеню, Министру Лувуа, Лудовику XIV, и Дофину, копорой умеръ шамъ оспою въ 1711 году. Въ мѣстечкѣ Мёдонъ жилъ нѣкогда Францискъ Рабле, Авторъ романовъ Гаргантюа и Панпагрюель, наполненныхъ остроумными замыслами, гадкими описаніями, темными аллегоріями и нелѣпостію. Шестой-надесять вѣкъ удивлялся его знаніямъ, уму, буфонству. Бывъ нѣсколько времени худымъ монахомъ, Рабле сдѣлался хорошимъ Докторомъ, выпросилъ у Папы *отпускную*, и прославилъ Монпельерской Университетъ своими лекціями (*), ѣздилъ въ Римъ

(*) Такъ, что по сіе время, въ па-

пошупишь надъ пуфлемъ своего
 благодѣшеля, взялъ на себя дол-
 жность приходскаго священника
 въ Мёдонѣ, усердно врачевалъ тѣ-
 ло и душу своей паспвы, и писалъ
 романы, въ копорыхъ проспосер-
 дечной Лафоншенъ находилъ болѣе
 ума, нежели въ философскихъ
 пракпапахъ, и которые безъ вся-
 каго сомнѣнія подали Сперну
 мысль сочинить Триспрама Шанди.
 Рабле жилъ и умеръ шутя. За нѣ-
 сколько минутъ до смерти своей
 сказалъ онъ: „занаѣсѣ опускается,
 комедія вся. Je vais chercher un
 grand peut-être.“ Духовная его
 состояла въ слѣдующихъ словахъ:
*ничего не имѣю; много долженъ;
 остальное бѣднымъ.* — Въ дере-

машъ ему, на всякаго новопринимае-
 маго Доктора въ Монпелье надѣва-
 юшъ Раблееву манцію, которая не
 рѣдко напоминаетъ басню *осла въ
 лъвиной кожѣ.*

венькѣ Севѣ, извѣстной въ цѣломѣ свѣтѣ по своей фарфоровой фабрикѣ (съ копорою ни Саксонская, ни Берлинская не можетъ сравняться въ чистотѣ и въ живописи), мы позавтракали въ кофейномѣ домѣ и отправились въ Версалию пѣшкомъ; видѣли на обѣихъ сторонахъ дороги прекрасные дома, сады, паркеры, и нечувствительно вошли въ Версальскія алеи, *avenues de Versailles*, гдѣ открылся намъ дворецъ. . . .

Лудовикъ XIV хотѣлъ сдѣлать чудо; велѣлъ — и среди пущыни, дикой, песчаной, явились Темпейскія долины и дворецъ, копорому въ Европѣ нѣтъ подобнаго великолѣпія.

Три двойныя алеи, одна изъ Парижа, другая изъ Со, шрешья изъ Сенъ-Клу, сходятся на площади, на зываемой *Place d'armes*, гдѣ возвышающся два огромныя зданія. Радуйтесь, естли вы любите ло-

шадей : эпо конюшни. Впереди прекрасная желѣзная решетка ; а по концамъ двѣ группы , которыя изображаютъ побѣды Франціи надъ Гишпаніею и Нѣмецкою Имперіею. Новая пристройка съ лѣвой стороны , для Королевской гвардіи , имѣетъ видъ палатокъ : хорошо само по себѣ , но разрушаетъ общую симметрію. За площадью передній дворъ (avant-cour) или дворъ Министровъ ; у воротъ споятъ двѣ группы, представляющія Изобиліе и Миръ, два главные предмета дѣлъ Министерскихъ. Прежде всего пошли мы въ придворную церковь, о которой Вольтеръ упоминаетъ въ описаніи Храма Вкуса:

Il n'a rien des défauts pompeux
De la chapelle de Versaille,
Ce colifichet fastueux
Qui du peuple éblouit les yeux,
Et dont le connoisseur se raille.

Однакожѣ многіе знашоки не такѣ думаютѣ, и вопреки Фернейскому насмѣшнику находятѣ зданіе достойнымѣ похвалы, какѣ вѣ гармоніи цѣлаго, такѣ и вѣ часпныхѣ украшеніяхѣ. Вѣ церкви служили обѣдню, но никого не было, кромѣ монаховѣ. Рѣзная работа и живопись прекрасны; вездѣ богатство, разсыпанное съ блескомѣ и совкусомѣ. Между многими хорошими карпинами замѣтилѣ я Жувенепову, на копорой изображенѣ Св. Лудовикѣ, Герой и Христіянинѣ; побѣдивѣ невѣрныхѣ вѣ Египтѣ, онѣ печется о раненыхѣ и служишѣ имѣ. На одномѣ изѣ олпарей показывають, какѣ великую драгоцѣнность, Распятіе изѣ слоновой кости, вышиною вѣ 4 фуша: дарѣ Августа II, Короля Польскаго. Изѣ церкви прошли мы вѣ *Геркулесову залу*, которая огромна своимѣ пространствомѣ и великолѣпна своимѣ украшеніемѣ.

Тупѣ возвышаются 20 мраморныхъ Коринѣическихъ пиласпровѣ, съ жарко-вызолоченными капишелями и базами; но главная красота залы естъ плафонѣ, расписанный на полопнѣ масляными красками живописцемъ Лемуаномъ, и предспавляющій Геркулесово боготвореніе (апоѣеозу): самая величайшая карпина въ свѣтѣ! Расположеніе, фигуры, выразишельность, служащѣ доказательствомъ Лемуанова Генія. Самые лучшіе живописцы ему удивляются. Тупѣ же споянѣ двѣ славныя Веронезовы карпины: Спасишель и Ревекка. Первая была собспвенноспію Сервипискихъ монаховѣ въ Венеціи, копорые ни за что не хотѣли продашь ее Лудовику XIV; но Сенапѣ, узнавѣ желаніе Короля, опнялѣ у монаховѣ карпину и подарилѣ ему. Даже и рамы доспойны шого, чшобы посмопѣрѣшь на нихъ нѣсколько минупѣ: прекра-

сная рѣзьба!—Залы *Изобилія*, *Венерина*, *Діанина*, *Марсова*, также всего болѣе достойны вниманія по своимъ живописнымъ плафонамъ. Во второй замѣтилъ я древнюю спашую земледѣльца и Диктатора Цинцинната; въ третьей бюстъ Людовика XIV; а въ четвертой удивлялись мы Лебрюновой *Даріевой фамилии*, признанной всѣми знашоками за лучшую изъ картинъ его. Онъ писалъ ее въ Фонтенбло; Король всякой день ходилъ смотрѣть его работу и восхищался ею — что имѣло вліяніе на кисть художника. Рассказываютъ, что одинъ Италіанской Прелатъ не могъ отъ зависти видѣть этой картины, и всегда, будучи во дворцѣ, проходилъ мимо нее зажмуривъ глаза. Подлѣ Лебрюновой стоилъ Веронезова картина, *Странники*, на которой живописецъ изобразилъ все свое семейство. Въ *Меркуріевой залѣ* были

прежде двѣ Рафаелевы картины :
 Архангелъ Михаилъ и *Святая фа-
 милія*; но ихъ, къ нашему сожалѣ-
 нію, за чѣмъ-то сняли. Тутъ
 съ любопытствомъ разсматривали
 мы часы, сдѣланные въ началѣ
 нынѣшняго вѣка Мораномъ, копо-
 рой, подобно нашему Кулыбину,
 никогда не бывалъ часовщикомъ.
 Всякой часъ два пѣтуха поюшъ
 махая крыльями; въ ту же секун-
 ду выходятъ изъ маленькой двер-
 цы двѣ бронзовыя фигуры съ шим-
 паномъ, по которому два Амура
 бьюшъ всякую четверть спаль-
 нымъ молоточкомъ; въ серединѣ
 декораціи является стапуя Лу-
 довика XIV, а сверху на облакѣ
 спускается богиня побѣдъ и дер-
 жашъ корону надъ его головою;
 внутри играетъ музыка—и нако-
 нецъ вдругъ все исчезаетъ. — Въ
 Тронной, подъ великолѣпнымъ бал-
 дахиномъ, стоить престолъ.,,Вотъ
 „первой тронъ въ свѣтѣ!“ ска-

залъ челоѡѡкѡ , копорой водилъ насѡ по дворцу : „былѡ, разумѡю; „но естѡли Богѡ не оспавилъ „Французовѡ, по солнце Лудовика „XIV опяѡь возсіаетѡ здѡсь во „всей лучезарности!“—Черезѡ залу войны, Salon de la Guerre, гдѡ кистѡ Лебрюнева вездѡ изобразила побѡды Франціи, вошли мы вѡ галерею , копорая не даромѡ названа большою : она длиною вѡ 37 сажень, вышиною 38. Пропивѡ оконѡ сдѡланы зеркальные аркады, вѡ копорыхѡ самымѡ прелестнымѡ образомѡ изображается садѡ, зелень, игра воды. На плафонѡ представлена Лебрюнемѡ, вѡ 27 аллегорическихѡ карпинахѡ, исторія Лудовика вѡ первыя семь лѡѡѡ его царсвованія. Чепыре мраморныя колонны сѡ осмью пиласпрами окружаютѡ входѡ сѡ обѡихѡ сторонѡ галереи; между пиласпрами, на мраморныхѡ подножіяхѡ, споятѡ древнія статуи: Бахусѡ, Ве-

нера (найденная въ городѣ Арлѣ),
 Веспалка и Муза Уранія; а въ
 срединѣ, въ чепырехъ нишахъ,
 Германикѣ, изваянный славнымъ
 Аѳинскимъ художникомъ Алькаме-
 номъ; двѣ Венеры и Діана. — Въ
залѣ мира живопись представля-
 етъ Францію, сидящую на лазуре-
 вомъ шарѣ; Слава вѣнчаетъ ее;
 Амуры и Мирѣ соединяютъ голу-
 бей. На другой карпинѣ Лудовикѣ
 подаетъ масличную вѣтвь Европѣ.
 — Изъ *мирной залы* входъ въ Ко-
 ролевины комнаты.... Я вспомнилъ 4
 Октября, ту ужасную ночь, въ ко-
 торую прекрасная Марія, слыша у
 дверей своихъ грозный крикъ Па-
 рижскихъ варваровъ и спукъ ору-
 жія, сбѣшила неодѣтая, съ ра-
 спущенными волосами, укрылась
 въ объятіяхъ супруга отъ злобы
 шигровъ... Не скоро могъ я обратишь
 глаза на украшеніе и живопись
 комнатъ. Тутъ всѣ картины пред-
 ставляютъ славу и торжество

женщинѣ. Клеопатра подлѣ Антоніа, гоповаго бросишься къ ногамъ ея; Царица Родопа смогришь на пирамиду, сооруженную красотою ея; безсмертная Сафо играешь на лирѣ; Аспазія говоришь съ Аѳинскими мудрецами; Пенелопа распускаешь коверъ; невинныя дѣвы приносятъ Юпитеру жертву на горѣ Идѣ — и славнѣйшія Царицы древности.— Въ Королевскихъ внутреннихъ комнахахъ замѣтили мы Рафаелева Іоанна, нѣсколько Веронезовыхъ, Бассановыхъ картинъ, портреты Каперины Валуа, Маріи Медичисъ, Франциска I (Рубенсовой, Вандиковой, Тиціановой кисти), два древніе бюста, Сципіона Африканскаго (бронзовой съ серебряными глазами) и Александра Великаго, порфировой; большіе астрономическіе часы, которые бьютъ секунды, показываютъ мѣсяцъ, число, день недѣли, дѣйствіе холода и тепла на метал-

лы, и круговращеніе планетъ съ такою вѣрностію, что во 100 лѣтъ не могутъ сдѣлать ни малѣйшей разницы съ астрономическими таблицами. Лудовикъ XIV спалъ на высокой постелѣ, съ копорой онъ видѣлъ, сквозь прямую алею, весь Парижъ передъ собою. Въ маленькихъ комнапахъ, подлѣ Королевскаго кабинета, хранятся драгоценныя гравированныя, древніе и новыя камни; между ими всего любопытнѣе такъ называемая *петля Микеля Анджела*, на копорой изображено собираніе винограда.—Осмотрѣвъ театръ, достойный называться Королевскимъ, пошли мы искать обѣда.

Версалія безъ Двора какъ тѣло безъ души; осиротѣла, уныла. Гдѣ прежде всякую минуту случали карешы, тѣснился народъ, тамъ нынѣ едва вспрѣтятся человѣкъ: мертвая пишина и скука! Всякой житель казался мнѣ печальнымъ.

Въ самомъ лучшемъ пракширѣ за-
спавили насъ два часа ждатель обѣ-
да. Хозяйка въ оправданіе свое го-
ворила: „Что дѣлать? Худыя вре-
мена, государи мои! несчастныя
времена! всѣ терпятъ: и вы по-
терпите!“

Уполивъ съ нуждою голодъ свой,
поропились мы видѣть сады и
паркъ, которые въ окружности
соспавляютъ верстъ пятьдесятъ.

Ничто не можетъ сравняться
съ великолѣпнымъ видомъ дворца
изъ саду; фасада его, вмѣстѣ съ
флигелями, простирается на 300
саженъ. Тутъ разсѣяны всѣ кра-
сопы, всѣ богатства архитекту-
ры и ваянія. Никто изъ Царей зем-
ныхъ, ни самый роскошный Соло-
монъ не имѣлъ такого жилища.
Надобно видѣть: описать не воз-
можно. Изчислять колонны, спа-
шуи, вазы, профеи, не есть опи-
сывать. Огромность, совершенная
гармонія частей, дѣйствіе цѣлаго:

вопѣ чего и самому живописцу не
льзя изобразить кистію!

Пойдемъ въ сады, твореніе Ле-
нопра, котораго смѣлый Геній
вездѣ сажалъ на тронѣ гордое
Искусство, а смиренную Напуру,
какъ бѣдную невольницу, повер-
галъ къ ногамъ его.

Къ великолѣпію Цари осуждены;
Мы требуемъ отъ нихъ огромности
блестящей,
Во изумленіе нашъ разумъ приводя-
щей;
Какъ солнцемъ ею бытъ хотимъ
ослѣплены.

И такъ не ищите Природы въ
садахъ Версальскихъ; но здѣсь на
всякомъ шагу Искусство плѣня-
етъ взоры : здѣсь царство кри-
стальныхъ водъ, богини Скульп-
туры и Флоры. Партеры, цвѣт-
ники, пруды, фонтаны, бассейны,
лѣсочки, и между ими безчисле-
ное множество спалуй, группъ,

вазѣ, одна другой лучше, не привлекаяютѣ, а развлекаютѣ вниманіе, такѣ что вы не знаете, на что смотрѣть. Вотѣ почно дѣйствіе, которое хотѣли произвести великой Царь и великой художникѣ! Послѣдній безѣ сомнѣнія не думалѣ, чтобы любопытные зрители разбирали всякую красоту въ особенностяхи: сколько времени надобно для такого дѣла? Мало и года! Нѣтъ, онѣ воображалѣ, что зритель, окинувъ глазами часть несмѣтныхъ богатствъ, и воскликнувъ въ первую минуту: *великолѣпно!* умолкнетѣ отѣ изумленія, и не посмѣетѣ болѣе хвалить. Я то и сдѣлалѣ; въ чувствѣ моего ничтожества передвигалѣ ноги, переносилѣ взоры отѣ предмета къ предмету, находилѣ все совершеннымѣ, и смиренно удивлялся. Лудовикѣ XIV съ Ленопромѣ запечатали мнѣ воображеніе, которое не можетѣ пущѣ

ничего придумать, ничего пред-
сказать иначе. Къ славѣ худож-
ника вспомнилъ я Тассово описа-
ніе Армидиныхъ садовъ: какъ оно
бѣдно въ сравненіи съ Версаль-
скимъ! Тамъ эстампъ, здѣсь кар-
пина. А сколько разъ было сказа-
но, что Художество не угоняется
за Поэзією? въ изображеніи *сердца*
для сердца, конечно; но во всемъ
картинномъ для глазъ Поэтъ уче-
никъ Арписпа, и долженъ препен-
шать, когда художникъ беретъ въ
руки его сочиненіе.

Въ 1775 году Версальской садъ
преперпѣлъ страшное опустоше-
ніе: безжалостная сѣкира подру-
била всѣ густыя, высокія деревья,
для того (говорятъ), что они на-
чинали спарѣваться, и походили не
на лѣсочки, а на лѣсъ. Спихо-
творецъ въ такихъ случаяхъ не
принимаетъ никакихъ извиненій,
и Дедиль въ гармоническихъ спи-
хахъ изъясняетъ свое негодованіе:

O Versailles , ô regrets , ô bosquets
ravissans,
Chef-d'oeuvre d'un grand Roi, de Le-
notre et du tems!
La hache est à vos pieds, & votre heure
est venue!

„Исчезли, продолжаетъ онъ,
„исчезли въпвисстыя старцы, ко-
„порыхъ величественныя главы
„осѣняли священную главу Царя
„великаго ! Увы ! гдѣ прекрасныя
„рощи, въ копорыхъ веселились
„Граціи? ... Амуръ! Амуръ! гдѣ
„прелестныя сѣни, въ копорыхъ
„нѣжно помилаась гордая Монше-
„спанъ, и гдѣ милая, чувствви-
„тельная Лавальеръ не нарочно
„открыла тайну своего сердца
„щасливому любовнику? Все ис-
„чезло, и пернашыя Орфеи, успра-
„шенныя спухомъ разрушенія,
„сѣ горестію лепятъ изъ мирной
„обишели, гдѣ сполько лѣтъ въ
„присутствіи Царей пѣли они
„любовь свою ! Боги, копорыми

„ваяпельное художество насели-
 „ло сіи пѣніспые храмы ; боги ,
 „вдругъ лишенные зеленаго покро-
 „ва , поскуютъ , и самая Венера
 „въ первый разъ успыдилась на-
 „гопы своей! . . Распише, осѣняй-
 „песь , юныя дерева ; возврапише
 „намъ ппичекъ!“ . . .

Юныя дерева послушались спи-
 хотворца , разрослись , осѣнились
 — Венера не спыдися уже на-
 гопы своей — ппички возврапи-
 лись изъ гореспной ссылки , и
 снова поуютъ любовь ; но, ахъ ! не
 въ *присутствіи Царей* ! Никто не
 слушаетъ иеперь ихъ пѣсенъ ,
 кромѣ нѣкоторыхъ любопытныхъ
 иностранцевъ , приходящихъ ино-
 гда видѣть садъ Версальскій!

Одно названіе спашуй, которы-
 ми украшаются парперы , фон-
 паны , лѣсочки , алеи , заняло бы
 нѣсколько спраницъ ; шупъ со-
 браны лучшія произведенія прид-
 цапи лучшихъ ваятелей. Упомяну

только о древнемъ, колоссальномъ Юпитерѣ славнаго Греческаго художника Мирона, сдѣланномъ изъ Паросскаго мрамора. Маркъ-Антоній нашелъ его въ Самосѣ; Августъ поставилъ въ Капитолій; Германикъ, Траянъ, Маркъ - Аврелій, приносили ему жертвы. Маргарита, Герцогиня Комаринская, подарила его Министру Карла V, Гранвелю, который украсилъ имъ Безансонской садъ свой. Наконецъ, по волѣ Людовика XIV, Самосской колоссальной Юпитеръ шагнулъ въ Версалию. Я поклонился въ немъ не богу, а глубокой древности, и смотрѣлъ на него съ особеннымъ удовольствіемъ. Время и пространство лишили его ногъ; художникъ Друилъи придѣлалъ ихъ; но мнѣ казалось, что древній Зевсъ не твердо стоить на новыхъ ногахъ.

Въ большомъ звѣринцѣ, въ красивыхъ павильйонахъ, за желѣзны-

ми решешками видѣлъ я множество звѣрей: львовъ, пигровъ, барсовъ и (что всего любопытнѣе) славнаго риноцера, или носорога. Онъ менѣе слона, но гораздо болѣе всѣхъ другихъ животнохъ. Спрашно смѣрѣть на него и въ клѣткѣ: каково же всмѣрѣться съ нимъ въ пустынь Африканской? Впрочемъ звѣри имѣютъ причину не любить насъ. Чего мы съ ними не дѣлаемъ? Маленькая двуногая тварь садится верхомъ на огромнаго слона, стучитъ ему молотомъ въ голову, и правитъ имъ какъ овечкою; величественнаго льва какъ суслика запираетъ въ клѣтку; оковавъ яростнаго пигра, дразнитъ его палкою и смѣется надъ его злобою; беретъ за рогъ носорога, и ведетъ изъ Египта въ Версалю. Многихъ животныхъ называютъ хитрыми; но что ихъ хитрость противъ нашей?

V.

Лудовикъ XIV хопя чрезмѣрно любилъ пышность, однакожь иногда скучалъ ею, и въ такомъ случаѣ изъ огромнаго Дворца переселялся на нѣсколько дней въ Трианонъ, небольшой увеселительной домъ, построеной въ Версальскомъ паркѣ, въ одинъ эпажъ, украшенный живописью, убранный со вкусомъ, и довольно просто. Передъ домомъ цвѣтники, бассейны, мраморныя группы.

Но мы спѣшили видѣть *маленькой Трианонъ*, о которомъ говоритъ Делиль :

Semblable à son auguste et jeune Déesse,
Trianon joint la grace avec la majesté.

Пріятныя лѣсочки съ Англійскими цвѣтниками окружаютъ уединенной домикъ, Любезностію посвященный Любезности и тихимъ удовольствіямъ избраннаго общества. Тутъ не Королева, а только прекрасная Марія, какъ

милая хозяйка, угощала друзей своих; шупъ, въ низенькой галереѣ, закрываемой опъ глазъ густою зеленью, бывали самые пріятнѣйшіе ужины, концерты, пляски Грацій. Софы и кресла обиты собственною работою Маріи Антуанетты; розы, ею вышиныя, казались мнѣ прелестнѣе всѣхъ розъ Напуры. Садъ Трианона есть совершенство садовъ Англійскихъ; нигдѣ нѣтъ холодной симметріи; вездѣ пріятный безпорядокъ, милая простота и красоты сельскія. Вездѣ свободно играютъ воды, и цвѣтущіе берега ихъ ждупъ, кажется, пастушки. Прелестной оспровокъ являеися взору: памъ, въ дикой густотѣ лѣска, возвышается храмъ любви; памъ искусный рѣзецъ Бушардоновъ изобразилъ Амура во всей его любезности. Нѣжный богъ ласковымъ взоромъ своимъ привѣтствуетъ входящихъ; въ чертахъ лица его не

видно опасной хипрости, коварнаго лукавства. Художникъ представилъ любовь невинную и щастливую. — Иду далѣе; вижу маленькіе холмики, обработанныя поля, луга, спада, хиженки, дикой гротъ. Послѣ великолѣпныхъ, ушомишельныхъ предметовъ Искусства нахожу Природу; снова нахожу самого себя, свое сердце и воображеніе; дышу легко, свободно; наслаждаюсь тихимъ вечеромъ; радуюсь заходящимъ солнцемъ. . . мнѣ хотѣлось бы остановить, удержать его на лазурномъ сводѣ, чшобы долѣе быть въ прелестномъ Трианонѣ. Ночь наступаетъ. . . . Проспите, мѣста любезныя! — Возвращаюсь въ Парижъ, бросаюсь на посшелю и говорю самому себѣ: „я не видалъ ничего великолѣпнѣе Версальскаго дворца съ „паркомъ, и милѣе Трианона съ „его сельскими красотою!“

Парижъ, Іюня. . .

Я былъ нынѣшній день у Вальяна, славнаго Африканскаго путешественника; не засталъ хозяина дома, однакожь видѣлъ его кабинетъ, и познакомился съ хозяйкою, пріятною женщиною, и до крайности говорливою. Вальянъ хотѣлъ съ Мыса Доброй Надежды пробраться черезъ пустыни Африканскія до самаго Египта: глубокія рѣки, неизмѣримыя песчаныя степи, гдѣ вся Природа мертва и бездушна, заставили его возвратиться назадъ; но онъ во внутренности Африки былъ далѣе другихъ путешественниковъ. Весь Парижъ читаетъ теперь описаніе его романическаго странствія, въ которомъ Авпоръ изображаетъ себя маленькимъ Тезеємъ, сражается съ чудовищами, и стрѣляетъ слоновъ какъ зайцевъ. Парижскія Дамы говорятъ: *il est vaillant, ce Monsieur de*

Vaillant! Желая бысть впорымъ Руссо, онъ ужаснымъ образомъ бранивъ просвѣщеніе, хваливъ дикихъ, находявъ въ Кафріи милую для своего сердца, интересную Нерину; гоняется за нею какъ Аполлонъ за Дафною, прячетъ ея передникъ, когда она въ рѣкѣ купается; не можетъ нарадоваться невинностію смуглой красавицы; клянется самому себѣ не употреблять ее во зло, и хранивъ клятву. Вальянъ вывезъ изъ Африки нѣсколько звѣриныхъ кожъ, пернатыхъ чучелъ, Гоппен-топскихъ орудій и матерію для двухъ большихъ помовъ. Слогъ его чистъ, выразишеленъ, иногда живописенъ; и Госпожа Вальянъ съ гордымъ видомъ объявила мнѣ, что въ послѣднія 15 лѣтъ Французская Литтература произвела только двѣ книги для безсмертія: Анахарсиса и путешествіе мужа ея. Оно прекрасно, сказалъ я: но

чишая его, удивляюсь, какъ можно
 оставишь милое семейство, отече-
 ство, всѣ пріятныя удобства
 Европейской жизни, и скипаться
 за океаномъ по неизвѣстнымъ сте-
 пямъ, чѣмъ вѣрнѣе другихъ опи-
 сать какую нибудь пшицу. Теперь,
 видя васъ, еще болѣе удивляюсь.
 — „Видя меня?“ — Имѣть та-
 кую любезную супругу, и добро-
 вольно съ нею разсѣяться! —
 „Государь мой! любопытство имѣ-
 етъ своихъ мучениковъ. Мы жен-
 щины созданы для неподвижности;
 а вы всѣ Калмыки — любите ски-
 паться, искапъ Богъ знаетъ чего,
 и не думапъ о нашемъ безпокой-
 ствѣ.“ — Я спарался увѣрить Го-
 спожу Вальянъ, что у насъ въ Рос-
 сіи мужья гораздо нѣжнѣе, не
 любяпъ разсѣяться съ милыми
 женами, и швердяпъ пословицу:
Донъ, Донъ, а лучше всего домъ!
 — Она дозволила мнѣ припѣти къ
 ней въ другой разъ, чѣмъ позна-

комишься съ ея мужемъ, которой
опять собирается ѣхать въ Аф-
рику!

Деревня Отэль, Июня . . .

Я пришелъ сюда для того, что-
бы видѣть домъ, въ которомъ Бу-
ало писалъ саширы свои, веселил-
ся съ друзьями, и гдѣ Мольеръ
спасъ жизнь всѣхъ лучшихъ Фран-
цузскихъ Писателей тогдашняго
времени. Помните ли эпоху забав-
ной анекдотъ? Хозяинъ, Расинъ,
Лафоншенъ, Шапель, Мольеръ,
ужинали, пили, смѣялись, и нако-
нецъ вздумали *Тераклитствовать*,
оплакивать житейскія горести,
проклиная судьбу, находя, по
словамъ одного Греческаго Софи-
ста, что первое щастіе есть . . .
не родиться, а второе умереть
какъ можно скорѣе. Буало, не ше-
ряя времени, предложилъ друзьямъ

своимъ бросишься въ рѣку. Сена была не далеко, и дѣши Аполлоновы, разгоряченные виномъ, вскочили, хопѣли бѣжать, лепѣтъ въ обѣщія смерти. Одинъ благоразумной Мольеръ не вспалъ съ мѣста, и сказалъ имъ: „друзья! на-
 „мѣреніе ваше похвально; но те-
 „перь ночь: никто не увидитъ ге-
 „роического конца Пэстовъ. Дож-
 „демся Феба, отца нашего; и
 „тогда весь Парижъ будетъ сви-
 „дѣтелемъ славной смерти дѣшей
 „его!“ Такая щасливая мысль всѣмъ понравилась, и Шапель, на-
 ливая рюмку, говорилъ: „правда,
 „правда; упоимся завтра, а те-
 „перь дольемъ оспальное вино!“
 —По смерти спихотворца Буало, жилъ въ его домъ придворной Медикъ Жандронъ. Вольшеръ, будучи у него въ гостяхъ, написалъ карандашемъ на стѣнѣ:

C'est ici le vrai Parnasse.

Des vrais enfans d'Apollon:

Sous le nom de Boileau, ces lieux vi-
rent Horace,
Esculape y paroît sons celui de Gendron.

Теперь эпомъ домъ принадле-
житъ господину . . . забылъ имя.

Деревенька Опель славилась нѣ-
когда хорошимъ виномъ своимъ ;
но слава ея прошла : нынѣшнее
Опельское вино никуда не годи-
ся. Я не могъ выпить рюмки. —
Смеркается; спѣшу въ городъ.

Сен-Дени.

Вселенная любовь иль страхъ,
Цари! что вы по смерти ? . . . прахъ!

То есть, я былъ въ Аббатствѣ
Св. Діонисія, на кладбищѣ Фран-
цузскихъ Царей, которые всѣ, въ
глубокой пишинѣ, лежатъ другъ
подъ друга : колѣно Меровеево,
Карлово, Капешово, Валуа и Бур-
бонское. Я напрасно искалъ гроб-

ницы Ярославовой дочери, прекрасной Анны, супруги Генриха I, которая по смерти его вышла за Графа Креки, и скончала дни свои въ Жанлизскомъ монастырѣ, ею основанномъ; другіе же Испорики думающе, что она возвратилась въ Россію. Какъ бы то ни было, но ея кеношафа нѣтъ подлѣ монумента Генриха I. Вообразите чувство юной Россіянки, которая, оставляя свою милую отчизну и семейство, ѣдетъ въ чужую, дальнюю землю, какъ въ темной лѣсѣ, не зная тамъ никого, не разумѣя языка — чтобы быть супругою неизвѣстнаго ей человека! . . . Слѣдственно и тогда приносились горестныя жертвы Полипикѣ! Анна должна была перемѣнить законъ, во время самыхъ жаркихъ раздоровъ Воспючной и Западной церкви: что очень удивительно. Генрихъ I заслуживалъ быть ея супругомъ; онъ славился муже-

снвомъ и другими Царскими досто-
инствами. Любовь заключила впо-
рый брачный союзъ ея ; но Анна
не долго наслаждалась щастіемъ
любви: Графъ Креки былъ убитъ
на поединкѣ однимъ Брипанскимъ
рыцаремъ.

Я поклонился гробу Лудовика
XII и Генриха IV

Великій человекъ достоинъ мону-
менша,
Великій Государь достоинъ олшарей.

Гробъ Франциска I, прозваннаго
Отцемъ Искусствъ и Мукъ, вели-
колѣпно украшенъ благодарнымъ
Художеснвомъ; но монументъ пер-
ваго изъ новыхъ военачальниковъ,
Александра храбростію, Фабія
благоразуміемъ—однимъ словомъ,
Тюрена, всѣхъ другихъ достойнѣе
примѣчанія. Герой кончается въ
объяпіяхъ Безсмертія, которое
вѣнчаетъ его лаврами. Храбрость
и Мудрость стоятъ подлѣ его
гроба: одна въ ужасѣ, другая въ го-

респномъ изумленіи. Черная мраморная доска ждетъ эпипафіи: для чего не вырѣжупъ на ней слѣдующихъ стиховъ, не знаю кѣмъ сочиненныхъ: —

Turenne a son tombeau parmi ceux de
nos Rois;
Il obtint cet honneur par ses fameux exploits;
Louis voulut ainsi couronner sa vaillance,
Afin d'apprendre aux siècles d'avenir,
Qu'il ne met point de difference
Entre porter le sceptre et le bien soutenir.

Чеснь Франціи, Тюрень,
Съ Царями погребенъ.
Симъ Лудовикъ его и въ гробъ награждаетъ,
Желая свѣшу доказатьъ,
Что онъ единымъ почитаетъ,
На тронъ бытъ, или тронъ славно защищать.

Я не буду говорить вамъ о
спранныхъ барельефахъ Дагобер-
товой гробницы, на которыхъ изо-

бражены дьяволы въ дракѣ, Св. Діонисій въ лодкѣ и Ангелы съ подсвѣчниками: мысль и работа доспойны варварскихъ вѣковъ. Король Дагоберъ основалъ Діонисіево Аббатство. Не буду описывать вамъ и тамошняго сокровища, золотыхъ распятій, святыхъ гвоздей, рукъ, ногъ, волосовъ, лоскутьевъ, подаренныхъ Аббатуству разными Королями и благочеспивыми людьми. Замѣчу только вѣнецъ Карла Великаго, скипетръ и державу Генриха IV, мечъ Лудовика Святаго (копирымъ онъ въ Африкѣ и въ Азіи рубилъ невѣрныхъ): портретъ такъ называемой *Орлеанской дѣвственницы*, славной Героини Вольперовой Поэмы, и большую древнюю чашу, сдѣланную изъ воспочнаго агаша для Египетскаго Царя Пшоломея Филадельфа, съ изображеніемъ Вакхова торжества.

Св. Діонисій, Папронъ Фран-

ціи, проповѣдывалъ въ Галліи Христіянство, и былъ казненъ злыми язычниками на Монмартрѣ. Капюлическія Легенды говорящъ, что онъ послѣ казни спалъ на ноги, взялъ въ руки опрубленную голову свою и шелъ съ нею верспы чептыре. Одна Парижская Дама, разсуждая о семъ чудѣ, сказала: *cela n'est pas surprenant; il n'y a que le premier pas qui coûte.*

Парижѣ, Іюня...

Сколько разъ былъ я въ Булонскомъ лѣсу, не видавъ славной бездѣлки! Сегодня видѣлъ ее, хвалилъ вкусъ хозяина, жалѣлъ о нынѣшней судьбѣ его. Вы догадаетесь, что я говорю о Булонскомъ увеселительномъ домѣ Графа д'Аршуа, называемомъ *bagatelle*, и вспомните, что сказалъ объ немъ Делиль:

Et toi, d'un Prince aimable ô l'asyle fidelle,
Dont le nom trop modeste est indigne de toi,
Lieu charmant! etc.

Въ концѣ лѣса, почти на самомъ берегу Сены, возвышается прекрасной павильонъ, съ золопою надписью на дверяхъ: *parva sed apta; малъ, но покоенъ*. У крыльца спойтъ мраморная Нимфа, и держитъ на головѣ корзину съ цвѣтами: въ эту корзину спавишся ночью хрустальной фонарь для освѣщенія крыльца. Первая комната споловая, гдѣ изъ двухъ дельфиновъ бьетъ вода и льется въ обширный бассейнъ, окруженный зеленью; зеркала повпоряютъ дѣйствіе фонтана. Опшуда входъ въ большую ропонду, украшенную спеклами, барельефами, арабесками и разными аллегорическими фигурами. Къ залѣ примыкаютъ два кабинета: баня и будуаръ, гдѣ все нѣжно и сладоспрасно. На кар-

пинахъ улыбається Любовь ; а въ альковѣ кроются Воспорги... не смѣю взглянуть на поспелю. Въ верхнемъ этажѣ спальня бога Марса : вездѣ пики , каски , профей , знаки сраженій и побѣдъ. Но Марсъ друженъ съ Кипридою : взгляните на право... шумъ маленькой тайной кабинетъ, гдѣ представляющся глазамъ знаки другова роду сраженій и побѣдъ: Спыдливоспъ умираетъ, Любовь торжествуетъ. Цвѣтъ дивана, креселъ и другихъ приборовъ , есть самой нѣжной тѣлесной ; одни Амуры умѣютъ такъ красить. Подойдите къ окну: видъ прелестной ! Теченіе Сены , Лоншанской монастырь , мостъ Нёльи , образуя самой живописной ландшафтъ. — Наконецъ вы узнаете , что этотъ павильонъ есть въ самомъ дѣлѣ волшебной, будучи построенъ, отдѣланъ, убранъ въ пять недѣль ; безъ волшебства такихъ чудесъ не дѣлается.

Отъ павильона идущъ двѣ алеи, и примыкающъ къ гранишному утесу, изъ котораго вытекающъ ручей; за утесомъ пріямной лѣсокъ, посвященный *стыдливой Венерѣ*, à la Venus pudique; мраморный образъ ея стоищъ на высокомъ подножіи. Тутъ начинается садъ Англійской, картина сельской Природы, въ иныхъ мѣстахъ дикой, угрюмой, въ другихъ обработанной и веселой. Прежде всего является глазамъ большой лугъ, окруженный лѣсомъ и маленькими холмиками; въ серединѣ свѣшлой прудъ, по которому вѣтеръ носищъ лодку. На лѣвой сторонѣ извивается пропинка, и приводищъ васъ къ *пустынѣ*; густыя деревья, перепутываясь своими вѣтвями, служатъ ей оградой. Видите маленькой домикъ, покрытый проспникомъ; въ немъ двѣ комнаты, обклеенныя мохомъ и листьями, кухня, нѣсколько деревян-

ныхъ спульевъ, постеля. Тутъ въ самомъ дѣлѣ жилъ когда-то пустынникъ, въ трудахъ и воздержаніи; любопытные приходили видѣть уединеннаго мудреца, и слушать его наставленія. Онъ съ презрѣніемъ говорилъ о свѣтѣ, называлъ его забавы адскими игрищами, женскую красоту приманкою сапаны, а любовь (боюсь сказать) самымъ дьяволомъ. Купидонъ, раздраженный такимъ дерзкимъ *Эротохуленіемъ*, рѣшился опмстить Анахорету, прострѣлилъ его насквозь своею кипарисною стрѣлою, и показалъ ему вдали сельскую красавицу, копорая на берегу Сены рвала фіялки. Пустынникъ воспламенился; забылъ свою мораль, свою густую бороду, и сдѣлался Селадонъ. Далѣе молчитъ исторія; но изустное преданіе говоритъ, что онъ былъ несчастливъ въ любви, и хотя обрилъ себѣ бороду, хотя

обрѣзалъ длинное свое плащье, но красавицѣ не могъ понравиться ; съ отчаянія записался въ солдаты, дрался съ Англичанами, былъ раненъ и принятъ въ домъ Инвалидовъ, гдѣ Графъ д'Аршуа давалъ ему сто ливровъ пенсіи. — Близъ домика часовня ; поле , которое Анахоретъ обрабатывалъ, и ручей, которыми онъ утолялъ свою жажду.

Вздохнувъ о слабости человѣческой, иду далѣе, и вдругъ являющаяся передо мною высокой обелискъ, исписанный таинственными гіероглифами. Жаль, что Египетскіе жрецы не оставили мнѣ ключа своей науки ; сказываютъ, что на сей пирамидѣ помѣщена вся ихъ мудрость. За обелискомъ, по цвѣтущимъ лугамъ, извиаются протинки, текутъ ручейки, возвышающіяся красивые мостики и павильоны. Одинъ изъ нихъ построенъ

на скалѣ; всходѣ неудобенѣ, пруденѣ . . . это павильонѣ *Философїи*, копорая не всякому даепся. Видѣ его снаружи не привлекателенѣ, странной, готической: вѣ знакѣ того, что Философїя мила только Философамѣ, а другимѣ кажется едва ли не сумазбродствомѣ. Внутренность украшена медальонами Греческихѣ мудрецовѣ; а разноцвѣтныя окончины представляютѣ вамѣ всякую вещь разноцвѣтною: эмблема несогласїя умовѣ и мнѣній человѣческихѣ. Внизу павильона гробѣ, куда лучи солнца проникаютѣ сквозь расщелины камней, и гдѣ собраны всѣ произведенїя минеральнаго царства. — Съ другой дикой скалы спремился большой каскадѣ, шумитѣ, и вливается пѣною вѣ кристаллѣ пруда, копорого шихїя струи омываютѣ вѣ одномѣ мѣстѣ черную мраморную гробницу, обсаженную кипарисами: пред-

мешѣ прогашельный для всякаго ,
кто любилъ и терялъ милыхъ!

Ктожѣ милыхъ не терялъ ? Оставъ
(холодный свѣтъ,
И горестъ раздѣляй съ унылыми дре-
(вами,
Съ кристалломъ томныхъ водъ и съ
(нѣжными цвѣтами ;
Чувствительный во всемъ себѣ дру-
(зей найдетъ.
Тамъ урну хладную съ любовью осѣ-
(няющъ

Тополь высокій, блѣдный шисъ,
И ты, другъ мертвыхъ, кипарисъ!
Печальныя сердца твою пріятность
(знающъ.

Любовникъ нѣжный мирты рветъ,
Для славы гордый лавръ расшетъ;
Но ты милѣе шѣмъ , которые сте-
(нающъ

Надъ прахомъ щастья и друзей!

Делиль.

Хопите ли, подобно Орфею , за
любезною шѣнію сойти въ Плу-
тоново царство? Есть ли у васъ
сладкогласная лира ? . . . Земля

разверзается передъ вами: вы спускаетесь въ глубины ея по каменнымъ ступенямъ, и препещете опъ ужаса; густой мракъ окружаетъ васъ. Поздно думать о возвращеніи; надобно идти впередъ, въ ночной темнотѣ, въ неизвѣстности. Безпокойное воображеніе мечтаетъ объ адскихъ чудовищахъ, слышитъ грозный шумъ Спикса и Коциша; скоро, скоро залаетъ Церберъ. . . . Не бойтесь; быстрый лучъ свѣта издали озаряетъ ваши глаза — еще нѣсколько шаговъ, и вы опять въ подсолнечномъ мірѣ, на берегу журчащей рѣчки, среди прелестныхъ ландшафтовъ. Здѣсь, любезные друзья, остановитесь со мною; сядьте на мягкомъ дернѣ, и насладитесь пріятнымъ вечеромъ. Не хочу болѣе описывать; описаніе можетъ наскучить. . . . но никогда, никогда не скучилось бы вамъ гулять въ Булонскомъ саду Графа д'Арпуа!

На возвращномъ пути въ городъ случилась со мною странность. Смерклось; я шелъ одинъ какъ можно пише, какъ можно чаще останавливаясь и смотря на все стороны. Скачетъ кареша. Я слышу голосъ: *arrête! arrête! стой!* Кучеръ удержалъ лошадей. Вышли два человека, прямо ко мнѣ; оглядѣли меня съ головы до ногъ, и спросили: кто я? — Иностранецъ. Что вамъ угодно? — „Не вы ли ходили въ Булонскомъ лѣсу съ Господиномъ Лаклосомъ?“ — Я ходилъ въ Булонскомъ лѣсу одинъ, и не знаю Господина Лаклоса. — „Тѣмъ лучше, или тѣмъ хуже. По крайней мѣрѣ не обвѣхала ли васъ Дама верхомъ, въ зеленомъ Амазонскомъ плащѣ?“ — Я не примѣтилъ. Но что значатъ ваши вопросы, государи мои? — „Такъ; намъ нужно знать. Извините.“ — Они приподняли шляпы, прыгнули въ карешу и поскакали.

Парижѣ, Іюня. . .

Я былъ въ Марли; видѣлъ чер-
тогъ солнца (*) и 12 павильоновъ,
изображающихъ 12 знаковъ Зоди-
ака; видѣлъ Олимпъ, долины Тем-
пейскія, сады Альциновы; однимъ
словомъ, вѣщую Версалю, съ нѣ-
коплыми особливими ошпѣнка-
ми. Вмѣсто подробнаго описанія,
вспѣ вамъ худой переводъ Дели-
левыхъ прекрасныхъ стиховъ, въ
которыхъ онъ прославляетъ
Марли:

Тамъ все велико, все прелестно,
Искусство славно и чудесно;
Тамъ истинный Армидинъ садъ,
Или великаго Героя
Достойный мирный верпоградъ,
Гдѣ онъ въ объятіяхъ покоя
Еще желаетъ лобѣждать

(*) Солнце, какъ извѣстно, было де-
визомъ Людовика XIV. Королевской
павильонъ, построенный среди две-
надцати другихъ, называется сол-
нечнымъ.

V.

Напуру смѣлыми прудами,
 И каждый шагъ свой означаѣ
 Могуществомъ и чудесами,
 Едва поняшными уму.
 Стихи творческой Природы
 Подвластны кажутся ему;
 Въ его рукахъ земля и воды.
 Тамъ храмы въ рощахъ Ореадъ
 Подъ кровомъ зелени блистающъ;
 Тамъ бронзы дышущъ, говорящъ.
 Тамъ рѣки токъ свой пресѣкающъ,
 И вверхъ стремяся, упадающъ
 Жемчужнымъ, радужнымъ дождемъ,
 Лучами солнца озлащеннымъ.
 Пошомъ, извивистымъ путемъ,
 Древами темно осѣненнымъ,
 Едва журчащъ среди луговъ.
 Тамъ, въ тихой мрачности лѣсовъ,
 Вездѣ вспрѣчаются Сильваны,
 Подруги скромныя Діаны.
 Тамъ каждый мраморъ—богъ, лѣсочикъ
 всякой—храмъ (*).

(*) Я удержалъ въ этомъ славномъ
 стихѣ мѣру оригинала.

Герой, извѣстный всѣмъ странамъ,
 На лаврахъ славы опдыхая,
 И будто весь Олимпъ сзывая
 Къ себѣ на велебпный пиръ,
 Съ богами торжествуетъ миръ.

Надобно быть механикомъ, что-
 бы понять чудесность Марлій-
 ской водяной машины: ея горизон-
 тальныя и вертикальныя движе-
 нія, дѣйствіе насосовъ, и проч.
 Дѣло состоитъ въ томъ, что она
 беретъ воду изъ рѣки Сены, под-
 нимаетъ ее вверхъ, вливаетъ въ
 трубы, проведенныя въ Марли и
 въ Трианонъ. Изобрѣтатель сей
 машины не зналъ грамолы.———

Какъ обогащены Искусствомъ
 всѣ мѣста вокругъ Парижа! Ча-
 сто хожу я на гору Валеріанскую,
 и тамъ, сидя подлѣ уединенной
 часовни, смотрю на великолѣп-
 ныя окрестности великолѣпнаго
 города.

Я не забылъ Эрмишажа, сель-

скаго дома Госпожи д'Епине, въ которомъ жилъ Руссо, и гдѣ сочинена Новая Элоиза; гдѣ Авторъ читалъ ее своей просподушной Терезѣ, которая, не умѣвъ счестъ до сна, умѣла чувствовашъ красоты безсмертнаго Романа, и плакашъ. Домъ маленькой, на пригорѣ; вокругъ сельскія равнины.

Былъ и въ Монморанси, гдѣ написанъ Эмиль; былъ и въ Пасси, гдѣ жилъ Франклинъ; былъ и въ *Бельвю*, доспойномъ своего имени (*); и въ Сен-Клу, гдѣ бьешъ славнѣйшій искусственнй каскадъ въ Европѣ; и въ разныхъ другихъ городкахъ, деревенькахъ, замкахъ, по чему нибудь доспойныхъ любопытства.

(*) *Бельвю* значитъ прекрасный видъ.

Парижъ, Іюня. . .

Наемной слуга мой Бидеръ, которой (за 24 су въ день) всюду меня провожаетъ, зная (по словамъ его) *Парижъ* какъ свой *тердакъ*, давно уже приспупалъ ко мнѣ, чпобы я шелъ смопрѣтъ *Царскую кладовую*, *Garde-meuble du Roi*. „Спыдно, государь мой, спыдно! „Быть 3 мѣсяца въ *Парижѣ*, и не „видашь еще самой любопышнѣйшей вещи! Чпо вы здѣсь дѣлае- „ще? бѣгаете по улицамъ, по те- „апрамъ, по лѣсамъ вокругъ горо- „да! Вопъ вамъ шляпа, просъ; „надобно непременно ищи въ „кладовую!“ — Я надѣлъ шляпу, взялъ просъ, и пошелъ на мѣсто *Лудовика XV* въ *Garde-meuble*, большое зданіе съ колоннами.

Въ самомъ дѣлѣ я видѣлъ тамъ множесво рѣдкихъ вещей, серебра и золоша, драгоценныхъ камней, вазъ и всякаго роду оружія. Любопышнѣе всего: 1) круглой се-

ребряной щипъ, около прехъ футовъ въ діаметрѣ, найденный въ Ронѣ близъ Ліона, представляющій (en bas-reliefs) сраженіе конницы, и подаренный, какъ думаютъ, Гишпанскимъ народомъ Сципіону Африканскому; 2) спальные лапы Франциска I, съ рѣзною работою по рисунку Юлія Романа, такіа легкія, что ихъ можно поднятъ одною рукою (онъ въ нихъ сражался при Павіи, гдѣ Французы *все потеряли, кромѣ чести; tout est perdu hormis l'honneur*, писалъ Францискъ къ мапери, будучи въ плѣну у непрітеля со всѣми своими Генералами); 3) лапы Генриха II (въ копорыхъ онъ былъ смертельно раненъ на турнирѣ Графомъ Монгомерри) и Лудовика XIV, подарокъ Венеціанской Республики; 4) два меча Генриха IV; 5) двѣ пушки съ серебряными лафетами, присланныя Сіамскимъ Царемъ Лудовику XIV, въ доказа-

тельство, что у него есть артиллерія (*); 6) длинное вызолоченное копье Папы Павла V, которымъ онъ хотѣлъ заколотъ Венеціанскую Республику; 7) золотая корзинка, осыпанная бриліаншами и рубинами; 8) золотая *тасовня* Кардинала Ришельё, также осыпанная драгоценными каменьями; 9) богатое сѣдло, подаренное Султаномъ Лудовику XV — и наконецъ шелковыя карпинныя обои, за копорыя Францискъ I заплатилъ около 100000 шалеровъ Фламандскимъ художникамъ, и на копорыхъ выпканы сраженія Сципіоновы, *дѣянїя Апостольскїя* и басня Псиши, по рисунку Юлія Романа и Рафаеля. Тутъ же хранятся и лучшія произведенія Го-

(*) Ему сказали, что Лудовикъ не считаетъ его опаснымъ своимъ непріателемъ, полагая, что у него нѣтъ пушекъ.

белинской фабрики, заведенной въ Парижѣ Кольбертомъ: работа удивительная правильностію рисунка, блескомъ красокъ, нѣжными опѣнками шелковъ, такъ, что шканье не уступаетъ въ ней живописи. — Слуга мой Бидеръ безпрестанно говорилъ: *eh bien, monsieur, eh bien, qu'en dites-vous?*

Теперь скажу вамъ нѣсколько словъ о Бидерѣ. Онъ родомъ Нѣмецъ, но забылъ свой природной языкъ; живетъ со мною въ одной *отели*, только на чердакѣ; бѣденъ какъ Ирѣ, а честенъ какъ Сократъ; покупаетъ мнѣ все дешево, и бранилъ меня, если гдѣ нибудь заплачу лишнее. Однажды, всходя на лѣстницу, я выронилъ завернутые въ бумажекъ пять луидоровъ: онъ шелъ за мною, поднялъ ихъ, и принесъ ко мнѣ. Ты самой честной слуга, Бидеръ! говорю ему. *Il faut bien que je le sois, monsieur, pour ne pas dementir*

mon nom (*), отвѣчаетъ мой Нѣмецъ. Не помню, за что я сказалъ ему грубость. Бидеръ отступилъ два шага назадъ. . . . Monsieur, de choses pareilles ne se disent point en bon françois. Je suis trop sensible pour le souffrir. Я разсмѣялся. Riez, monsieur, je rirai avec vous; mais point de grossieretés, je vous en prie! — Однажды Бидеръ пришелъ ко мнѣ весь въ слезахъ и сказалъ, подавая листъ газетъ: „читайте!“ Я взялъ и прочиталъ слѣдующее: „Сего Мая 28 дня, въ 5 часовъ утра, въ улицѣ Сен-Мери заспрѣлился слуга господина Н. Прибѣжали на выспрѣлъ, отворили дверь. . . несчастный плавалъ въ крови своей; подлѣ него лежалъ пистолетъ; на стѣнѣ было написано: quand on n'est rien, et qu'on est sans espoir, la vie est un

(*) Бидеръ по-Нѣмецки значитъ *доброй, или тестной*.

opprobre, et la mort un devoir; а
 на дверяхъ: aujourd'hui mon tour,
 demain le tien. Между разбросан-
 ными по столу бумагами нашлись
 стихи, разныя философическія
 мысли и завѣщаніе. Изъ первыхъ
 видно, что сей молодой человекъ
 зналъ наизусть опасныя произве-
 денія новыхъ Философовъ; вмѣ-
 сто утѣшенія, извлекалъ изъ каж-
 дой мысли ядъ для души своей,
 необразованной воспитаніемъ для
 чтенія такихъ книгъ, и сдѣлался
 жертвою мечтательныхъ умство-
 ваній. Онъ ненавидѣлъ свое низкое
 состояніе, и въ самомъ дѣлѣ былъ
 выше его, какъ разумомъ, такъ и
 нѣжнымъ чувствомъ; цѣлыя ночи
 просиживалъ за книгами, и поку-
 палъ свѣчи на свои деньги, думая,
 что спрогая честность не дозво-
 ляла ему прапуть на то господ-
 скихъ. Въ завѣщаніи говоритъ, что
 онъ *сынъ любви*, и весьма прога-
 тельно описываетъ нѣжность

второй матери своей, добродушной
 кормилицы; опказываетъ ей 130
 ливровъ, опеческву (en don patri-
 otique) 100, бѣднымъ 48, заклю-
 ченнымъ въ пемницѣ за долги 48,
 луидоръ пѣмъ, копорые возьмутъ
 на себя прудъ предасть землѣ
 прахъ его, и при луидора другу
 своему, слугѣ Нѣмцу, живущему
 въ Британской отели. Комиссаръ
 нашелъ въ его ларчикѣ болѣе 400
 ливровъ. — „Три луидора опказа-
 ны мнѣ, сказалъ чувствительный
 „Бидеръ: онъ былъ съ ребяческа
 „другомъ моимъ и рѣдкимъ моло-
 „дымъ человекомъ; вмѣсто того,
 „чтобы шапаться по пракпирамъ,
 „ходилъ всякой день на нѣсколь-
 „ко часовъ въ кабинетъ ттенія, и
 „всякое воскресенье въ театръ.
 „Не рѣдко со слезами говаривалъ
 „мнѣ: Генрихъ! будемъ благородны
 „сердцемъ! заслужимъ собственное
 „свое поттеніе! Ахъ! я не могу пе-
 „ресказать вамъ всѣхъ рѣчей его:

„Жакъ говаривалъ какъ самая ум-
 „ная книга; а я, бѣднякъ, не умѣю
 „сказать двухъ красивыхъ словъ.
 „Съ нѣкопорого времени онъ спалъ
 „задумчивъ, ходилъ повѣся голову
 „и любилъ разсуждать со мною
 „о смерти. Дней шесть мы не
 „видались: вчера узналъ я, что
 „Жакъ наскучилъ жизнь, и что въ
 „свѣтѣ не спало одного добраго
 „человѣка!“ — Бидеръ плакалъ какъ
 ребенокъ. Я самъ былъ сердечно
 пронутъ. Бѣдной Жакъ! .. Гибель-
 ные слѣдствія полуфилософіи!
 Drink deep or taste not, *пей мно-*
го, или не пей ни капли, сказалъ
 Англичанинъ Попъ. Эпиктетъ былъ
 слугою, но не убилъ себя.

Эрменонвиль.

Верстѣ 30 отъ Парижа до Эр-
 менонвиля: памъ Руссо, жертва
 спрасей, чувствительности,

пылкаго воображенія, злобы людей и своей подозрительности, заключилъ бурный день жизни тихимъ, яснымъ вечеромъ; тамъ послѣднее дѣло его было — благодареніе, послѣднее слово — хвала Природѣ; тамъ въ мирной сѣни высокихъ деревъ, дружбою насажденных, покоился прахъ его... Туда спѣшавъ добрые спранники, видѣвъ мѣста, освященные невидимымъ присутствіемъ Генія, — ходишь по пропинкамъ, на копорыхъ слѣдъ Руссовой ноги изображался — дыша въ тѣмъ воздухомъ, копорымъ нѣкогда онъ дышалъ — и нѣжною слезою меланхоліи оросишь его гробницу.

Эрменонвиль былъ прежде затемняемъ дремучимъ лѣсомъ, окруженъ болопами, глубокими и безплодными песками; однимъ словомъ, былъ дикою пустынею. Но человекъ, богатый и деньгами и вкусомъ, купилъ его, отдѣлалъ —

и дикая, лѣсная пустыня обра-
лась въ прелестной Англійской
садѣ, въ живописные ландшафты,
въ Пуссенеvu картину.

Древній замокъ оспался въ преж-
немъ своемъ готическомъ видѣ.
Въ немъ жила нѣкогда *милая Габ-*
ріель, и Генрихъ IV наслаждался
ея любовію : воспоминаніе , копо-
рое украшаетъ его лучше самыхъ
великолѣпныхъ периспилей ! Ма-
ленькіе домики примыкаютъ къ
нему съ обѣихъ сторонъ; свѣтлыя
воды спруятся вокругъ его, обра-
зуя множество пріятныхъ остров-
ковъ. Здѣсь раскиданы лѣсочки;
тамъ зеленѣютъ долины ; шумъ
грошъ , шумные каскады ; вездѣ
природа въ своемъ разнообразіи—
и вы читаете надпись :

Ищи въ другихъ мѣстахъ Искусства
красоты:

Здѣсь видѣ богатыя Природы
Есть образъ щастливой свободы
И милой сердцу простоты.

Прежде всего поведу васъ къ двумъ густымъ деревьямъ, копорыя сплелись вѣтвями, и на копорыхъ рукою Жанъ-Жака вырѣзаны слова: *любовь все соединяетъ*. Руссо любилъ опдыхать подъ ихъ сѣнію, на дерновомъ канапѣ, имъ самимъ сдѣланномъ. Тутъ разсѣяны знаки пастушеской жизни; на вѣтвяхъ висятъ свирѣли, посохи, вѣнки, и на дикомъ монументѣ изображены имена сельскихъ Пѣвцевъ: Теокрипа, Виргилія, Томсона.

На высокомъ пригоркѣ видѣше храмъ—*новой Философіи*, копорый своею архитектурою напоминаетъ развалины Сибиллина храма въ Тиволи. Онъ не достроенъ; матеріялы готовы, но предразсудки мѣшаютъ совершить зданіе. На колоннахъ вырѣзаны имена главныхъ Архитекторовъ, съ означеніемъ того, что каждый изъ нихъ обрабатывалъ по своему паланшу. На примѣръ:

J. J. Rousseau - - - Naturam (Природу).
Montesquieu - - - Justitiam (Правосудіе).
W. Penn - - - Humanitatem (Человѣчество).
Voltaire - - - Ridiculum (смѣшное).
Descartes - - - nil in rebus inane (нѣтъ въ
вещахъ пустоты).
Newton - - - lucem (свѣтъ).

Внутри написано, что сей недоспроенный храмъ посвященъ Монпаню; надъ входомъ: *познавай причину вещей*; а на столпѣ: *кто довершитъ?* Многіе писали опвѣстѣ на колоннахъ. Одни думаютъ, что несовершенный умъ человѣческій не можетъ произвести ничего совершеннаго; другіе надѣются, что разумъ въ школѣ въковъ возмужаетъ, побѣдитъ всѣ затрудненія, докончитъ свое дѣло и воцаритъ истину на земномъ шарѣ.

Видѣ, который открывается съ
вершины пригорка, веселилъ гла-
за и душу. Кристальные воды,
нѣжная зелень луговъ, густая зе-

лень лѣса, представляющѣ разнообразную игру тѣней и свѣта.

Уныло журчащій ручеекъ ведетъ васъ, мимо дикихъ гроповъ, къ олтарю *задумчивости*. Далѣе, въ лѣсу, находите мшистый камень съ надписью: *здѣсь погребены кости несчастныхъ, убитыхъ во времена суетвѣрїя, когда братъ возсталъ на брата, гражданинъ на гражданина, за несогласное мнѣнїе о религїи*. — На дверяхъ маленькой хижины, копорая должна быть жилищемъ опшельника, видите надпись:

Здѣсь покланяюсь Творцу

Природы дивныя и нашему Опцу.

Перейдите черезъ большую дорогу, и невольный ужасъ овладѣетъ вашимъ сердцемъ: мрачныя сосны, печальныя кедры, дикія скалы, глубокой песокъ, являющѣ вамъ картину Сибирской пустыни. Но вы скоро примиритесь съ нею... На хижинѣ.

У.

нѣ , покрытой сосновыми вѣтвями, написано: *Царю хорошо въ своемъ дворцѣ , а лѣснику въ своемъ шалашѣ ; всякой у себя господинѣ ; а на древнемъ , густомъ вязѣ :*

Подъ сѣнію его я съ милой извѣ-
сился ;

Подъ сѣнію его узналъ , что я лю-
бимъ !

Слѣдственно и въ дикой пустынѣ можно быть щасливымъ !
— Во внутренности каменнаго утеса найдете гробъ Жанъ-Жака Руссо , съ надписью : *Жанъ-Жакъ безсмертенъ . Тутъ , между многими девизами и пипуломъ всѣхъ его сочиненій , вырѣзано прекрасное изреченіе Женевскаго Гражданина : тотъ единственно можетъ быть свободенъ , кому для исполненія воли своей не надобно представлять къ своимъ рукамъ чужихъ (*) .* — Идете далѣе , и ди-

(*) Короче: „кто не имѣетъ нужды въ „чужихъ рукахъ ;“ но не такъ живописно.

кость вокругъ васъ мало по малу исчезаетъ; зеленая мурава, скалы покрытыя можжевельникомъ, шумящія водопады, напоминающъ вамъ Швейцарію, Мельери и Кларанъ; вы ищете глазами Юліина имени, и видите его—на камняхъ и деревьяхъ.

Свѣтлая рѣка течетъ по лугу, мимо виноградныхъ садовъ, сельскихъ домиковъ; на другой сторонѣ ея возвышается гопическая башня *прекрасной Габріели*, и маленькая лодочка гопова перевезши васъ. На дверяхъ башни чипаете:

Здѣсь было царство Габріели;

Ей надлежало данъ плашить.

Французы изспари умѣли

Сердцами красоту дарить.

Архитектура наружности, крыльцо, внутреннія комнашы, напоминающъ вамъ тѣ времена, когда люди не умѣли со вкусомъ ни строить, ни украшать своихъ до-

мовѣ, но умѣли обожать славу и красавицѣ. Здѣсь, думаете вы, здѣсь Король-Рыцарь, послѣ военнаго грома, наслаждался пишиною и сердцемъ своимъ въ объятіяхъ милой Габріели; здѣсь сочинилъ онъ нѣжную пѣсню свою:

Charmante Gabrielle,
 Percé de mille dards,
 Quand la gloire m'appelle,
 Je vole au champ de Mars.
 Cruelle départie!
 Malheureux jour!
 C'est trop peu d'une vie
 Pour tant d'amour (*).

И куда ни взгляните въ комнатахъ, вездѣ читаете: charmante Gabrielle! Авторъ Седенъ сочинилъ здѣсь на голосъ этой пѣсни другую такого содержанія:

(*) Вѣроятно, что послѣдніе два стиха не Генриховы. Музыка сей старинной пѣсни очень пріятна.

Здѣсь Габріели спраспной
 Взорѣ нѣжностъ извѣлялъ;
 Здѣсь Богѣ войны ужасной
 Въ цѣляхъ любви вздыхалъ.
 Французѣ въ восшоргѣ приходитѣ
 Ошѣ имени ея;
 Оно на мысль приводитѣ
 Намѣ добраго Царя.

Сѣ нѣжными чувспвами выхо-
 дише изѣ башни, и вступаешѣ въ
 прекрасной лѣсокѣ, посвященный
 Музамѣ и Спокойспвію. Тупѣ спре-
 мишѣ ручей, подобный Воклюз-
 скому, гдѣ, по увѣренію Италіан-
 скаго Тибулла, *травы, цвѣты, Зе-*
фирры, птицы и Петрарка о любви
говорили. Тупѣ въ прохладномѣ
 грошѣ написано:

Являйше, зеркальныя воды,
 Всегда любезный видѣ Природы
 И образѣ милой красопы!

Сѣ зефирами играйше,
 И мнѣ воспоминайше
 Петрарковы мечпы!

Отъ всѣхъ Эрменонвильскихъ домиковъ, живописно разсѣянныхъ по лугу, отличается тотъ, копорой строенъ былъ для Жанъ-Жака, но достроенъ уже по смерти его: самой сельской и милой! Подлѣ садикъ, огородъ; лужокъ, орошаемый ручейкомъ; густыя деревья; мостикъ, примкнувшій къ двумъ большимъ вязамъ, и маленькой жертвенникъ, съ надписью:

A l'amitié, le baume de la vie.

Дружбѣ, бальзаму жизни.

Подъ сѣнью одного дерева спитъ канапе, съ надписью:

Жанъ-Жакъ любилъ здѣсь отдыхать,
Смотрѣть на зелень дерна,
Бросать для пшичекъ зерна,
И съ нашими дѣтьми играть.

Руссо переѣхалъ въ Эрменонвиль 20 Мая 1778, а умеръ 2 Юля; слѣдственно не долго наслаждался онъ здѣшнимъ пихимъ и пріятнымъ уединеніемъ; успѣлъ поль-

ко ласковою обходительностію
 снискавъ любовь Эрменонвильскихъ
 жителей, которые по сіе время
 не могутъ безъ слезъ говорить
 объ немъ. Свѣтъ, Литтература,
 слава, все ему наскучило; одна
 Природа сохранила до конца ми-
 лья права свои на его сердце и
 чувствительность. Въ Эрменон-
 вилѣ рука Жанъ-Жакова не бра-
 лась за перо, а только подавала
 милоспыню бѣднымъ. Лучшее его
 удовольствіе состояло въ прогул-
 кахъ, въ дружескихъ разговорахъ
 съ земледѣльцами и въ невинныхъ
 играхъ съ дѣтьми. За день до
 смерти своей онъ ходилъ еще
 собирать травы; 2 Іюля, въ 7 ча-
 совъ утра, вдругъ почувствовалъ
 слабость и дурнопу; велѣлъ своей
 Терезѣ разсворить окно, взгля-
 нулъ на лугъ, сказалъ: *comme la*
Nature est belle! и закрылъ глаза
 навѣки... Человѣкъ рѣдкій, Авіпоръ
 единственный; пылкій въ спра-

спяхъ и въ слогъ , убѣдительный
въ самыхъ заблужденіяхъ , любез-
ный въ самыхъ слабостяхъ ! мла-
денецъ сердцемъ до спароспи !
мизантропъ , любви исполненный !
несчастный по своему характеру
между людьми , и завидно-щасли-
вый по своей душевной нѣжности
въ объятіяхъ Напуры , въ прису-
ствіи невидимаго Божества , въ
чувствѣ Его благости и красотъ
творенія ! . . . Прахъ его хранился
на маленькомъ прекрасномъ остров-
кѣ , île des peupliers , осѣненномъ
высокими пополями . Надобно пе-
реѣхать на лодкѣ — и Харонъ гово-
рилъ вамъ о Жанъ-Жакѣ ; доказы-
ваетъ , что Эрменонвильской цы-
рюльникъ купилъ прость его и
не хотѣлъ продать ее за 100 экю ;
что жена мельникова никому не
дастъ садиться на томъ стулѣ ,
на которомъ Руссо у мельницы
сидѣвалъ , смотря на пѣнистую
воду ; что школьной мастеръ хра-

ниѣ два пера его; что Руссо ходилъ всегда задумавшись, неровными шагами, но всякому кланялся съ ласковымъ видомъ. Вамъ хочется и слушать переводчика, и читать надписи на берегу, и видеть скорѣе гробъ Ж. Жаковъ...

Среди журчащихъ водъ, подъ сѣнію
священной,
Ты видишь гробъ Руссо, наставника
людей;

Но памятникъ его неплѣнной

Есть чувство нѣжныхъ душъ и счастье дѣшей (*).

Всякая могила есть для меня какое-то святилище; всякой безмолвной прахъ говоритъ мнѣ:

И я былъ живъ, какъ ты:

И ты умрешь, какъ я.

Сколь же краснорѣчивъ пепелъ такого Автора, которой сильно дѣйствовалъ на ваше сердце; ко-

(*) Переводъ одной изъ надписей.

У.

шорому вы обязаны многими изъ
 любезнѣйшихъ своихъ идей; копо-
 раго душа опчаспи перелилась въ
 вашу? Монументъ его имѣетъ
 видъ древняго жертвенника ; съ
 одной стороны написано : *ici re-
 pose l'homme de la Nature et de
 la vérité, здѣсь покоится теловѣкъ*
истины и природы ; а на другой
 сторонѣ изображены играющія дѣ-
 ти съ матерью, копорая держитъ
 въ рукѣ томъ Эмиля; на верху де-
 визъ Жанъ-Жаковъ : *vitam impren-
 dere vero, жить для истины.* На
 свинцовомъ гробѣ вырѣзано : *hic
 jacent ossa J. J. Rousseau, здѣсь*
лежатъ кости Руссоны.

Чшо Руссо въ жизни своей имѣлъ
 злобныхъ враговъ, не мудрено ; но
 можно ли безъ омерзѣнія слышать,
 чшо нѣкоторые хотѣли ругаться
 и надъ безчувственнымъ прахомъ
 его , вырѣзывали на гробѣ непри-
 стойныя , безспыдныя надписи,
 бросали грязь на монументъ и ло-

мали его, такъ что хозяинъ, Маркизъ Жирарденъ, долженъ былъ приспавить караулъ къ острову!

За то Руссо имѣлъ и жаркихъ, ревностныхъ почиапелей болѣе, нежели кто нибудь изъ новыхъ Авпоровъ. Ревность нѣкоторыхъ доходила до безумія. Рассказываютъ, что одинъ молодой Французъ, восхищенный твореніями Жанъ-Жака, вздумалъ проповѣдывать его ученіе въ Азіи, и сочинилъ на Арабскомъ языкѣ капи-хизисъ, который начинается такъ: *Что есть правда? Богъ. Кто ложный пророкъ Его? Магометъ. Кто истинный? Руссо.* Французской Консулъ видѣлъ его въ Бассорѣ въ 1780 году, и никакъ не могъ доказать ему, что онъ сумасшедшій. Скромной Руссо конечно не хотѣлъ такихъ учениковъ. Думаю, что и нынѣшніе Французскіе Орапоры не одолжили бы его своими пышными хвалами: чувствитель-

ный, добродушный Жанъ - Жакъ объявилъ бы себя первымъ врагомъ революціи.

Говорили, что Тереза, жена его, вышла за мужъ за слугу Маркиза Жирардена: это неправда. Она гордилась именемъ Руссовой супруги, и живетъ одна въ маленькой деревенькѣ Плесси-Бельвиль.

Кто опершись рукою на монументъ незабвеннаго Жанъ-Жака, видѣлъ заходящее солнце и думалъ о безсмертіи: тотъ наслаждался не малымъ удовольствіемъ въ жизни.

Шантильи.

*Dans sa pompe élégante admirez Chantilly,
De Heros en Heros, d'âge en âge embelli.*

Не ожидайте отъ меня пышнаго описанія: я видѣлъ Шанпильи въ дурное время, въ дурномъ рас-

положеніи и въ страхѣ, чтобы не уѣхала безъ меня почтовая карета. Мысль, что хозяинъ его скидается нынѣ по чужимъ землямъ, какъ бѣдный изгнанникъ, также шуманила для глазъ моихъ предметы. Что вамъ сказать? Я видѣлъ великолѣпныя палаты, прекрасныя статуи, Физическіе Кабинеты, подземельные ходы съ высокими сводами, рѣдкія оранжереи, огромныя конюшни, большой Паркъ, красивыя террасы, *островъ Любви*, пріятной Англійской садъ, хижину (Hameau) украшенную какъ Царской дворецъ, чудесную игру водъ и наконецъ лавы *Орлеанской дѣвственницы*. Я вспомнилъ то великолѣпное, безпримѣрное зрѣлище, которымъ Принцъ Конде веселилъ здѣсь нашего Сѣвернаго Графа. Ночь превратилась въ день; отъ безчисленныхъ огней казалось, что лѣса и воды горѣли; искры сыпались отъ

каскадовѣ; музыка гремѣла, и охотники, при восклицаніяхъ народа, неслись вихремъ за быспрыми оленями. Такъ и воспочные Государи не забавляли гостей своихъ.

Шанпильи окруженъ густымъ лѣсомъ. Тутъ, на большой равнинѣ, гдѣ сходяпся 12 безконечныхъ алей, Великой Конде, герой и другъ просвѣщенія, давалъ праздники Людовику XIV и всему Двору его.

Сей лѣсъ напоминаетъ печальную смерть мрачнаго Романиста Прево. Онъ гулялъ въ немъ, и упалъ безъ чувства; его подняли какъ мертваго, вздумали анапомить, и безразсудной лекарь воткнулъ ему ножъ въ сердце — пронзительной крикъ раздался — Прево былъ еще живъ — лекарь зарѣзалъ его.

Я списалъ въ Шанпильи прекрасную Грувелеву надпись къ Амуру, представленному безъ по-

крова , безъ оружія и безъ крыль-
евъ. Какъ умѣю, переведу ее:

Одною нѣжностью богатъ,
Какъ Правда сердцемъ обнаруженъ,
Какъ Непорочность безоруженъ,
Какъ Поспоянство некрылатъ,
Онъ былъ въ Аспреинъ вѣкъ. Уже мы
не находимъ
Его нигдѣ; но жизнь въ исканіи про-
водимъ.

Парижъ , Июня . . . 1790.

Вчера цѣлыхъ пять часовъ про-
велъ я у Госпожи Н*, и не скуч-
но; даже самой прелесшной Ба-
ронъ, другъ ея, казался мнѣ сно-
снымъ. Говорили о чувствитель-
ности. Баронъ утверждалъ, что
привязанность мужчинъ бываетъ
гораздо сильнѣе и надежнѣе; что
женщины болѣе плачутъ, а мы ча-
ще умираемъ отъ любви. Хозяйка
утверждала противоположное, и милымъ

голосомъ, съ нѣжнымъ и помнымъ
 видомъ своимъ разсказала намъ пе-
 чальной Ліонской анекдотъ. Всѣ
 были пронуты; я не менѣе дру-
 гихъ. Госпожа Н* оборотилась ко
 мнѣ и спросила: „сочиняете ли
 вы стихи?“ — Для тѣхъ, которые
 любящъ меня, отвѣчалъ я. — „Вопъ
 вамъ маперія. Дайте мнѣ слово
 описать это приключеніе въ Ру-
 скихъ стихахъ.“ — Охотно; но поз-
 вольте немного украситъ. — „Ни
 мало. Скажите только, что опъ
 меня слышали.“ — Это слишкомъ
 просто. — „Истина не пребуеъ
 украшеній.“ — По крайней мѣрѣ въ
 разсказѣ можно вмѣститъ нѣко-
 торыя мысли, моральныя исти-
 ны. — „Дозволяю. Сдержите же
 слово.“ — Я сдержалъ его, и на-
 писалъ слѣдующее:

А Л И Н А.

О даръ, достойнѣйшій Небесъ,
 Источникъ радости и слезъ,

Чувствительность! сколь ты прекрасна,
 Мила — но въ дѣйствіяхъ несчастна! . .
 Внимайте, нѣжныя сердца!

Въ спранѣ, украшенной дарами
 Природы, щедраго Творца,
 Гдѣ Соны свѣплыми водами
 Кропитъ зеленые брега,
 Сады, цвѣщущіе луга,
 Алина милая родилась;
 Плѣняла взоры красошой,
 А души Ангельской душой;
 Плѣняла — и сама плѣнилась.
 Одна любовь любви законѣ,
 И сердце въ выборѣ не властно:
 Что мило, то всегда прекрасно;
 Но нѣжный юноша, Милонѣ,
 Достоинѣ былъ Алины нѣжной;
 Какъ старецъ въ младости умѣ,
 Любезенѣ всѣмъ, отъ всѣхъ почтенѣ.
 Съ улыбкой гордой и надежной
 Себѣ подруги онѣ искалъ;
 Увидѣлъ — вольности лишился:
 Алинѣ сердцемъ покорился;
 Сказавъ : люблю ! отвѣта ждалъ. . .

Еще Алина словъ искала;
 Боялась сердцу волю дать,
 Но все молчаніемъ сказала. —
 Другъ друга вѣчно обожашъ
 Они клялись чистосердечно.
 Но что въ минувной жизни вѣчно?
 Что клятва? — искренній обманъ!
 Что сердце? — вѣтреный пиранъ!
 Оно въ желаньяхъ своевольно,
 И самымъ щастьемъ — недовольно.

И самымъ щастьемъ! — Такъ Милонъ,
 Осыпанный любви цвѣтами,
 Ея нѣжнѣйшими дарами,
 Вдругъ сталъ задумчивъ. Часто онъ,
 Ласкаемый подругой милой,
 Имѣлъ видъ томной и унылой,
 И въ землю популялъ глаза,
 Когда блестящая слеза
 Любви, чувствительности спростной
 Кашилась по лицу прекрасной;
 Какъ въ пламенныхъ ея очахъ
 Стыдливость съ нѣжностью сражалась,
 Грудь тихо, тайно волновалась,
 И розы плѣли на устахъ.

Чего ему не доставало?

Онъ милой былъ боготворимъ!

Прекрасная дышала имъ!

Но верхъ блаженства есть начало

Унылой томности въ душахъ;

Любовь, восторгъ, холодность смежны.

Увы! почтожь сей пламень нѣжный

Не вмѣстѣ гаснетъ въ двухъ сердцахъ?

Любовь имѣетъ взоръ орлиный:

Глаза чувствительной Алины

Могли ль премѣны не видашь?

Могло ль ей сердце не сказать:

„Уже твой другъ не любитъ спраспно?“

Она надѣется (напрасно!)

Любовь любовью обновить:

Ее легко найти исканьемъ,

Всегдашней ласкою, спараньемъ;

Но чѣмъ же можно возвращить?

Ничѣмъ! въ немилѣ все немило.

Алина тоже, что была,

И всѣхъ другихъ плѣняя могла,

Но чувство друга къ ней просыло;

Когда онъ съ нею, скука съ нимъ.

Кто нами пламенно любимъ,

Кто прежде самъ любилъ насъ спраспно,
 Тому бытъ въ шягость наконецъ
 Для сердца нѣжнаго ужасно!
 Милонъ не есть коварный льстецъ:
 Не хочетъ больше пришворяться,
 Влюбленнымъ безъ любви казаться —
 И дни проводишь розно съ той,
 Которая одна, безъ друга,
 Проводишь ихъ съ своей тоской.
 Увы! несчастная супруга
 Въ молчаніи спрадать должна...
 И скоро узнаетъ она,
 Чшо въпреной Милонъ другою
 Любезной женщиной плѣненъ;
 Чшо онъ сражается съ собою,
 И, сердцемъ въ горестъ погруженъ,
 Винитъ жестокость злой судьбины (*).
 Ударъ послѣдній для Алины!
 Ахъ! сердце друга пошерять,

(*) Женщина, въ которую Милонъ былъ
 влюбленъ, по словамъ Госпожи Н*,
 сама любила его; но имѣла швердоссть
 опказать ему отъ дому, для шого,
 чшо онъ былъ женатъ.

И щаспію его мѣшаѣ
 Въ другомѣ любимомѣ имѣ предметѣ,
 Люте всѣхъ мученій въ свѣтѣ!
 Міръ хладный, жизнь, прошивны ей;
 Она бѣжитъ отъ глазъ людей...
 Но горестъ лишь себя находитъ
 Во всемѣ, вездѣ, гдѣбѣ ни была!...
 Алина въ мрачный лѣсѣ приходишъ
 (Нещаснымѣ тѣмъ лѣсовѣ мила!)
 И видитъ храмъ уединенный,
 Остатокъ древности священный;
 Тамъ вѣтрѣ въ развалинахъ свиститъ,
 И мраморъ желтымъ мхомъ покрывъ;
 Тамъ древность Божеству молилась;
 Тамъ послѣ, въ наши времена,
 Кровь двухъ любовниковъ струилась:
 Извѣстны свѣту имена
 Фальдони, нѣжныя Терезы (*);

(*) См. III Часть Писемъ Руск. Пут.
 Церковь, въ которой они застрѣ-
 лились, построена на развали-
 нахъ древняго храма, какъ сказыва-
 ютъ. Все, что здѣсь говоритъ или
 мыслилъ Алина, взято изъ ея Жур-

Они жиць вмѣстѣ не могли,
 И смерть разлукѣ предпочли.
 Алина, проливая слезы,
 Равняетѣ жребій ихѣ съ своимѣ,
 И мыслиѣ: „Кто любя любимѣ,
 „Тотѣ долженѣ быѣ судьбой доволенѣ;
 „Вѣ темницѣ и вѣ цѣпяхѣ онѣ воленѣ
 „Обѣ другѣ сладостно мечшашѣ—
 „Вѣ разлукѣ, вѣ горестяхѣ пишашѣ
 „Себя надеждою щасливой.
 „Неблагодарные! за чѣмѣ,
 „Вѣ жару любви неперпѣливой
 „И вѣ изступленіи своемѣ,
 „Вы Небо смертью оскорбили?
 „Ахѣ! мнѣ бы слезы ваши были
 „Споль миль, какѣ... . любовь моя!
 „Но щасьемѣ полнымѣ насладишѣся,
 „Измѣной вдругѣ его лишишѣся,

нала, вѣ которомѣ она почти съ са-
 маго дѣтства записывала свои мысли,
 и который хотѣла сжечь умирая, но
 не успѣла. За день до смерти неща-
 сная ходила на то мѣсто, гдѣ Фаль-
 дони и Тереза умерли себя.

„И въ тяжось другу быть какъ я. . .
 „Въ подобномъ бѣдствіи насъ должно
 „лишь Богу одному судить! . .
 „Когда мнѣ здѣсь уже не можно
 „Для щастія супруга жить,
 „Могу еще, на зло судьбинѣ,
 „Ему пожертвовать собой!

Вдругъ обнаружились въ Алинѣ
 Всѣ признаки болѣзни злой,
 И смерть приблизилась къ несчастной.
 Супругъ у ногъ ея лежалъ;
 Невѣрный слезы проливалъ,
 И снова какъ любовникъ спраспной
 Клялся ей въ нѣжности, въ любви;
 (Но поздно!) говорилъ: „живи,
 „Живи, о милая! для друга!
 „Я можетъ быть виновенъ былъ!“
 „Нѣтъ!“ — шомнымъ голосомъ супруга
 Ему сказала: „ты любилъ,
 „Любилъ меня! и я сердечно,
 „Мой другъ, благодарю тебя!
 „Но если здѣсь ничто не вѣчно,
 „То какъ тебѣ винить себя?
 „Цвѣтъ щастья, жизнь, ахъ! все невѣрно!
 „Люби блаженство столь безмѣрно,

„Что смертный былъ бы самый Богъ,
 „Когдабъ продлить его онъ могъ. . .
 „Ничто, ничто мой кончины
 „Уже не можетъ отврашеть!
 „Последній взоръ твоей Алины
 „Спремился нѣжность изъяснить. .
 „Но дай ей умереть щастливо;
 „Дай слово мнѣ—спокойнымъ быть,
 „Снеси потерю терпѣливо
 „И снова — для любви жить!
 „Ахъ! естли ты съ другою будешь
 „Дни въ мирныхъ радостяхъ вести,
 „Хотя Алину и забудешь,
 „Довольно для меня! . . . Прости!
 „Есть міръ другой, гдѣ нѣтъ измѣны,
 „Нѣтъ скуки, въ чувствахъ перемѣны:
 „Тамъ ты увидишься со мной,
 „И тамъ, надѣюсь, будешь мой!“ . . .
 Навѣкъ закрылся взоръ Алины.
 Никто не могъ понять причины
 Сего внезапнаго конца;
 Но вы, о нѣжныя сердца!
 Ее конечно угадали!
 Въ несчастьи жизнь намъ не мила....
 Спросили Медиковъ: узнали,

Что ядѣ Алина приняла. . . .
 Супругѣ, какѣ громомѣ пораженный,
 Хотѣлъ ийти за нею въ слѣдѣ;
 Но гласомѣ дружбы убѣжденный,
 Остался жишѣ. Онѣ слезы льешѣ;
 И сею горестною жертвой
 Судѣ Неба и людей смягчилѣ;
 Живой Алинѣ измѣнилѣ,
 Но хочешѣ вѣрнымѣ бышѣ ей мершвой!

Парижѣ, Июня. . . 1790.

Скажу вамѣ нѣчто о Париж-
 скомѣ народномѣ Собраніи, о ко-
 торомѣ пакѣ много пишутѣ те-
 перь въ газетахѣ. Въ первой разѣ
 пришелѣ я шуда послѣ обѣда; не
 зналъ мѣста, хотѣлъ войти въ
 большія двери вмѣстѣ съ Членами,
 былѣ остановленѣ часовымѣ, копо-
 раго никакія прозьбы смягчить не
 могли, и хотѣлъ уже съ досадою во-
 рошиться домой; но вдругѣ явил-
 ся человекѣ въ темномѣ кафтанѣ,

У.

собою очень некрасивый; взялъ меня за руку, и сказавъ : allons , Mr. allons! ввелъ въ залу. Я окинулъ глазами всѣ предметы Большая галлерей , споль для Президенша и еще два для Секретарей по сторонамъ ; напрошивъ каѳедра; кругомъ лавки, одна другой выше ; вверху ложи для зрительей. Засѣданіе еще не открывалось. Вокругъ меня было множество людей, по большей части не опрятно одѣтыхъ — съ распрепанными волосами, въ сертукахъ. Шумѣли, смѣялись , около часа. Зрители хлопали въ ладоши, изъясняя неперпѣніе. Наконецъ пошъ самой человекъ, коюрой ввелъ меня (*), подошелъ къ президентскому сполу , взялъ колокольчикъ , зазвонилъ — и всѣ, закричавъ: *по мѣстамъ! по мѣстамъ!* разбѣжались и сѣли. Одинъ я оспал-

(*) Это былъ Рабо-Сент-Эшъень.

ся среди залы — подумалъ, что мнѣ дѣлать, и сѣлъ на ближней лавкѣ; но черезъ минуту подошелъ ко мнѣ церемонмейстеръ, въ черномъ кафтанѣ, и сказалъ: „Вы не можете быть здѣсь!“ Я вспалъ и перешелъ на другое мѣсто. Между тѣмъ одинъ изъ Членовъ, Г. Андре, читалъ на кафедрѣ предложеніе Военной Коммисіи. Его слушали съ довольнымъ вниманіемъ; я также, но не долго, потому что проклятой черной кафтанъ опять подлетѣлъ ко мнѣ и сказалъ: „государь мой! вы конечно не знаете, что въ этой залѣ могутъ быть только одни Члены.“ — Куда же мнѣ дѣваться, Г. М.? — Подите въ ложи.“ — А естьли тамъ нѣтъ мѣста? — „Подите домой, или куда вамъ угодно.“ — Я ушелъ; но въ другой разъ высиждѣлъ въ ложѣ 5 или 6 часовъ, и видѣлъ одно изъ самыхъ бурныхъ засѣданій. Депутаты Ду-

ховенства предлагали, чшобы Ка-
полическую Религію признашь
единспвенною или главною во
Франціи. Мирабо оспоривалъ, гово-
рилъ съ жаромъ, и сказалъ: „я ви-
жу опсюда по окно, изъ копо-
раго сынъ Каперины Медисъ
спрѣлялъ въ Пропеспаншовъ!“
Аббатъ Мори вскочилъ съ мѣста,
и закричалъ: „вздоръ! пы опсюда
не видишь его.“ Члены и зри-
тели захохопали во все горло. Та-
кія неприспойности бывають ве-
сьма часпо. Вообщѣ въ засѣдані-
яхъ нѣтъ ни малой поржеспвен-
ности, никакого величія; но мно-
гіе Риторы говорятъ краснорѣчи-
во. Мирабо и Мори вѣчно едино-
борспвуютъ, какъ Ахиллесъ и Ге-
кпоръ.

На другой день послѣ споровъ
о Каполической Религіи явились
въ лавкахъ бумажныя шабакерки à
l'abbè Maugu; опворише крышку,
выскочилъ Аббатъ. Таковы Фран-

цузы : на всякой случай у нихъ
гопова выдумка. — Расскажу вамъ
другой анекдотъ въ семъ родѣ.
Въ понедѣльникъ самой день, какъ Собра-
ніе опредѣлило выдать ассигна-
ціи, я былъ въ театрѣ. Играли
старую оперу *башмашника*, копо-
рому во второмъ актѣ надлежало
пѣть извѣстной *водевилъ*. Вме-
сто того онъ запѣлъ новые спи-
хи, въ похвалу Короля и Народна-
го Собранія, съ припѣвомъ:

L'argent caché ressortira

Par le moyen des assignats.

Зрители были внѣ себя отъ
удовольствія, и заспавили актера
десять разъ повторять: L'argent
caché ressortira. Имъ казалось,
что передъ ними лежалъ уже ку-
чи золота!

Парижѣ, Іюня... 1790.

Вы помните, что Йорикѣ сказалъ Министру Б* о характерѣ Французовъ: „они слишкомъ *важны!*“ Министръ удивился; но разговорѣ вдругѣ перервался, и забавной Йорикѣ не изъяснилъ намъ своей мысли. Кажется, объ Аѳинскомѣ народѣ было сказано, что онѣ важными дѣлами шушилъ какъ бездѣлками, а бездѣлки считалъ важными дѣлами: то же самое можно сказать о Французахъ, которые не обижающа сродствомъ съ Аѳинскимѣ народомъ. Помните жаркіе, но смѣшныя споры о древней и новой Литтературѣ, которыми Версальской Дворѣ и весь Парижѣ занимался; помните испорію Глукистовъ, Пичинистовъ, Месмеристовъ, и согласитесь, что въ нѣкоторомъ смыслѣ Йорикѣ могъ утверждать свой парадоксъ. Но Французы имѣющіе характерѣ, вопреки его старымъ

шиллингамъ, qui, à force d'être polis, n'ont plus d'empreinte (*)—имѣютъ даже болѣе другихъ народовъ. Я говорилъ объ эпомъ съ Господжею Н*, и послѣ выразилъ мысли свои въ письмѣ къ ней. Вотъ переводъ:

„Скажу: *огонь, воздухъ* — и характеръ Французовъ описанъ. Я не знаю народа умнѣе, пламеннѣе, и въпренѣе вашего. Кажется, будто онъ *выдумалъ*, или для него *выдуманно общежитіе*: споль мила его обходительность, и споль удивительны его тонкія соображенія въ искусствѣ жить съ людьми! Сіе искусство кажется въ немъ любезною природою. Никто, кромѣ его, не умѣетъ приласкать человека однимъ видомъ, одною вѣжливою улыбкою. Напрасно Англичанинъ или Нѣмецъ захотѣлъ

(*) Слова Йориковы, сказанныя имъ въ другомъ мѣстѣ.

„бы учишься ей передъ зеркаломъ:
 „на лицѣ ихъ она чужая, принуж-
 „денная. Я хочу жить и умереть
 „въ моемъ любезномъ отечествѣ;
 „но послѣ Россіи нѣтъ для меня
 „земли пріятнѣе Франціи, гдѣ
 „иноспранецъ часто забывается,
 „что онъ не между своими. Гово-
 „рятъ, что здѣсь трудно найти
 „искренняго, вѣрнаго друга. . . .
 „Ахъ! друзья вездѣ рѣдки; и чуже-
 „земцу ли искать ихъ, тому, кто,
 „подобно Кометѣ, *являясь исте-*
 „*заетъ?* Дружба есть потребность
 „жизни; всякой хочетъ для нее
 „предмета надежнаго. Но все, че-
 „го по справедливости могу
 „пребывать опъ чужихъ людей,
 „Французъ предлагаетъ мнѣ съ
 „ласкою, *съ букетомъ цвѣтовъ.*
 „Вѣтреность, непостоянство,
 „копырыя составляютъ порокъ
 „его характера, замѣняются въ
 „немъ милыми свойствами ду-

„ши, *происходящими* (*) нѣко-
 „рымъ образомъ отъ сего самаго
 „порока. Французъ непостояненъ
 „—и не злопамятенъ; удивленіе,
 „похвала, можетъ скоро ему на-
 „скучить: ненависть также. По
 „вѣпрености ославляетъ онъ доб-
 „рое, избираетъ вредное: за то
 „самъ первой смѣется надъ сво-
 „ею ошибкою — и даже плачетъ,
 „если надобно. Веселая безраз-
 „судность есть милая подруга
 „жизни его. Какъ Англичанинъ ра-
 „дуется открытію новаго остро-
 „ва, такъ Французъ радуется
 „острому слову. Чувствительнъ
 „до крайности, спрассно влюб-
 „ляется въ испину, въ славу, въ
 „великія предпріятія; но любов-
 „ники непостоянны! Минуты его
 „жара, изступленія, ненависти,
 „могутъ имѣть спрашныя слѣд-
 „ствія; чему примѣромъ служишь

(*) Qui tiennent à ce même défaut.

„Революція. Жаль, естѣли эша у-
 „жасная полипическая перемѣна
 „должна перемѣнитъ и характеръ
 „народа, споль веселаго, оспроум-
 „наго, любезнаго!“

Эпо писано для Дамы, и для
 Француженки, копорая ахнула бы
 опѣ ужаса, и закричала: *сѣверной*
варваръ! естѣли бы я сказалъ ей,
 что Французы не оспроумнѣе, не
 любезнѣе другихъ.

Я оспавилъ себя, любезной Па-
 рижъ, оспавилъ сѣ сожалѣніемъ и
 благодарностію! Среди шумныхъ
 явленій пвоихъ жилъ я спокойно
 и весело, какъ безпечный гражда-
 нинъ вселенной; смопрѣлъ на пвое
 волненіе сѣ тихою душою, какъ
 мирный паспырь смоприпѣ сѣ го-
 ры на бурное море. Ни Якобинцы,
 ни Аристокрапы пвои не сдѣлали
 мнѣ никакого зла; я слышалъ спо-

ры, и не спорилъ; ходилъ въ великолѣпные храмы швейцарскія наслаждаясь глазами и слухомъ: тамъ, гдѣ свѣшозарный богъ Искусствъ сіяетъ въ лучахъ ума и талантовъ; тамъ, гдѣ Геній славы величественно покоится на лаврахъ! Я не умѣлъ описать всѣхъ пріятныхъ впечатлѣній своихъ, не умѣлъ всѣмъ пользоваться, но выѣхалъ изъ нея не съ пустою душою: въ ней оспались идеи и воспоминанія! Можешь бышь, когда нибудь еще увижу тебя и сравню прежнее съ настоящимъ; можешь бышь порадуясь тогда большею зрѣлостію своего духа, или вздохну о поперянной живости чувства. Съ какимъ удовольствіемъ взошелъ бы я еще на гору Валеріанскую, откуда взоръ мой леталъ по своимъ живописнымъ окрестностямъ! Съ какимъ удовольствіемъ, сидя во мракѣ Булонскаго лѣса, снова развернулъ бы передъ собою сви-

токъ Исторіи (*), чшобы найпи
вѣ ней предсказаніе будущаго! Мо-
жепѣ бытъ тогда все темное для
меня извяснишся; можепѣ бытъ
тогда еще болѣе полюблю челоувѣ-
чество; или, закрывѣ лѣпописи,
переспану занимапся его судь-
бою. . . .

Проспи, любезной Парижѣ! про-
спи, любезной В*! Мы родились
сѣ тобою не вѣ одной землѣ, но
сѣ одинакимѣ сердцемѣ; увидѣлись,
и при мѣсяца не распавались.
Сколько пріятныхѣ вечеровѣ про-
велѣ я вѣ пвоей Сен-Жерменской
Отели, чишая привлекапельныя меч-
пы единоземца и соученика пво-
его, Шиллера, или занимапсь соб-
спвенными нашими мечпами, или
философспвуя о свѣпѣ, или су-
дя новою Комедію, нами вмѣспѣ

(*) Вѣ Булонскомѣ лѣсу чишалѣ я Маб-
ліеву Историю Французскаго Правле-
нія.

видѣнную! Не забуду нашихъ пріятныхъ обѣдовъ за городомъ, нашихъ ночныхъ прогулокъ, нашихъ рыцарскихъ приключеній, и всегда буду хранишь нѣжное, дружеское письмо швое, которое пихонько написалъ ты въ моей комнаѣ за часъ до нашей разлуки. Я любилъ всѣхъ моихъ единокземцовъ въ Парижѣ; но единственнo съ тобою и съ Б* мнѣ грустно было расставаться. Къ утѣшенію своему думаю, что мы въ швоемъ или моемъ опечесствѣ можемъ еще увидѣться, въ другомъ состояніи души, можетъ быть и съ другимъ образомъ мыслей, но равно знакомы и дружны (*).

(*) Черезъ 10 лѣтъ послѣ нашей разлуки, не имѣвъ во все это время никакого обѣ немъ извѣстія, вдругъ получаю отъ него письмо изъ Петербурга, куда онъ присланъ съ важною коммисіею отъ Двора своего—письмо дружеское и любезное. Мнѣ пріятно

А вы, опечеспвенные друзья мои, не назовете меня невѣрнымъ за то, что я въ чужой землѣ нашелъ человека, съ которымъ сердце мое было какъ дома. Это знакомство счишаю благодареніемъ

напечатать здѣсь нѣкоторыя его строки: Je vous supplie, mon cher ami de me répondre le plutôt possible, pour que je sache que vous vous portez bien et que je peux toujours me compter parmi vos amis. Vous n'avez pas d'idée, combien le souvenir de notre séjour de Paris a de charmes pour moi. Tout a changé depuis ; mais l'amitié, que je vous ai vouée alors, est toujours la même. Je me flatte aussi, que vous ne m'avez pas entièrement oublié. J'aime à croire que nous nous entendons toujours à demi-mot, и пр.—Онъ женился на молодой, любезной женщинѣ, которая извѣстна въ Германіи по уму и талантамъ своимъ. Она написала романъ, копорой долго считался твореніемъ славнаго Гете: пошому что скромная Муза не хотѣла наименовать себя.

Судьбы въ странническомъ сиротствѣ моемъ. Какъ ни пріятно, какъ ни весело всякой день видѣть прекрасное, слышать умное и любопытное; но людямъ нѣкотораго роду надобны подобныя имъ люди, или сердцу ихъ будетъ грустно.

Наконецъ скажу вамъ, что, выключая мои обыкновенныя меланхолическія минушныя, я не зналъ въ Парижѣ ничего, кромѣ удовольствій. Провести такъ около четырехъ мѣсяцовъ, есть, по словамъ одного Англійскаго Доктора, выманишь у скупой волшебницы, Судьбы, очень богатой подарокъ. Почти всѣ мои земляки провожали меня, и Б* и Баронъ В*. Мы обнялись нѣсколько разъ прежде нежели я сѣлъ въ дилижансъ. Теперь мы ночуемъ, отбѣхавъ верстъ 30 отъ Парижа. Душа моя такъ занята прошедшимъ, что воображеніе мое еще ни разу не загля-

нуло въ будущее ; бду въ Англію,
а обѣ ней еще не думаю.

Го-Бюиссонъ, въ 4 часа по полудни.

Въ Иль-де-Франсѣ плоды уже зрѣлы — въ Пикардіи зелены — въ окрестностяхъ Булони все еще цвѣтешъ и благоухаетъ. Перемена климата чувствительна на каждой милѣ — и воображеніе, что я удаляюсь безпрестанно отъ благословенныхъ странъ юга, горестно для души моей. Напура видимо блднѣетъ къ сѣверу.

Теперь сижу я одинъ подъ каштановымъ деревомъ, шагахъ въ двадцати отъ почтоваго двора, — смотрю черезъ луга и поля на синѣющее вдали море и на городъ Кале, окруженный болотами и песками.

Спранное чувство! Мнѣ кажется, будто я пріѣхалъ на край свѣ-

та; — шамъ необозримое море —
конецъ земли—Природа хладѣетъ,
умираетъ — и слезы мои льются
ручьями.

Все тихо, все печально; почтовой дворъ споитъ уединенно; вокругъ его чистое поле. Товарищи мои сидятъ на правѣ, подлѣ нашей кареты, не говоря между собою ни слова; поспильоны впрягають лошадей; вѣтеръ воетъ, и листья уныло шумятъ надъ головой моей.

Кто видитъ мои слезы? кто беретъ участіе въ моей горести? кому изъясню чувства мои? Я одинъ... одинъ! — Друзья! гдѣ взоръ вашъ? гдѣ рука ваша? гдѣ ваше сердце? Кто утѣшитъ печальнаго?

О милыя узы опечесства, родства и дружбы! я васъ чувствую, не смотря на опдаленіе — чувствую, и лобызаю съ нѣжностію!...

Дикой, преселенный изъ мрачныхъ Канадскихъ лѣсовъ въ вели-

колѣпный городъ Европы, на сцену всѣхъ блестящихъ Искусствъ, видѣвъ богатство и пышность—видѣвъ, и плѣняется;—но черезъ минушу очарованіе исчезаетъ —хладъ остается въ его сердцѣ, и онъ желаетъ возвратиться въ бѣдные шалаши лѣсовъ Канадскихъ, гдѣ грудь его согрѣвалась питательными лучами любви и дружбы.

Товарищи мои садятся въ карету — черезъ часъ будемъ въ Калѣ.

Калѣ, въ часъ по полуночи.

Насъ привезли въ пракипиръ почтоваго двора.—Я тотчасъ пошелъ къ Дессеню (котораго домъ есть самый лучшій въ городѣ); остановился передъ его воротами, украшенными бѣлымъ павильономъ, и смотрѣлъ на право и на лѣво. „Что вамъ надобно, государь мой?“ спросилъ у меня мо-

лодой Офицеръ вѣ синемъ мундирѣ. „Комната, вѣ которой жилъ Лавренцій Спернъ“ (*), отвѣчалъ я. — „И гдѣ вѣ первой разѣ ѣлъ онъ Французской супъ?“ сказалъ Офицеръ. — Супъ съ цыплятами, отвѣчалъ я. — „Гдѣ хвалилъ онъ кровь Бурбоновъ?“ — Гдѣ жаръ челоуѣколюбія покрылъ лице его нѣжнымъ румянцемъ. — „Гдѣ самый тяжелый изъ металловъ казался ему легче пуха?“ (**). — Гдѣ приходилъ къ нему отецъ Лорензо съ крошестію святаго мужа. — „И гдѣ онъ не далъ ему ни копѣйки?“ — Но гдѣ хотѣлъ онъ заплашишь двадцать фунтовъ сперлинговъ тому Адвокату, ко-

(*) См. Sentimental Journey, Сперново путешествіе. Оно переведено на Руской, и напечатано.

(**) Все сіе памятно тому, кто хотя одинъ разѣ читалъ Сперново или Йорикова путешествіе; но можно ли читашъ его только одинъ разѣ?

порой бы взялся и могъ оправдать Йорика въ злакахъ Йориковыхъ. — „Государь мой! эшакомнаша во впо-ромѣ эшажѣ, прямо надъ вами. Тутъ живешъ нынѣ старая Англичанка съ своею дочерью.“ —

Я взглянулъ на окно, и уви-дѣлъ горшокъ съ розами. Подлѣ него стояла молодая женщина, и держала въ рукахъ книгу — вѣрно *Sentimental Journey*!

Благодарю васъ, государь мой — сказалъ я словоохотному Французу: — но естли позволите, то я спросилъ бы еще — — „Гдѣ томъ карешной сарай, перервалъ Офицеръ, въ которомъ Йорикъ познакомился съ милою сеспрою Графа Л*?“ — Гдѣ онъ помирился съ опцомъ Лорензомъ и... съ своею совѣспію. — „Гдѣ Йорикъ опдалъ ему черепаховую свою табакерку и взялъ на обмѣнъ роговую?“ — Но которая была ему дороже золошой и бриліантовой.

— „Этотъ сарай въ 50 шагахъ отсюда, черезъ улицу; но онъ запертъ, а ключъ у Господина Дессеня, которой теперь . . . у вечерни.“ — Офицеръ засмѣялся, — поклонился, и ушелъ. — „Господинъ Дессень въ Театръ“, сказалъ мнѣ другой человѣкъ мимоходомъ. „Господинъ Дессень на караулъ (сказалъ претій:) его недавно пожаловали въ Капралы Гвардіи.“ — О Йорикъ! думалъ я — о Йорикъ! какъ все перемѣнилось нынѣ во Франціи! Дессень Капраломъ! Дессень въ мундиръ! Дессень на караулъ! Grand Dieu! — Смерклось, и я возвратился въ свой штактиръ.

Что вамъ сказать о Калѣ? Городъ не великъ, но чрезвычайно многолюденъ — и Англичане составляютъ по крайней мѣрѣ шестую часть жителей. Дома не высокіе, — въ два этажа; а роскошь видна только въ однихъ

практирахъ. Впрочемъ все кажется мнѣ здѣсь печальнымъ и бѣднымъ. Воздухъ напиханъ сыростью и тонкою морскою солью, которая непріятнымъ образомъ щекочетъ нервы обонянія. Ни для чего въ свѣтѣ не хотѣлъ бы я жить здѣсь долго!

Въ ужинѣ бѣли мы прекрасную рыбу и свѣжихъ морскихъ раковъ, опмѣнно вкусныхъ. За столомъ сидѣло человекъ 40; между прочими семь или восемь Англичанъ, которые только-что перѣѣхали черезъ Каналъ, и намѣрены спрансповодать по всей Европѣ. Съ ними былъ одинъ Испаліянецъ, великой говорунъ и великой прусъ; худымъ Англійскимъ и Французскимъ языкомъ рассказывалъ онъ о многихъ опасностяхъ, угрожавшихъ ему и товарищамъ его на морѣ. Англичане смѣялись, и называли его Улисомъ, копорой пугаетъ Царя Аль-

циная повѣстствованіемъ о страш-
ныхъ небылицахъ (*). Между тѣмъ
они безпрестанно кричали прак-
тирщику : *вина! вина! самого лут-*
шаго! du meilleur! du meilleur! и
розовое Шампанское лилось изъ
урны своей не въ рюмки , а въ
спаканы. Оно такъ хорошо алѣ-
ло въ стеклѣ , такъ хорошо пѣ-
нилось , что и умѣренной другъ
вашъ , не спрашивая о цѣнѣ , ве-
лѣлъ подать себѣ бутылку — *du*
meilleur! du meilleur! Прекрасное
вино! Нѣмецъ съ длиннымъ носомъ,
сидѣвшій подлѣ меня , доказывалъ
убѣдительнымъ образомъ , что оно
и цвѣтомъ и вкусомъ похоже на
божественный Нектаръ , копорой
излился изъ роговъ святой козы
Амальпей (**). „Мы давно слыша-
ли, сказалъ одинъ изъ Англичанъ ,
что Нѣмцы ученой народъ : пе-

(*) См. Одиссею.

(**) Такъ говоритъ Мифологія.

перь вѣрю этому. Vraiment, Monsieur, vous êtes savant comme tous les diables!“—Германецъ улыбался, и былъ сердечно доволенъ заслуженною похвалою.

Я пришелъ въ свою комнату, бросился на постелю, и заснулъ; но черезъ нѣсколько минутъ разбудилъ меня шумъ веселыхъ Англичанъ, которые въ другой горницѣ кричали, попали, спучали и проч. и проч. Съ полчаса я перпѣлъ; наконецъ кликнулъ слугу, и послалъ его напомнить Бришанцамъ, что они не одни въ пракширѣ, и что сосѣди ихъ, можетъ быть, копятъ тишины и спокойствія. Сказавъ нѣсколько разъ *Годъ-демъ*, они замолчали.—Гука не пишетъ болѣе—проспише!

Кале, 10 часовъ утра.

Узнавъ, что пакетъ-ботъ нашъ не опвалилъ отъ берега прежде

одиннадцати часовъ, я пошелъ бродить, куда глаза глядятъ — очутился за городомъ, близъ кладбища, обсаженного высокими деревьями, и вспомнилъ могилу отца Лоренза, гдѣ Йориковы слезы лились на мягкой дернѣ, — гдѣ въ одной рукѣ держалъ онъ табакерку добродушнаго монаха, а другою рвалъ зеленую траву. — Паперъ Лорензо! другъ Йорикъ! (думалъ я, облокотившись на одинъ мшистой камень) — гдѣ вы, не знаю; но желаю нѣкогда быть съ вами вмѣстѣ!

У ногъ моихъ синѣлись цвѣточки; я сорвалъ два, и спрячалъ въ записную книжку свою. Вы ихъ увидите нѣкогда, — еспѣли волны морскія не поглопятъ меня вмѣстѣ съ ними! — Проспите!

Пакет-ботъ.

Мы уже при часа на морѣ; вѣтеръ пресильной; многіе пассажиры больны. Берегъ Французской скрылся отъ глазъ нашихъ — Английской показывается въ отдаленіи.

Вмѣстѣ съ нами сѣли на пакет-ботъ молодой Лордъ и двѣ Англичанки, жена и сестра его; они возвращаются изъ Италіи. Лордъ важенъ, но учтивъ — Лади и Миссъ любезны. Съ какимъ неперпніемъ приближаются они къ опечесству, къ родспвенникамъ и друзьямъ своимъ, послѣ шестилѣтней разлуки! Съ какою радостію говорятъ о тѣхъ удовольствіяхъ, которыя ожидаютъ ихъ въ Лондонѣ! — Ахъ! я завидовалъ имъ отъ всего сердца! Они примѣнили мою чувспвительность, и для того, можетъ, бытъ обошлись со мною ласковѣе, нежели съ другими пассажирами. Черезъ

два часа Лади занемогла морскою болѣзнію — Лордъ также — ихъ опвели въ каюту. Миссѣ оспалась на палубѣ; но скоро и она поблѣднѣла. Вѣтеръ сорвалъ съ нее шляпу, развѣвалъ ея русые длинные волосы. Я принесъ ей спаканъ холодной воды; но ничто не помогло! Бѣдная Англичанка, смотря на меня умильными и помными глазами, говорила: *Je suis mal, très mal; ma poitrine se déchire — Dieu! je crois mourir!* *мнѣ дурно, очень дурно; грудь моя раздирается — я умираю!* — Наконецъ и ее должно было вести въ каюту къ прочимъ больнымъ женщинамъ. Она подала мнѣ свою руку, холодную, слабую и дрожащую; грудь ея видимо подымалась и опускалась; слезы капались градомъ по блѣдному лицу — я почти несъ ее на рукахъ. Какая мучительная болѣзнь! Видя вездѣ спрадающихъ; видя многія непріятныя явленія, которыя бы-

ваютьъ всегдашнимъ слѣдствіемъ морскихъ припадковъ, я самъ едва-было не упалъ въ обморокъ; оставилъ свою больную, возвратился на палубу, и мало по малу опдохнулъ на свѣжемъ воздухѣ.

Подлѣ меня сидятъ теперь два Нѣмца — кажется, ремесленники, которые, думая, что ихъ никто не разумѣетъ, свободно разговариваютъ между собою. — „Что-то мы увидимъ въ Англіи! сказалъ одинъ. Французы намъ теперь извѣстны; въ нихъ не много пуши.“ — „Думаю, оповѣчалъ другой, что и Англія намъ не очень полюбитъ. Гдѣ лучше нашей любезной Германіи! Гдѣ лучше береговъ Рейна!“ — „Гдѣ лучше Вейндорфа!“ сказалъ первой съ улыбкою: „тамъ живетъ Аняша.“ — Правда, оповѣчалъ другой со вздохомъ: тамъ живетъ Аняша. Не далеко отсюда живетъ и Лиза, примолвилъ онъ съ улыбкою. — Ахъ! не далеко! оповѣчалъ

первой съ такимъ же вздохомъ. — „Еще шесть или семь мѣсяцевъ,“ сказалъ одинъ, взявъ поварища своего за руку — — „Еще шесть или семь мѣсяцевъ, повѣпорилъ другой, и мы въ Германіи!“ — „И мы на берегу Рейна!“ — „И мы въ Веиндорфъ!“ — „Тамъ, гдѣ живепъ Анюта!“ — „Тамъ, гдѣ живепъ Лиза!“ — „Дай Богъ! дай Богъ!“ сказали они въ одинъ голосъ, и крѣпко, крѣпко пожали руку одинъ у другаго.

Уже открываеиъся Дуврѣ и высокія башни, въ копорыхъ ночью зажигаюиъ огонь для безопасности плавапелей. Нигдѣ не видно зелени; вездѣ песчаные холмы, песчаная равнины. Мы близко къ берегу; но еще буря можеиъ унести насъ далеко въ необозримостъ морскую — еще опасность не миновалась — еще корабль нашъ можеиъ удариться о подводные гранипы, и погрузиться въ шумящей безднѣ! Тогда... adieu!

Дуврѣ.

Берегѣ! берегѣ! Мы въ Дуврѣ, и я въ Англіи—въ той землѣ, которую въ ребячествѣ своемъ любилъ я съ такимъ жаромъ, и которая по характеру жителей и степени народнаго просвѣщенія есть конечно одно изъ первыхъ государствъ Европы.—Здѣсь все другое: другіе дома, другія улицы, другіе люди, другая пища—однимъ словомъ, мнѣ кажется, что я перѣхалъ въ другую часть свѣта.

Англія есть кирпичное царство: и въ городѣ и въ деревняхъ всѣ дома изъ кирпичей, крыши черепицею, и некрашеные. Вездѣ видите дымъ земляныхъ угольевъ; вездѣ чувствуете ихъ запахъ, которой для меня весьма непріятенъ; улицы широки и опмѣнно чисты; вездѣ *тротуары*, или камнемъ выспланные дорожки для пѣшихъ—и на каждомъ шагу—въ такомъ маленькомъ городкѣ, какъ Дуврѣ

— встрѣчается вамъ красавица, въ черной шляпкѣ, съ кропкою, нѣжною улыбкою, съ посошкомъ въ бѣлой рукѣ.

Такъ, друзья мои! Англію можно называть землею красоты — и путешественникъ, копорой не плѣнится милостивыми Англичанками; копорой — особливо пріѣхавъ изъ Франціи, гдѣ очень мало красавицъ — можетъ смотрѣть равнодушно на ихъ прелести, долженъ имѣть каменное сердце. Часа два ходилъ я здѣсь по улицамъ единственно для того, чтобы любоваться Дуврскими женщинами, и скажу всякому живописцу: „если ты не былъ въ Англіи, то кисть твоя никогда совершенной красоты не изображала!“ — Англичанокъ не лзя уподобить розамъ; нѣтъ, онѣ почти всѣ блѣдны — но сія блѣдность показывается сердечную чувствительность, и дѣлается новою пріятностію

на ихъ лицахъ. Поэтъ назоветъ ихъ лиліями, на копорыхъ, опъ розовыхъ облаковъ неба, мелькаютъ алыя оптѣнки. Кажется, будпо всякимъ помнымъ взоромъ своимъ говорятъ онѣ: *я улыю любить нѣжно!*—Милыя, милыя Англичанки! — Но вы опасны для слабаго сердца, опаснѣе Нимфъ Калипсиныхъ, и вашъ островъ есть островъ волшебства, очарованія. Горе бѣдному спраннику! Равнодушно взглянетъ онъ съ берега на пылающій корабль свой, и снова устремитъ огненные глаза на какую нибудь Эвхарису (*). Ахъ! какой Менпоръ низвергнетъ его въ волны морскія!

Между тѣмъ не думайте, чпобы другъ вашъ, пріѣхавъ въ опа-

(*) Извѣстно, что Телемакъ, влюбленный въ Калипсину Нимфу, Эвхарису, не шужилъ о сгорѣвшемъ кораблѣ своемъ.

снующую Англію, гдѣ Купидонъ во всѣ стороны пускаетъ тысячами стрѣлы свои, лишился всей твердости, ослабѣлъ и распаялъ въ томныхъ чувствахъ. Нѣтъ, друзья мои! я имѣлъ еще сколько силъ, чтобы взойти на превысокую гору и видѣть тамъ древній замокъ, колодезь въ 360 футовъ глубиною, и мѣдную пушку, длиною въ три сажени, копорая называется карманнымъ пистолетомъ Королевы Елисаветы.

Я сѣлъ отдохнуть на вершинѣ горы, и великолѣпнѣйшій видъ представился глазамъ моимъ. Съ одной стороны вся Кенійская провинція съ городами и деревнями, рощами и полями; а съ другой безконечное море, въ которое погружалось солнце, и гдѣ переплывали разноцвѣтные флаги; гдѣ бѣлѣлись парусы и миллионы пенныхъ валовъ. —

Англійской Лордъ, любезная
V.

жена и милая сестра его, вышедши на берегъ, съ нѣжностію обняли другъ друга. „Берегъ моего отечества! (сказалъ Лордъ) я благословляю тебя!“—Они дали мнѣ свой Лондонской адресъ, и поѣхали въ наемной каретѣ.

Когда я пришелъ въ практиръ, гдѣ мы остановились ночевать, то въ первой комнатѣ окружили меня семь или восемь человекъ, весьма худо одѣтыхъ, которые грубымъ голосомъ требовали денегъ. Одинъ говорилъ: „дай мнѣ шиллингъ за то, что я подалъ тебѣ руку, когда ты сходилъ съ пакет-боша;“ другой: „дай мнѣ шиллингъ за то, что я поднялъ плапокъ твой, когда ты уронилъ его на землю;“ третій: „дай мнѣ два шиллинга за то, что я донесъ до пракшира чемоданъ твой.“ Четвертой, пятой, шестой—всѣ требовали, всѣ объявляли права свои на мой кошелекъ; но я, брѣ-

сивѣ на землю два шиллинга, ушелѣ
отѣ нихѣ. Судите, любящѣ ли
здѣсь деньги, и дешево ли цѣнятѣ
Англичане трудѣ свой!

Еще другая черта. Всѣ наши
сундуки и вещи принесли съ па-
кеш-бопа въ таможеню. „У меня
нѣтъ ничего запрещеннаго, ска-
залѣ я осмопріцикамѣ: и еспѣли
вы повѣрите моему честному сло-
ву, и не будете разбивать моего
чемодана, то я съ благодарно-
стію заплачу нѣсколько шиллин-
говѣ.“ — „Нѣтъ, государь мой!
(опвѣчали мнѣ) намѣ должно все
видѣть.“ — Я опперѣ, и показалѣ
имѣ спарыя свои книги, бумаги,
бѣлье, фраки. „Теперь, сказали
они, вы должны заплашиѣ пол-
кроны., — За что же? спросилѣ
я. Развѣ вы были снисходительны?
или нашли у меня что нибудь за-
прещенное? — „Нѣтъ; но безѣ
эпова не получите своего чемода-
на.“ Я пожалѣ плечами, и запла-

шилъ при шиллинга. — И такъ Англійскіе таможенныя приспавы умбюпъ спрого исполняпъ свою должностъ, и припомъ... наживапъся!

Мнѣ хотѣлось видѣпъ Англійскую кухню. Какая чистота! На полу нѣпъ ни пьпнышка; каспрюли, блюда, чашки — все бѣло, все свѣпло, все вѣ удивительномъ порядкѣ. Каменныя уголья пылаюпъ на большомъ очагѣ, и розовымъ огнемъ своимъ прельщаюпъ зрѣніе. Хозяйка улыбулась очень пріятно, когда я сказалъ ей: „видѣ Французской кухни не рѣдко опнимаепъ аппепишъ; видѣ вашей кухни производипъ его.“

Ужинъ нашъ состоялъ изъ жареной говядины, земляныхъ яблокъ, пудинга и сыру. Я хотѣлъ спросипъ вина, но вспомнилъ, что вѣ Англии нѣпъ виноградныхъ садовъ, и спросилъ портеру. Бутылка самаго

худаго Шампанскаго или Бургонскаго стоишѣ здѣсь болѣе чепырехъ рублей. Простите! Теперь полночь.

Лондонъ.

Въ шесть часовъ утра сѣли мы въ чепверомѣспную карету, и поскакали на прекрасныхъ лошадяхъ по Лондонской дорогѣ, ровной и гладкой.

Какія мѣста! какая земля! Вездѣ богатые, темнозеленые и пучные луга, гдѣ пасутся многочисленные спада, блестящія своею перловою и серебряною волною; вездѣ прекрасныя деревеньки съ кирпичными домиками, покрытыми свѣшлою черепицею; вездѣ видите вы маленькихъ красавицъ (въ чистыхъ, бѣлыхъ корсетахъ, съ распущенными кудрями, съ открытою снѣжною грудью), которыя держатъ въ рукахъ корзинки, и

продаютъ цвѣты; вездѣ замки богатыхъ Лордовъ, окруженные рощами и зеркальными прудами; вездѣ встрѣчается вамъ множество каретъ, колясокъ, верховыхъ; множество хорошо одѣтыхъ людей, которые ѣдутъ изъ Лондона и въ Лондонъ, или изъ деревень и сельскихъ домиковъ выѣзжаютъ прогуливаться на большую дорогу; вездѣ пракпиры, и у всякаго пракпира стоятъ осѣдланныя лошади и кабриолеты — однимъ словомъ, дорога отъ Дувра до Лондона подобна большой улицѣ многолюднаго города.

Что, ежели бы я прямо изъ Россіи пріѣхалъ въ Англію, не видавъ ни Эльбскихъ, ни Рейнскихъ, ни Сенскихъ береговъ; не бывъ ни въ Германіи, ни въ Швейцаріи ни во Франціи?—Думаю, что картина Англіи еще болѣе поразилабы мои чувства; она была бы для меня новѣе.

Какое многолюдство! какая дѣ-

ятельность! и припомъ какой порядокъ! Все представляетъ видъ довольства, хопя не роскоши, но изобилія. Ни одинъ предметъ отъ Дувра до Лондона не напомнилъ мнѣ о бѣдности человѣческой.

На каждахъ чепырехъ верспахъ перемѣняли мы лошадей; но, не смотря на то, поспильоны или кучера, соасhtен, оспанавливающихся раза три пить въ пракширахъ — и никто не смѣй имъ сказать ни слова!

Въ Кантербури, главномъ городѣ Кентской провинціи, пили мы чай, въ первой разъ по-Англійски, то есть крѣпкой и густой, почти безъ сливокъ, и съ масломъ, намазаннымъ на ломтики бѣлаго хлѣба; въ Рочесперѣ обѣдали, также по-Англійски, то есть не блинчего, кромѣ говядины и сыра. Я спросилъ салапу; но мнѣ подали вялую праву, облипую уксу-сомъ: Англичане не любящъ ни-

какой зелени. *Рост-бифъ* , *бифъ-стексъ* (*) еспѣ ихъ обыкновенная пища. Опѣ того густѣетѣ въ нихъ кровь; опѣ того дѣлаются они флегматиками, меланхоликами, не сносными для самихъ себя , и не рѣдко самоубійцами. Къ сей физической причинѣ ихъ *сплина* (**) можно прибавитѣ еще двѣ другія: вѣчной пуманѣ опѣ моря и вѣчной дымѣ опѣ угольевѣ , копорой облаками носипся здѣсь надѣ городами и деревнями.

Мы пробѣзжали мимо одного огромнаго замка , построенаго на високомѣ мѣстѣ , опкуда можно видѣть нѣсколько городовъ , множесво деревень, рѣкъ , море , и проч. „Какѣ щаспливѣ долженѣ бытъ хозяинѣ эпюва дому!“ сказала наша сопутница , пожилая Француженка. „Нѣтъ (опвѣчалѣ

(*) Жареная и бипая говядина.

(**) Т. е. меланхолія.

молодой Кенпской дворянинъ, ѣхав-
шій съ нами въ каретѣ): блестя-
щая наружность и прекрасные
виды не дѣлають человека благопо-
лучнымъ. Я знаю испорцію хозяина:
она горестна.“—Англичанинъ раз-
сказалъ намъ слѣдующій анекдотъ:

„Лордъ О* былъ молодъ, хорошъ,
богатъ; но съ самаго младенче-
ства носилъ на лицѣ своемъ пе-
часть меланхоліи—и казалось, что
жизнь, подобно свинцовому бреме-
ни, тягошила душу и сердце его.
Двадцати-пяти лѣтъ женился онъ
на знатной и любезной дѣвицѣ,
оставилъ Лондонъ, пріѣхалъ въ
нашу провинцію, въ эпоху огром-
ной замокъ, построенный и укра-
шенный оццомъ его, и не смотря
на всѣ ласки, на всѣ нѣжности
милыя супруги, предался болѣе,
нежели когда нибудь, мрачной за-
думчивости и меланхоліи. Бѣдная
Лади, живучи съ нимъ, спрадала
и помилась, *semblable à ces flam-*

beaux , à ces lugubres feux , qui brûlent près des morts sans échauffer leur cendre. — Въ одинъ бурной вечеръ онъ взялъ ее за руку , привелъ въ густоту парка , и сказалъ: *я мучилъ тебя; сердце мое, мертвое для всѣхъ радостей, не чувствуетъ цѣны твоей: мнѣ должно умереть — прости!* Въ самую сію минутоу несчастный Лордъ распростеръ себѣ голову, и упалъ мертвою къ ногамъ оцѣпенѣвшей жены своей. — Уже два года покоился въ землѣ прахъ его. Чувствительная вдова клялась не выѣзжать изъ замка, и всякой день проливаетъ слезы на гробъ супруга своего , копорой былъ неизбъяснимымъ феноменомъ въ моральномъ мірѣ. “ — Товарищи мои начали разсуждать о семъ происшествіи; я молчалъ.

Версѣ за пять увидѣли мы Лондонъ въ густомъ шуманѣ. Куполъ церкви Св. Павла гигантски

превышалъ всѣ другія зданія. Близъ него — такъ казалось издали — подымался сквозь дымъ и мглоушонкой, высокой сполпъ, монументъ, сооруженный въ память пожара, который нѣкогда превратилъ въ пепелъ большую часть города. Черезъ нѣсколько минутъ открылось попомъ и Веспминсперское Аббатство, древнее гошическое зданіе, вмѣстѣ съ другими церквами и башнями, вмѣстѣ съ зелеными, густыми парками, звѣринцами и рощами, окружающими Лондонъ. — Надобно было спускаться съ горы: я вышелъ изъ кареты — и смопръ на величественной городъ, на его окрестности и на большую дорогу, забылъ все. Если бы поварищи не хвапились меня, то я оспался бы одинъ на горѣ, и пошелъ бы въ Лондонъ пѣшкомъ.

На правой споронѣ, между зеленыхъ береговъ, сверкала Темза,

гдѣ возвышались безчисленные корабельныя мачшы, подобно лѣсу, опаленному молніями. Вотъ первая пристань въ свѣтѣ, средоточіе всемірной торговли!

Мы вѣхали въ Лондонъ.

Лондонъ, Іюля... 1790.

Парижъ и Лондонъ, два первые города въ Европѣ, были двумя Фarosами моего путешествія, когда я сочинялъ планъ его. Наконецъ вижу и Лондонъ.

Есѣли великолѣпіе состоитъ въ огромныхъ зданіяхъ, которыя, подобно гранишнымъ утесамъ, гордо возвышающіяся къ небу, то Лондонъ совсѣмъ не великолѣпенъ. Пробѣхавъ двадцать или тридцать лучшихъ улицъ, я не видалъ ни однихъ величественныхъ палаѣ, ни одного огромнаго дому. Но длинныя, широкія, гладко-вымощенныя

улицы; большими камнями устлан-
 ные дороги для пѣшихъ; двери до-
 мовъ, сдѣланныя изъ краснаго де-
 рева, напершыя воскомъ и блестя-
 щія какъ зеркало; непрерывный
 рядъ фонарей на обѣихъ сторонахъ;
 красивыя площади (Squares), гдѣ
 предспавляются вамъ или спашуи
 или другія историческія мону-
 менны; подъ домами богатые лав-
 ки, гдѣ, сквозь спеклянные двери,
 съ улицы видите множество вся-
 каго роду поваровъ; рѣдкая чистот-
 а, опрятность въ одеждѣ людей
 самыхъ проспыхъ, и какое-то об-
 щее благоустройство во всѣхъ
 предметахъ — образуютъ карти-
 ну неописанной пріятности, и вы
 сто разъ повторяете: *Лондонъ*
прекрасенъ! Какая розница съ Па-
 рижемъ! Тамъ огромность и га-
 дость, здѣсь простота съ удиви-
 тельною чистотою; тамъ роскошь
 и бѣдность въ вѣчной противопо-
 ложности, здѣсь единообразіе об-

щаго достатка; тамъ палаты, изъ которыхъ ползутъ блѣдные люди въ раздранныхъ рубищахъ: здѣсь изъ маленькихъ кирпичныхъ домиковъ выходятъ Здоровье и Довольствіе, съ благороднымъ и спокойнымъ видомъ—Лорды и ремесленники, чисто одѣтые, почти безъ всякаго различія; тамъ распудренной, разряженной человѣкъ тащися въ скверномъ фіакрѣ, здѣсь поселянинъ скачетъ въ хорошей каретѣ на двухъ гордыхъ коняхъ; тамъ грязь и мрачная пѣснопа, здѣсь все сухо и гладко—вездѣ свѣтлой просторъ, не смотря на многолюдство.

Я не зналъ, гдѣ мнѣ приклонить свою голову въ обширномъ Лондонѣ, но ѣхалъ спокойно, весело; смотрѣлъ и ничего не думалъ. Обыкновенное слѣдствіе путешествія и переѣздовъ изъ земли въ землю! Человѣкъ привыкаетъ къ неизвѣстности, страшной

для домоѣдовѣ. Здѣсь есть люди: я найду себѣ мѣсто, найду знакомство и пріятности—вопѣ чувство, которое дѣлаетъ его беззаботнымъ гражданиномъ вселенной!

Наконецъ карета наша остано-вилась; поварищи мои выпрыгнули и скрылись. Тутъ вспомнилъ я, что и мнѣ надлежало иппи куда нибудь съ своимъ чемоданомъ — куда же? Однажды, всходя въ Парижской Опели своей на лѣспни-цу, поднялъ я карпочку, на ко-рой было написано: *Г. Ромели въ Лондонѣ, на улицѣ Пель-Мель, въ 208 номерѣ, имѣетъ комнаты для иностранцевъ*. Карпочка сохрани-лась въ моей записной книжкѣ, и другъ вашъ отправился къ Гну. Ромели. Вспомните анекдотъ, что одинъ Французъ, умирая, велѣлъ позвать къ себѣ обыкновен-наго духовника своего; но послан-ный возвратился съ отвѣтомъ, что духовника его уже лѣтъ двад-

цапъ нѣпѣ на свѣпѣ. Со мною случилось подобное. Г. Ромели скончался за 15 лѣпѣ до моего прїѣзда въ Лондонѣ! . . . Надлежало искапъ другова пристанища : мнѣ опвели уголокъ въ одномѣ Французскомѣ пракпирѣ. „Комната не велика (сказалъ хозяинѣ), и занята молодымѣ Эмигрантомѣ; но онѣ доброй человекѣ, и согласится раздѣлишь ее съ вами.“ Товарища моего не было дома ; въ горницѣ не нашелѣ я ничего, кромѣ постели , гитары , карпѣ и . . . а black pair of silk breeches (*). Въ ту же минути явился Англійской парикмахерѣ, толстой флегмапикѣ, копорой изрѣзалѣ мнѣ щеки пупою брипвою , намазалѣ голову саломѣ и напудрилѣ мукою . . . я уже не въ Парижѣ, гдѣ кистѣ искуснаго , веселаго Ролеша (**), подобно Зе-

(*) Съ копорыми опправился Йорикѣ во Францію, какѣ извѣстно.

(**) Имя моего Парижскаго парикмахера.

фиру, навѣвала на мою голову бѣ-
лѣйшій ароматный иней! На мои
жалобы: *ты меня рѣжешь, помада
твоя пахнетъ саломъ, изъ пудры
твоей хорошо только пахнутъ сухари,*
Англичанинъ опвѣчалъ съ сер-
дцемъ: *I dont understand you, Sir; я
васъ не разумѣю!* И большой чело-
вѣкъ не естъ ли ребенокъ? Бездѣли-
ца веселитъ, бездѣлица огорчаетъ
его: полспой Лондонской парикма-
херъ грубоспью своею какъ обла-
комъ зашмилъ мою душу. Надѣвая
на себя Парижской фракъ, я вздох-
нулъ о Парижѣ, и вышелъ изъ дому
въ задумчивости, которая одна-
кожь въ минушу разсѣялась видомъ
прекраснѣйшей иллюминаціи.
Едва только закапилось солнце, а
всѣ фонари на улицахъ были уже за-
свѣчены; ихъ здѣсь тысячи, одинъ
подлѣ другаго, и куда ни взглянешь,
вездѣ перспектива огней, копо-
рые вдали кажутся вамъ огненною,
безпрерывною нитью, пропаянною

въ воздухѣ. Я ничего подобнаго не видывалъ, и не дивлюсь ошибкѣ одного Нѣмецкаго Принца, которой, вѣхавъ въ Лондонъ ночью и видя яркое освѣщеніе улицъ, подумалъ, что городъ иллюминированъ для его пріѣзда. Англійская нація любитъ свѣтъ, и даетъ Правительству милліоны, чтобы замѣнить естественное солнце искусственнымъ. Разительное доказательство народнаго богатства! Французское Министерство давало пенсіи на *лунной свѣтъ* (*); гордой Британецъ смѣется, звучитъ въ карманѣ гинеями, и великъ Пипшу зажигать фонари засвѣпло.

Я люблю большіе города и многолюдство, въ которомъ человѣкъ можетъ быть уединеннѣе, неже-

(*) Въ лунныя ночи Парижъ не освѣщался; изъ остатковъ суммы, определенной на освѣщеніе города, давались пенсіоны.

ли въ самомъ маломъ обществѣ ;
люблю смотрѣть на тысячи не-
знакомыхъ лицъ , которыя , подо-
бно Китайскимъ шѣнямъ , мелька-
ютъ передо мною , оставляя въ
нервахъ легкія , едва примѣшныя
впечатлѣнія ; люблю теряться ду-
шею въ разнообразіи дѣйствующихъ
на меня предметовъ и вдругъ
обращаться къ самому себѣ , —
думаю , что я средоточіе нрав-
ственнаго міра , предметъ всѣхъ
его движеній , или пылинка , кото-
рая съ міріадами другихъ ато-
мовъ обращается въ вихрь предо-
предѣленныхъ случаевъ . Филосо-
фія моя укрѣпляется , такъ ска-
зано , видомъ людской суеπισности ;
напрошивъ того , будучи одинъ съ
собою , часто ловлю свои мысли
на мірскихъ ничтожностяхъ .
Свѣтъ моральной , подобно небес-
нымъ шѣламъ , имѣетъ двѣ силы :
одною влечетъ сердце наше къ
себѣ , а другою отпалкиваетъ его :

первую живѣе чувствую въ уединеніи, другую между людей — но не всякой обязанъ имѣть мои чувства.

Я умствую : извините. Таково дѣйствіе Англійскаго климата. Здѣсь родились Невтонъ, Локкъ и Гоббесъ!

Надобно смотрѣть, надобно описывать. — Ошибаюсь или нѣтъ; но мнѣ кажется, что первой взглядъ на городъ даетъ намъ лучшее, живѣйшее объ немъ понятіе, нежели долгоевременное пребываніе, въ копоромъ, занимаясь часпями, теряемъ чувство цѣлаго. Свѣжее любопытство ловитъ главные, отличительные знаки мѣста и людей: то, что собственно называется характеромъ, и что при долгомъ, повторительномъ разсмаприваніи зашемняется въ душѣ наблюдателя. Такимъ образомъ, если бы я, проживъ въ Лондонѣ года два, уѣхалъ и захотѣлъ себѣ предста-

вить его въ карпинѣ, по мнѣ надлежало бы оживить въ памяти своей сильныя впечатлѣнія нынѣшняго дня.

Кто скажетъ вамъ: шумной Лондонъ! пошъ, будьте увѣрены, никогда не видалъ его. Многолюденъ, правда; но шихъ удивительнымъ образомъ, не только въ сравненіи съ Парижемъ, но даже и съ Москвою. Кажется, будто здѣсь люди или со сна не разгулялись, или чрезмѣрно устали отъ дѣятельности, и спѣшатъ отдыхать. Если бы отъ времени до времени спукъ каретъ не попрысалъ нервъ вашего слуха, то вы, ходя по здѣшнимъ улицамъ, могли бы вообразить, что у васъ залегли уши. Я входилъ въ разные кофейные дома: двадцать, тридцать человѣкъ сидя въ глубокомъ молчаніи, читающъ газеты, пьютъ красное Португальское вино; и хорошо, если въ 10 минутъ услышите два слова

—какія же? your health, gentleman! *ваше здоровье!* Мудрено ли, чпо Англичане славяшся глубокомысліемъ въ Философіи? они имѣють время думать. Мудрено ли, чпо Орапоры ихъ въ Парламентѣ заговоривъ не умѣють кончить? имъ наскучило молчать дома и въ публикѣ.

Спокойствіе моихъ ушей давало полную свободу глазамъ моимъ занимаются наружностію предметовъ, особливо лицами. Женщины и въ Лондонѣ очень хороши, одѣваются просто и мило; всѣ безъ пудры, безъ румянъ, въ шляпкахъ, выдуманыхъ Граціями. Онѣ ходятъ какъ лепашають; за иною два лакея съ трудомъ успѣвають бѣжать. Маленькія ножки, выспавляясь изъ-подъ кисейной юбки, едва касаются до камней *троттуара*; на бѣломъ корсетѣ развѣвается Остѣ-Индская *Шаль*; а на Шаль, изъ-подъ шляпки, падають свѣплые

локоны. Англичанки по большой части бѣлокуры; но самыя лучшія изъ нихъ шемноволосыя. Такъ мнѣ показалось; а я, право, смотрѣлъ на нихъ съ большимъ вниманіемъ! Взглядывалъ и на Англичанъ, которыхъ лица можно раздѣлить на три рода: на угрюмыя, добродушныя и звѣрскія. Клянусь вамъ, что нигдѣ не случилось мнѣ видѣть столько послѣднихъ, какъ здѣсь. Я увѣрился, что Гогардъ писалъ съ Напуры. Правда, что такія гнусныя фізіогноміи встрѣчаюся только въ низкой черни Лондонскаго народа; но столь многообразны, живы и разительны, что десяти Лафатеровъ не достало бы для описанія всѣхъ дурныхъ качествъ, ими изображаемыхъ. Франшувъ видѣлъ я здѣсь гораздо болѣе, нежели въ Парижѣ. Шляпа сахарною головою, густо-населенные волосы и виски до самыхъ плечъ, толстой галспухъ, въ ко-

поромъ погребена вся нижняя часть лица, разинутой ротъ, обѣ руки въ карманахъ, и самая непристойная походка: вотъ ихъ общія примѣты! Не думаю, чтобы изъ тысячи подобныхъ людей вышелъ одинъ хорошій Членъ Парламента. Воркъ, Фоксъ, Шериданъ, Пиппъ, въ молодости своей вѣрно не бѣгали по улицамъ разинями.

Скажете, друзья мои, нашему П., обожателю Англичанъ, чтобы онъ поспѣшъ заказалъ себѣ дюжину синихъ фраковъ: это любимой цвѣтъ ихъ. Изъ 50 человекъ, которые встрѣпаясь вамъ на Лондонской улицѣ, по крайней мѣрѣ двадцать увидите въ синихъ кафпанахъ. Такимъ важнымъ замѣчаніемъ могу кончить письмо свое; остальные наблюденія поберегу для слѣдующихъ. Скажу только, что я съ великимъ трудомъ нашелъ свою *Таверну*. Лондонскія улицы всѣ одна на другую похожи; надобно было

спрашивалъ, а я дурно выговаривалъ имя своей, и не прежде одиннадцати часовъ возвратился къ любезному моему... чемодану.

Лондонъ, Июля... 1790.

Я не видалъ еще никого въ Лондонъ; не успѣлъ взять денегъ у Банка, но успѣлъ слышать въ Весминстерскомъ Аббатствѣ Генделеву Орапорію, Мессію, отдавъ за входъ послѣднюю гинейю свою. Въ оркестрѣ было 900 музыкантовъ. Пѣли славная въ Европѣ Мара, Синьйора Каншело, Спюраче, извѣстный пѣвецъ Паккіеротти, Норрисъ и проч. Инструментальною музыкою управлялъ Г. Крамеръ. Вообразите дѣйствіе 600 инструментовъ и 300 голосовъ, наилучшимъ образомъ согласенныхъ, — въ огромной залѣ, при безчисленномъ множествѣ слушателей,

У.

наблюдающихъ глубокое молчаніе! Какая величественная гармонія! какія прогашельныя аріи! гремящія хоры! быспрыя перемѣны чувствъ! Послѣ священнаго ужаса, вселяемаго арією: who shall stand when he appears (*), вы въ восторгѣ отъ хора: arise, shine, for thy light is come (**). Печаль, грусть обнимающъ сердце, когда Мара поетъ о Христѣ: he was a man of sorrows, and acquainted with grief (***). Такъ называемые *семи-хоры*, вопросами и отвѣтами, производящъ удивительное дѣйствіе. Одинъ: who is the king of glory? Другой: The Lord, strong and mighty. — Who is the king

(*) Кто устоитъ предъ лицемъ Его, и проч.

(**) Возспанъ и сіяй, ибо явился свѣтъ Твой.

(***) Онъ испыталъ горестъ, узналъ печаль.

of glory? The Lord of Hosts (*)
 Послѣ чего *семи-хорѣ* повторяет-
 ся всѣмъ хоромъ. Я плакалъ отъ
 восхищенія, когда Мара пѣла арію:
 I know that my Redeemer lives —
 и дуэпъ съ Пакеротши: о Death,
 where is thy sting? О grave,
 where is thy victory (**)? Я слы-
 халъ музыку Перголезіеву, Гомел-
 ліеву, Гайденову, но не бывалъ
 ничѣмъ столько распротанъ, какъ
 Генделевымъ Мессією. И печально
 и радостно, и великолѣпно и чув-
 ствительно! —

Орапорія раздѣляется на три
 части; послѣ каждой музыканты
 отдышали, а слушатели, пользуясь
 тѣмъ временемъ, завпракали. Я
 былъ въ ложѣ съ однимъ купече-
 скимъ семействомъ. Меня посади-

(*) Кто Царь славы? Господь небе-
 сныхъ воинствъ.

(**) Живъ, живъ Спаситель мой! . . О
 Смерть! гдѣ твое жало? Могила!
 гдѣ побѣда твоя?

ли на лучшемъ мѣстѣ и кормили пирогами, но нимало не думали занимать разговоромъ. Лишь только Король съ Фамиліею вошелъ въ ложу свою, одинъ изъ моихъ поварей ударилъ меня по плечу и сказалъ: „вошъ нашъ доброй „Джорджъ съ добрыми дѣтьми „своими! Я нарочно наклонюсь, „чтобы вы могли лучше видѣть „ихъ.“ Это мнѣ очень понравилось; и понравилось бы еще болѣе, если бы онъ не такъ сильно ударилъ меня по плечу.— Вотъ другой случай: къ намъ вошла женщина съ *аффишами*, и вперла мнѣ въ руки лиспочекъ, для того, чтобы взять съ меня 6 пенсовъ. Спаршій изъ фамиліи выдернулъ его у меня съ видомъ сердца и бросилъ женщинѣ, говоря: „ему не надобно; „ты хочешь опиять у него деньги; это стыдно. Онъ иностранецъ, и не умѣетъ опговоришься.“ Хорошо, подумалъ я: но для

чого ты, господинъ Брипанецъ, вырвалъ листокъ съ такою грубостію? для чего задѣлъ меня имъ по носу?

Между тѣмъ я съ пріятнымъ любопытствомъ разсмапривалъ Королевскую Фамилію. У всѣхъ добродушныя лица, и болѣе Нѣмецкія, нежели Англійскія. Видѣ у Короля самой здоровой; никакихъ слѣдовъ прежней его болѣзни въ немъ не примѣтно. Дочери похожи на мать: совсѣмъ не красавицы, но довольно милovidны. Принцъ Валлиской хорошій мущина; только слишкомъ толстѣ.

Тутъ видѣлъ я всю лучшую Лондонскую публику. Но всѣхъ болѣе занималъ меня молодой человекъ въ сѣренькомъ фракѣ, видомъ весьма обыкновенный, но умомъ своимъ рѣдкій; человекъ, который въ лѣтахъ цвѣтущей молодости живетъ единственно честполюбіемъ, имѣя цѣлію пользу своего отече-

спва; родителя славнаго сынъ достойный, уважаемый всѣми истинными патриотами — однимъ словомъ, Вильгельмъ Пиппъ! У него самое Англійское, покойное и даже немного флегматическое лицо, на которомъ однакожъ изображается благородная важность и глубокомысліе. Онъ съ великимъ вниманіемъ слушалъ музыку — говорилъ съ тѣми, которые сидѣли подлѣ него — но болѣе казался задумчивымъ. Въ наружности его нѣтъ ничего особенно пріятнаго. — — Слышавъ Генделя и видѣвъ Пиппа, не жалѣю своей гиней.

Эта Орапорія дается каждый годъ, въ память сочинителю и въ знакъ признапельности Англійскаго народа къ великимъ его талантамъ. Гендель жилъ и умеръ въ Лондонѣ.

Изъ Вестминстерскаго Аббатства прошелъ я въ славной Сент-Джемской Паркъ — нѣсколько из-

рядныхъ липовыхъ алей, обширной лугъ, гдѣ ходяшъ коровы, и болѣе ничего!

Лондонъ, Іюля.... 1790.

Съ помощію моихъ любезныхъ земляковъ нашелъ я въ Оксфордской улицѣ, близъ Cavendish Square, прекрасныя прикомнатныя полгинею въ недѣлю; онѣ составляютъ весь второй этажъ дома, въ которомъ живутъ двѣ сестры хозяйки, служанка Дженни, вашъ другъ — и болѣе никого. „Одинъ мущина съ премою женщинами! „какъ спрашно или весело!“ Ни мало. Хозяйки мои украшены моральными добродѣтелями и сѣдыми волосами; а служанка успѣла уже разсказать мнѣ пайную испорію своего сердца: Нѣмецъ ремесленникъ плѣнился ею, и скоро будетъ щасливымъ ея супругомъ.

Въ 8 часовъ утра приносишь она мнѣ чай съ сухарями, и разговариваетъ со мною о Фильдинговыхъ и Ричардсоновыхъ романахъ. Вкусъ у нее спранный: на примѣръ, Ловеласъ кажется ей несравненно любезнѣе Грандиссона. Обожая Клеменшину, Дженни смѣется надъ дѣвицею Байронъ, а Клариссу называетъ умною дуροю. Таковы Лондонскія служанки!

Въ каждомъ городѣ самая примѣчательнѣйшая вещь есть для меня . . . самый городъ. Я уже исходилъ Лондонъ вдоль и поперекъ. Онъ ужасно длиненъ, но въ иныхъ мѣстахъ очень узокъ; въ окружности же составляетъ верстъ пятьдесятъ. Распространяясь безпрестанно, онъ скоро поглотилъ всѣ окрестныя деревни, которыя исчезнутъ въ немъ какъ рѣки въ Океанъ. *Вестминстеръ* и *Сити* составляютъ двѣ главныя части его: въ первомъ живутъ по большой ча-

спи свободные и доспапочные люди, а въ послѣднемъ купцы, работники, мапрозы: шупъ рѣка съ великолѣпными своими моспами, шупъ Биржа; улицы тѣснѣе, и вездѣ множество народу. Тупъ не видите уже той пріятной чистоты, которая на каждомъ шагу плѣняетъ глаза въ Веспминстеръ. Темза, величественная и прекрасная, совсѣмъ не служишь къ украшенію города, не имѣя хорошей набережной (какъ на примѣръ Невы въ Петербургѣ, или Рона въ Лионѣ), и будучи съ обѣихъ сторонъ застроена скверными домами, гдѣ укрываются самые бѣдные жители Лондона. Только въ одномъ мѣстѣ сдѣлана на берегу шерраса (называемая *Адельфи*), и къ несчастію въ такомъ, гдѣ совсѣмъ не видно рѣки подъ множествомъ лодокъ, нагруженныхъ земляными угольями. Но и въ этой неопрятной части города находите вездѣ

богатыя лавки и магазины, наполненные всякаго рода шоварами, Индѣйскими и Американскими сокровищами, которыхъ запасено пудовъ на нѣсколько лѣтъ для всей Европы. Такая роскошь не возмущаетъ, а радуетъ сердце, представляя вамъ разительный образъ человѣческой смѣлости, моральнаго сближенія народовъ и общественнаго просвѣщенія! Пусть гордый богачъ, окруженный произведеніями всѣхъ земель, думаетъ, что услажденіе его чувствъ есть главный предметъ торговли! Она, пишая безчисленное множество людей, питаетъ дѣятельность въ мірѣ, переноситъ изъ одной части его въ другую полезныя изобрѣшенія ума человѣческаго, новыя идеи, новыя средства упѣшаться жизнью.—

Нѣтъ города столь пріятнаго для пѣшеходцевъ, какъ Лондонъ: вездѣ подлѣ домовъ сдѣланы для нихъ широкіе *тротуары*, которые

по-Руски можно назваць *на моста-*
ми; ихъ всякое упрѣ моютъ слу-
жанки (каждая передъ своимъ до-
момъ), такъ что и въ грязь и въ
пыль у васъ ноги чисты. Одно
только не нравится мнѣ въ этомъ
на мостѣ; а именно то, что безпре-
спанно видишь у ногъ отверзтія,
которыя ночью закрываются, а
днемъ не всегда; и естли вы хо-
пя мало задумаетесь, то можете
попасъ въ нихъ какъ въ западню.
Всякое отверзтіе служитъ окномъ
для кухни, или для какой нибудь
Таверны; или шупъ ссыпаютъ
земляные уголья; или шупъ ма-
ленькая лѣспница для схода внизъ.
Надобно знатъ, что всѣ Лондон-
скіе дома спросты сѣ подземель-
ною частію, въ которой бываетъ
обыкновенно кухня, погребъ и еще
какія нибудь, очень несвѣтлыя
горницы для слугъ, служанокъ,
бѣдныхъ людей. Въ Парижѣ нище-
та взбирается подъ облака, на

чердакъ ; а здѣсь опускается въ землю. Можно сказать , что въ Парижѣ носятъ бѣдныхъ на головахъ , а здѣсь топчутъ ногами.

Домы Лондонскіе всѣ малы, узки, кирпичные, не бѣленые (для того, чтобы вѣчная копоть отъ угольевъ была на нихъ менѣе примѣтна), и представляющъ скучное, печальное единообразіе ; но внутренность мила : все просто, чисто и похоже на сельское. Крыльцо и комнаты устланы прекрасными коврами; вездѣ свѣтлое красное дерево; нигдѣ не увидишь пылинки; нѣтъ большихъ залъ, но все уютно и покойно. Всѣхъ входящихъ къ хозяину или къ хозяйкѣ вводятъ въ горницу нижняго этажа, которая называется parlour; одни родные или друзья могутъ войти во внутреннія комнаты.—Воротъ здѣсь нѣтъ : изъ домовъ на улицу дѣлаются большія двери, которыя всегда быва-

юпѣ запершы. Кто придетѣ, долженѣ спучашся мѣдною скобою въ мѣдной замокъ: слуга одинѣ разѣ, госпѣ два, хозяинѣ при разѣ. Для каретѣ и лошадей естѣ особливые конюшенные дворы; при домахѣ же бываютьѣ самые маленькіе дворики, успланые дерномѣ; иногда и садикѣ, но рѣдко, попому чшо мѣста въ городѣ чрезмѣрно дороги. Ихѣ по большой часпи отдаютьѣ здѣсь на выспройку: возьми мѣсто, поспрой домѣ, живи въ немѣ 15 или 20 лѣтѣ, и послѣ отдай все пому, чья земля.

Чшо, естѣли бы Лондонѣ при такихѣ широкихѣ улицахѣ, при такомѣ множествѣ красивыхѣ лавокѣ, былѣ выспроенѣ какѣ Парижѣ? Воображеніе не могло бы представитѣ ничего великолѣпнѣе.—

Не скоро привыкнешѣ къ здѣшнему образу жизни, къ здѣшнимѣ позднимѣ обѣдамѣ, копорые

можно почти назвасть ужинами. Вообразите, что за сполъ сядяшся въ 7 часовъ! Хорошо тому, кто спитъ до одиннадцати; но каково мнѣ, привыкшему вспавасть въ восемь? Ерожу по улицамъ, люблюсь, какъ на вѣчной ярмонкѣ, разложенными въ лавкахъ товарами; смопрю на смѣшныя каррикашуры, выспавляемыя на дверяхъ *эстампныхъ кабинетовъ*, и дивлюсь охотѣ Англичанъ. Какъ Французъ на всякой случай напишетъ пѣсенку, такъ Англичанинъ на все выдумаетъ каррикашуру. На примѣръ, теперь Лондонскій Кабинетъ ссоришся съ Мадридскимъ за Нупка - Соундъ. Чшождъ представляетъ каррикашура? Министры обоихъ Дворовъ стоятъ по горло въ водѣ и дерутся въ кулачки; у Гишпанскаго кровь бьетъ уже фонпаномъ изъ носу. — Захожу завтракать въ пирожныя лавки, гдѣ прекрасная вещьчина,

свѣжее масло, славные пироги и конфекты; гдѣ все такъ чисто, такъ прибрано, что любо взглянуть. Правда, что такіе завтраки не дешевы, и меньше двухъ рублей не заплатишь, есѣли аппетитъ хорошъ. Обѣдаю иногда въ кофейныхъ домахъ, гдѣ за кусокъ говядины, пудинга и сыру берутъ также рубли два. За то велика учтивость: слуга отворяетъ вамъ дверь, и миловидная хозяйка спрашиваетъ ласково, что прикажете? — Но всего чаще обѣдаю у нашего Посла, Г. С. Р. В. человѣка умнаго, достойнаго, ласковаго, копто-рой живетъ совершенно по-Англійски, любитъ Англичанъ и любимъ ими. Всегда нахожу у него чело-вѣкъ пять или шесть, по большой части иностранныхъ Министровъ. Обхожденіе Графа пріятно и ласково безъ всякой излишней корост-коспи. Онъ истинной патриотъ, знаетъ хорошо Рускую Исторію,

Литпературу, и читалъ мнѣ наизустъ лучшія мѣста изъ Одъ Ломоносова. Такой Посолъ не уронилъ своего Двора; за то Пипль и Гренвиль очень уважаютъ его. Я замѣтилъ, что здѣшнія Министерскія конференціи бывають безъ всякихъ чиновъ. Въ назначенный часъ Министръ къ Министру идетъ пѣшкомъ, въ фракъ. Хозяинъ, какъ сказываютъ, принимаетъ въ серпукъ; подають чай—высылають слугу—и, сидя на диванѣ, рѣшаютъ важное политическое дѣло. Здѣсь нуженъ умъ, а не пышность. Нашъ Графъ носитъ всегда синій фракъ и маленькой кошелькъ, которой опличаетъ его отъ всѣхъ Лондонскихъ жителей: потому что здѣсь никто кошельковъ не носитъ. На лѣто нанимаетъ онъ прекрасной сельской домъ въ Ричмондѣ (верстахъ въ 10 отъ Лондона), гдѣ я также у него былъ и ночевалъ.

Вчєрашній дєнь пригласилъ мє-
 ня обѣдашь богатою Англичанинѣ
 Бакспєрѣ, Консулѣ, въ загородной
 домѣ свой, близѣ Гайдѣ-Парка. Въ
 ожиданіи шести часовъ я гулялъ
 въ Паркѣ, и видѣлъ множество
 Англичанокъ верхомъ. Какъ онѣ
 скачутъ! Пріятно смотрѣть на
 ихъ смѣлость и ловкость; за каж-
 дою берейперѣ. Дєнь былъ хо-
 рошъ; но вдругъ пошелъ дождь.
 Всѣ мои Амазонки спѣшились, и
 подѣ тѣнію древнихъ дубовъ иска-
 ли убѣжища. Я осмѣлился съ од-
 ною изъ нихъ заговорить по-Фран-
 цузски. Она осмотрѣла мєня съ
 головы до ногъ; сказала два раза
oui, два раза *non*—и болѣе ничего.
 Всѣ хорошо-воспитанные Англи-
 чане знаютъ Французской языкъ,
 но не хотятъ говорить имъ, и я те-
 перь крайне жалѣю, что такъ ху-
 до знаю Англійской. Какая розни-
 ца съ нами! У насъ всякой, кто
 умѣетъ только сказать: *comment*
V.

vous portez-vous? безъ всякой нужды коверкаетъ Французской языкъ, чптобы съ Рускимъ не говоришь по-Руски; а въ нашемъ такъ называемомъ *хорошемъ обществѣ* безъ Французскаго языка будешь глухъ и нѣмъ. Не стыдно ли? Какъ не имѣть народнаго самолюбія? За чѣмъ быть попугаями и обезьянами вмѣстѣ? Нашъ языкъ и для разговоровъ право не хуже другихъ; надобно только, чптобы наши умные свѣпскіе люди, особливо же красавицы, поискали въ немъ выраженій для своихъ мыслей. Всего же смѣшнѣе для меня наши *остроумцы*, копорые хотяшъ быть Французскими Авпорами. Бѣдные! они щаспливы тѣмъ, чпто Французъ скажетъ объ нихъ: pour un étranger, Monsieur n'écrit pas mal!

Извините, друзья мои, чпто я такъ разгорячился, и забылъ, чпто меня Баксперъ ждетъ къ обѣду—совершенно Англійскому, кромѣ

Французскаго супа. Ростбифъ, *потаты* (*), пудинги, и рюмка за рюмкой Кларету, Мадеры! Мущины пьютъ, женщины говорятъ между собою по шихоньку, и скоро оставляютъ насъ однихъ; снимаютъ скатерть, кладутъ на столъ какія-то пестрыя салфетки, и ставятъ множество бушелокъ; снова пить — *тосты*, здоровья! Всякой предлагаетъ свое; я сказалъ: *вѣтлой миръ и цвѣтущая торговля!* Англичане мои сильно хлопнули рукою по столу, и выпили до дна. Въ 9 часовъ мы встали, всѣ розовые; пошли къ Дамамъ пить чай, и наконецъ всякой отправился домой. Это, говоря, весело! По крайней мѣрѣ не мнѣ. Не для того ли пьютъ Англичане, что у нихъ вино дорого? они любятъ хвастаться своимъ богатствомъ. Или холодная кровь ихъ имѣетъ нужду въ разгоряченіи?

(*) Земляныя яблоки.

Лондонъ, Іюля... 1790.

Нынѣшній день провелъ я какъ Говардъ — осматривалъ темницы — хвалилъ попечительность Англійскаго Правленія, сожалѣлъ о людяхъ, и гнушался людьми.

Лучше, есѣли бы совсѣмъ не было нужды въ пюрмахъ; но когда бѣдной человѣкъ все еще проказитъ и безумствуетъ, то Англіискія должно называть благодѣяніемъ человѣчества, и Французская пословица: *il n'y a point de belles prisons* (*), здѣсь опчаспи несправедлива.

Я хотѣлъ видѣть прежде Лондонское судилище, Justice-Hall, гдѣ каждыя 6 недѣль собираются такъ называемые *присяжные*, Jury, и судьи для рѣшенія уголовныхъ дѣлъ. Здѣсь, друзья мои, отдайте пальму Англійскимъ законода-

(*) То есть: „нѣтъ на свѣтѣ хорошихъ темницъ.“

лямъ, которые умѣли жестокое правосудіе смягчить человеколюбіемъ, не забыли ничего для спасенія невинности и не боялись излишнихъ предосторожностей. Расскажу вамъ порядокъ слѣдствій.

Такъ называемый *мирный судья* есть въ Англіи первый разбира-тель всѣхъ доносовъ; онъ призываетъ къ себѣ обвиняемаго, даетъ очную спавку, и возвращаетъ ему свободу, если доносъ оказыва-ется неосновательнымъ; въ про-шивномъ же случаѣ обязываетъ его явиться въ судъ, или, когда преступленіе важно, опсылаетъ въ темницу. Потомъ другой судья, именуемый Шерифомъ, избираетъ отъ 12 до 24 присяжныхъ (всякаго состоянія людей, извѣстныхъ по своему доброму поведенію), ко-торые снова должны разсмотрѣть обстоятельство доноса; и если 12 изъ нихъ не признаютъ доказа-

тельствѣ вѣроятными, по обвиняемый выпускается; а если признающѣ, то начинается формальное дѣло — такимъ образомъ:

Въ день рѣшительнаго засѣданія преступникъ является въ судѣ, выслушиваетъ на себя доносѣ, и на вопросѣ: „какѣ хочешѣ быть судимѣ?“ отвѣчаетъ: „по совѣссти и закону моего опечесства.“ Шерифъ избираетъ тогда другихъ присяжныхъ, ровно 12, и судимый имѣетъ право уничтожить ихъ выборѣ, доказывая, что они по чему нибудь могутъ быть пристрастны; и даже безъ всякихъ причинъ можетъ отвергнуть по закону 20 человекѣ. Когда же присяжные выбраны, тогда, даѣ клятву быть вѣрными совѣссти, садятся на свои кресла, и вмѣстѣ съ судьями выслушиваютъ дѣло, въ присутствіи многочисленныхъ зрителей. Донощикъ обвиняетъ, судимый оправдывается, самъ или

черезъ своего адвоката; представ-
 ляютьъ свидѣтелей — и наконецъ,
 по разобраніи всѣхъ обсто-
 ятельствъ, одинъ изъ судей снова
 предлагаетъ ихъ въ ясномъ сокра-
 щеніи. Присяжные идутъ въ дру-
 гую комнату, запираются и су-
 дятъ единственно по гласу совѣ-
 сти; законъ не велитъ имъ ни
 пить ни ѣсть, пока они на что
 нибудь единодушно не соглася-
 ся. Вышедши оппуда, говорятъ
 только одно слово: *виноватъ* или
невиноватъ, и дѣло рѣшено безъ вся-
 кой аппелляціи. Если скажутъ:
виноватъ, то судьи прибираютъ
 только законъ на вину, держась
 его почнаго смысла, и не входя
 ни въ какія произвольныя изъясне-
 нія, такъ что въ Англіи не будетъ
 наказано и самое важное преспу-
 пленіе, если законъ именно не
 опредѣляетъ его. Слѣдственно
 здѣсь нѣтъ человека, отъ котора-
 го зависѣла бы жизнь другого! Не

только осудить, но даже и судить не лзя никого безъ согласія 12 знаменитыхъ гражданъ. За то Англичане и хвалятся своими уголовными законами болѣе, нежели чѣмъ нибудь, называя установленіе присяжныхъ священнымъ и божественнымъ. Рассказываютъ много удивительныхъ случаевъ, въ копорыхъ темное чувство истины спасало невинныхъ вопреки всѣмъ вѣроятностямъ. На примѣръ: недавно одинъ ремесленникъ былъ судимъ въ убійствѣ; разные улики обвиняли его; 11 присяжныхъ согласились произнести рѣшительное слово: *виноватъ!* двѣнадцатой не хотѣлъ. Товарищи требовали опъ него причинъ. „Не знаю, опвѣчалъ онъ: но видѣ этова человека говоритъ моему сердцу въ его пользу; и я скорѣе умру съ голода, нежели обвиню.“ Прошелъ цѣлой день въ спорѣ; и наконецъ присяжные, изнуренные успало-

стію, рѣшились оправдать судимаго. Черезъ нѣсколько дней нашелся другой убійца: ремесленникъ былъ невиненъ.

Изъ городского судилища сдѣланъ подземельной ходъ въ Невгапъ, ту славную пемницу, копорою имя прежде всего узналъ я изъ Англійскихъ романовъ. Зданіе большое и красивое снаружи. На дворѣ со всѣхъ сторонъ окружили насъ заключенные, по большей части важные преступники, и требовали подаянія. Зная опытомъ, что и на Лондонскихъ улицахъ безпрестанно должно смотрѣть на часы и держа въ рукѣ кошелекъ, я тотчасъ схватился за свои карманы среди изобличенныхъ воровъ и разбойниковъ; но тюремщикъ, понявъ мое движеніе, сказалъ съ видомъ негодованія: „государь мой! разсыпьте вокругъ себя гинеи; ихъ здѣсь не пронупъ: таковъ заведенной мною порядокъ.“ — Для

чего же не сдѣлаютъ васъ Лондонскимъ Полицеймейстеромъ? спросилъ я; и въ доказательство, что вѣрю ему, спряхалъ обѣ руки въ жилетъ, бросивъ колодникамъ нѣсколько шилинговъ. — Мы переходили изъ коридора въ коридоръ: вездѣ чистота, вездѣ свѣжій воздухъ, заражаемый только ядовитымъ дыханіемъ преступниковъ. Тюремщикъ, вводя насъ въ разныя комнапы, говорилъ: „здѣсь сидитъ *господинъ* убійца, здѣсь *господинъ* воръ, здѣсь *госпожа* „фальшивая монепница!“ Не можете вообразить, какія гнусныя лица представлялись глазамъ моимъ! Порокъ и злодѣйство спрашно безобразятъ людей! Признаюсь, что я сжавъ сердце ходилъ за надзирашелемъ, и нѣсколько разъ спрашивалъ: *все ли?* Но онъ хвастался передъ нами обширностію своего владѣнія и множествомъ ему подвластныхъ. Въ од-

ной комнаѣ заключенъ молодой человекъ. Дверь отворилась: онъ сидѣлъ на стулѣ и писалъ; приподнялъ голову, и съ ласковымъ видомъ намъ поклонился. Пріятное и помное лице его казалось чуждымъ злодѣянію. Тѣмъ болѣе я содрогнулся, когда тюремщикъ сказалъ намъ, что онъ хотѣлъ умертвить госпожу свою и—любовницу. Она не считала за преступленіе измѣнить молодому камердинеру своему; а камердинеръ, въ минушу изскупленія, выхватилъ кинжалъ, и ранилъ ее въ руку. Желая знать рѣшеніе присяжныхъ.

Въ Невгаѣ заключаются не только преступники, но и бѣдные должники: они раздѣлены съ первыми одною стѣною. Такое сосѣдство ужасно! И доброй человекъ можетъ разориться: каково же дышать однимъ воздухомъ съ злодѣями, и видѣть передъ своими

окнами казнѣ ихъ (*)? Съ нѣкотораго времени Правительство посылаетъ осужденныхъ въ Бопани-Бейскую колонію, отъ чего Невгапѣ называють ея преддверіемъ; но не чудно ли вамъ покажется, что нѣкоторые лучше хотятъ быть съ *тестію* *повѣшены* въ Англіи, нежели плыть такъ далеко? „Мы любимъ свое опечесство (говорятъ они) и не терпимъ дурнаго общества.“

Я читалъ въ Архенгольцѣ описаніе Кингс-Бенча (**), или пещеры для неплатящихъ должниковъ,—описаніе, которое можетъ прельстить воображеніе чипапелей. Онѣ говорятъ о пріятномъ

(*) Злодѣевъ казнятъ передъ самымъ Невгапомъ.

(**) Выгода сидѣть въ Кингс-Бенчѣ, а не въ другой пюрмѣ, покупается деньгами; кто не можетъ ничего дать, того отправляютъ въ Невгапѣ.

мѣстоположеніи, о садахъ, о залахъ вѣликолѣпно украшенныхъ, о балахъ, концертахъ и весельяхъ всякаго роду. Однимъ словомъ, сей извѣстной Англomanъ описываетъ пюрьюму едва ли не такими живыми красками, какими Тассъ изобразилъ волшебное жилище Армиды. Сказать вамъ правду, я не нашелъ сходства въ оригиналѣ Кингс-Бенча съ портретомъ живописца Архенгольца. Вообразите большое мѣсто, обнесенное высокою стѣною; нѣсколько маленькихъ домиковъ, бѣдно прибранныхъ; множество людей неопрятно одѣтыхъ, изъ копорыхъ одни ходятъ въ задумчивости по маленькой площади, другіе играютъ въ карты или, читая газеты, зѣваютъ: вотъ Кинго-Бенчъ! Я не видалъ ничего похожаго на садъ; но по правда, что есть лавки, въ копорыхъ покупаютъ и продаютъ заключенные; есть и кофейные дома, копорыхъ

содержашели сами за долги содержашся въ Кингс - Бенчѣ — это довольно странно! Портные, сапожники, и самыя Нимфы Венерины, тамъ сидящія, опирающіе свое ремесло. Но между ими нѣтъ ни одной замужней женщины. По Англійскимъ законамъ въ разсужденіи долговъ всегда мужъ за жену отвѣчаетъ; она даетъ на себя обязательство, а онъ бѣднякъ или плашитъ, или идетъ въ пюрму. Последнее спасеніе для дѣвицы или вдовы, которая не можетъ удовольствоваться своихъ займодавцевъ, есть въ Англіи замужство

Послѣ Кингс-Бенча хотѣлъ я видѣть заключенныхъ другаго рода — пришелъ къ огромному замку, къ большимъ воротамъ — и глаза мои, при входѣ, остановились на двухъ спашуяхъ, которыя весьма живо представляющіе *безуміе пегальное и свирѣпое...* „Это Бедламъ!“ скажете вы, и не оши-

бешесь. Надлежало сыскашь надзирашеля, копорой изъ учтивости самъ пошелъ съ нами. Предлинныя галлерей раздѣлены желѣзною решепкою: на одной споронѣ женщины, на другой мущины. Въ коридорѣ окружили насъ первыя, разсмаптривали съ великимъ вниманіемъ, начинали говоришь между собою сперва тихо, потомъ громче и громче, и наконецъ такъ закричали, что надобно было зажасть уши. Одна брала меня за руку, другая за пучокъ, прешья хопѣла сдуть пудру съ головы моей — и не было конца ихъ ласкамъ. Между тѣмъ нѣкопорыя сидѣли въ глубокой задумчивости. „Это сумасшедшія отъ любви, „сказалъ надзирашель: онѣ всегда „смирны и молчаливы.“ И такъ нѣжнѣйшая спрасъ человѣческаго сердца и въ самомъ безуміи занимается еще *всю душу!* сонъ для *внѣшнихъ предметовъ* все еще про-

должается! . . . Я подошелъ къ одной молодой блѣдной женщинѣ, и смотрѣлъ на нее. Намъ рассказали ея исторію. Она Француженка, ушла отъ своихъ родителей съ любовникомъ, молодымъ Англичаниномъ, пріѣхала въ Лондонъ, и скоро лишилась своего друга: онъ умеръ горячкою. Разумъ ея, послѣ жестокой болѣзни, повредился. Я начиналъ говорить съ нею; она кланялась и не отвѣчала ни слова. Другая женщина, лѣтъ въ 40, сидѣла на полу и смотрѣла въ землю: несчастная думаетъ, что она приговорена къ смерти и будетъ сожжена на кострѣ; ничто не можетъ ее разувѣрить — и когда день пройдетъ, она говоритъ: „завтра, завтра сожгутъ меня!“ Какое ужасное состояніе! — Многие изъ мужчинъ заспавили насъ смѣясь. Иной воображаетъ себя пушкою, и безпрестанно палитъ ртомъ своимъ; другой реветъ мед-

вѣдемъ и ходимъ на чешверень-
кахъ. Бѣшеные сидящъ особливо ;
иные прикованы къ стѣнѣ. Одинъ
изъ нихъ безпрестанно смѣется,
и зоветъ къ себѣ людей, говоря :
„я щаспливъ ! подите ко мнѣ ; я
вдохну въ васъ блаженство!“ Но
кто подойдетъ, того укуситъ.—
Порядокъ въ домѣ, чистота, услу-
га и присмотръ за несчастными
достойны удивленія. Между ком-
натами сдѣланы бани, теплыя и
холодныя, которыми Медики ле-
чатъ ихъ. Многие выздоравлива-
ютъ ; и при выпускѣ каждый по-
лучаетъ безденежно нужныя ле-
карства для укрѣпленія души и
тѣла.—Надзирашеля провелъ насъ
въ садъ, гдѣ гуляли самые смир-
ные изъ безумныхъ. Одинъ читалъ
газеты : я заглянулъ въ нихъ и
сказалъ: „это спарыя.“ Безумный
улыбнулся очень умно, припод-
нялъ свою шляпу и вѣжливымъ
пономѣ отвѣчалъ мнѣ: „государь

„мой! мы живемъ въ другомъ свѣ-
 „тѣ; что у васъ старо, то у насъ
 „еще ново!“

Въ Бедламѣ кончилъ жизнь свою
 Англійской Трагикъ Ли. Можесть
 быть вы не знаете объ немъ слѣ-
 дующаго забавнаго анекдота.
 Одинъ пріятель посѣтилъ его въ
 домъ сумасшедшихъ. Ли чрезвычайно
 ему обрадовался, говорилъ
 очень умно и привелъ его на вы-
 сокую террасу; задумался, и ска-
 залъ: „Мой другъ! хочешь ли быть
 „вмѣстѣ со мною безсмертнымъ?
 „Бросимся съ этой террасы: тамъ
 „внизу, на острыхъ камняхъ, ожи-
 „даетъ насъ славная смерть!“ —
 Пріятель увидѣлъ опасность, но
 оповѣчалъ ему равнодушно: „ниче-
 „го не мудрено броситься сверху;
 „гораздо славнѣе сойти внизъ, и
 „опшуда вспрыгнуть на терра-
 „су.“ — Правда, правда! закричалъ
 стихопворецъ и побѣждалъ съ лѣ-

сницы ; а пріятель между тѣмъ убрался домой. —

Бедламу обязанъ я нѣкоторыми мыслями, и предлагаю ихъ на ваше разсмотрѣніе. Не правда ли, друзья мои, что въ наше время гораздо болѣе сумасшедшихъ, нежели когда нибудь? опъ чего же? опъ сильнѣйшаго дѣйствія страстей, какъ мнѣ кажется. Не говорю о физическихъ причинахъ безумія, дѣйствующихъ гораздо рѣже моральныхъ. На примѣръ: когда бывало сколько самоубійствъ опъ любви, какъ нынѣ? Мущина стрѣляется, а нѣжная, кропкая женщина сходитъ съ ума. Древніе не знали романовъ; рыцари среднихъ вѣковъ были честны въ любви, но шумная и воинственная жизнь ихъ не давала ей чрезмѣрно усилився въ сердцѣ. Напротивъ того въ нашемъ образѣ жизни, покойной, роскошной, упонченной — въ свѣтѣ, гдѣ желаніе

нравиться есть первое и послѣднее чувство молодых и старых; на театрѣ, копорой можно назвать *театромъ любви*; въ книгахъ, усѣянныхъ, такъ сказать, ея цвѣтами—все, все наполняетъ душу горючимъ веществомъ для огня любовнаго. Дѣвушка двѣнадцати лѣтъ, побывавъ нѣсколько разъ въ спектаклѣ, начинаетъ уже задумываться; женщина въ 45 лѣтъ все еще помнится нѣжностію; та и другая любятъ *воображеніемъ*; одна угадываетъ, другая воспоминаетъ; — но я право не удивлюсь теперь, если покажутъ мнѣ десяти- или шестидесятилѣтнюю Сафу! Мущины тоже; и пусть скажутъ намъ, въ какое другое время бывало столько молодых и старыхъ Селадоновъ и Альцибиадовъ, сколько ихъ видимъ нынѣ?— Возьмемъ въ примѣръ и славобіе: утверждаю, что оно въ нынѣшній вѣкъ еще сильнѣе дѣйствуетъ,

нежели прежде. Я люблю вѣришь всѣмъ великимъ дѣламъ древнихъ Героевъ; положимъ, что Кодры и Деціи давали убивать себя, и что Курціи бросались въ пропасть: но фанатизмъ религіи конечно болѣе славолубія участвовалъ въ ихъ героизмѣ (*). Тогда же войны были *народныя*; всякой дрался за *свои* Аѳины, за *свой* Римъ. Нынѣ совсѣмъ другое; нынѣ Французъ или Гишпанецъ служилъ волонтеромъ въ Руской арміи единственно изъ чести, дерется храбро и умираетъ: вотъ славолубіе!

Душа, слишкомъ чувствительная къ удовольствіямъ спраспей, чувствуетъ сильно и непріятности ихъ; рай и адъ для нее въ сосѣдствѣ; за воспоргомъ слѣдуетъ или опчаяніе или меланхолія, которыя споль часто опво-

(*) О рыцарствѣ среднихъ вѣковъ можно сказать тоже.

ряютъ дверь. . . . въ домъ сумасшедшихъ.

Лондонъ, Іюля. . . , 1790.

Здѣсь терпимъ всякой образъ вѣры; и естли въ Европѣ хоша одна Христіянская Секта, копто-рой бы въ Англіи не было? Пури-тане или Кальвинисты, Методи-сты или набожные, Пресвитеріане, Соціане, Унипане, Квакеры, Герри-гупоры; однимъ словомъ, чего хочешь, того просишь. Всѣ же тѣ, копорые не принадлежатъ къ главной или Епископской церкви, называются Диссенперами. Мнѣ хочется видѣть служеніе каждой Секты — и нынѣшній день нача-лось мое пилигримство съ Кваке-ровъ. Въ 12 часовъ я пришелъ къ нимъ въ церковь: голыя стѣны, лавки и каѣдра. Всѣ одѣты про-сто; женщины не только безъ ру-мянъ и пудры, но даже и ленпо-

чки ни на одной не увидите; му-
 щины въ темныхъ кафтанахъ безъ
 пуговицъ и складокъ. Всякой вой-
 депъ съ постнымъ лицомъ, ни
 на кого не взглянетъ, никому не
 поклонится, сядепъ на мѣсто и
 углубится въ размышленіе. Вы
 знаете, что у нихъ нѣтъ ни свя-
 щенниковъ, ни учителей, и въ
 церкви проповѣдуютъ единствено-
 стъ, которые вдругъ по чувствуютъ
 въ себѣ дѣйствіе Св. Духа. То-
 гда вдохновенный спремится на
 кафедру, говоритъ отъ полноты
 сердца, а другіе слушаютъ съ бла-
 говѣніемъ. Я крайне любопы-
 ствовалъ видѣть такое явленіе, и
 смотрѣлъ на всѣ лица, чтобы схва-
 пить, такъ сказать, первыя чер-
 ты вдохновенія. Проходитъ часъ,
 другой: царствуетъ глубокое мол-
 чаніе, которое изрѣдка переры-
 вается... кашлемъ. Всѣ физіогно-
 міи покойны; никто не кривляется;
 многіе засыпаютъ — и другъ

вашъ съ ними. Просыпаюсь —
 смопрю на часы: при—а все еще
 никпо не говоритъ. Дожидаюсь,
 снова зѣваю, снова засыпаю — на-
 конецъ вижу пять часовъ, лиша-
 юсь терпѣнія; и ухожу ни съ
 чѣмъ!—Господа Квакеры! впередъ
 вы меня не заманише!

Биржа и Королевское Общество.

Англичанинъ царствуетъ въ Пар-
 ламентѣ и на Биржѣ: въ первомъ
 даетъ онъ законы самому себѣ,
 а на второй цѣлому торговому
 міру.

Лондонская Биржа есть огром-
 ное, чешвероугольное зданіе, съ
 высокою башнею (на которой, вмѣ-
 сто флюгера, видите изображеніе
 сверчка (*)) съ колоннадами, пор-

(*) Сверчокъ былъ гербомъ Архитек-
 тора Биржи.

шиками и съ величественными арками надъ входомъ. Вошедши во внутренность, прежде всего встрѣчаете глазами спату Карла II, на высокомъ мраморномъ подножіи, и читаете въ надписи самую грубую лѣсть и ложь: *отцу отечества, лучшему изъ Королей, утѣхѣ рода человѣческаго*, и пр. Кругомъ вездѣ Амуры, не безъ смысла шутъ поставленные: извѣстно, что Карлъ II любилъ любить. Споя на этомъ мѣстѣ куда ни взглянете, видите галерею, гдѣ, подъ аркадами, собираются купцы, всякой день въ 11 часовъ, и ходя взадъ и впередъ, дѣлаютъ свои дѣла до прѣхъ. Тутъ человѣкъ человѣку даромъ не скажетъ слова, даромъ не пожметъ руки. Когда говорятъ, то идетъ шортъ; когда схватятся руками, то дѣло рѣшено, и кораблю плыть въ Новый Йоркъ или за Мысъ Доброй Надежды. Людей множество, но тихо; кругомъ жужжатъ, а не

слышно громкаго слова. На стѣнахъ прибиты извѣстія о корабляхъ - пришедшихъ или отходящихъ; можете плыть, куда только вздумаете: въ Малабаръ, въ Китай, въ Нупка-Соундъ, въ Архангельскъ. Капитанъ всегда на биржѣ; уговоритесь — и Богъ съ вами! — Тутъ славной Лойдовъ кофейной домъ, гдѣ собираются Лондонскіе спраховщики, и куда стекаются новости изъ всѣхъ земель и частей свѣта; тутъ лежишь большая книга, въ которую онъ вписываются для любопытныхъ, и которая служишь магазиномъ для здѣшнихъ журналистовъ. — Подлѣ Биржи множество кофейныхъ домовъ, гдѣ купцы запракають и пишуть. Господинъ С* ввелъ меня въ одинъ изъ нихъ — представьте же себѣ мое удивленіе: всѣ люди заговорили со мною по-Руски! Мнѣ казалось, что я движеніемъ какого нибудь вол-

шебнаго прутика перенесенъ въ мое опечеспво. Открылось, что въ этомъ домѣ собираются купцы, торгующіе съ Россією; всѣ они живали въ Петербургѣ, знаютъ языкъ нашъ, и по своему приласкали меня.

Нынѣшній же день былъ я въ Королевскомъ Обществѣ. Г. Пар**, Членъ его, ввелъ меня въ это славное ученое собраніе. Съ нами пришелъ еще молодой Шведской Баронъ Сил**, человекъ умной и пріятной. Входя въ залу собранія, онъ взялъ меня за руку и сказалъ съ улыбкою: „здѣсь мы друзья, „государь мой (*); храмъ Наукъ „есть храмъ мира.“ Я засмѣялся, и мы обнялись по-братски; а Г. Пар** закричалъ: „браво! браво!“ Между тѣмъ Англичане, которые никогда не обнимаются, смотрѣ-

(*) Тогда была у насъ война со Швеціею.

ли на насъ съ удивленіемъ : имъ странно казалось , что два человека пришли въ ученое собраніе цѣловаться! . . . Профаны ! вы не разумѣли нашей Миспики ; вы не знали , что мы подали хорошій примѣръ двумъ воюющимъ державамъ , и что по тайной симпатіи дѣйствій онъ скоро ему послѣдуютъ!

Въ большой залъ увидѣли мы большой столъ , покрытый книгами и бумагами ; за столомъ , на бархатныхъ креслахъ , сидѣлъ Президентъ , Г. Банксъ , въ шляпѣ ; передъ нимъ лежалъ золотой скипетръ , въ знакъ того , что просвѣщенный умъ есть царь земли. Секретари чинали переписку , по большей части съ Французскими Учеными. Г. Банксъ всякой разъ снималъ шляпу и говорилъ : „изъявимъ такому-то Господину благодарность нашу за его подарокъ!“ — Онъ сказывалъ свое мнѣніе о

книгахъ , но съ великою скромно-
спію.—Чишали еще другія бума-
ги, изъ которыхъ я не разумѣлъ
половины. Черезъ два часа собра-
ніе кончилось , и Г. Пар.* * под-
велъ меня къ Президенту , копо-
рой дурно произносишь , но хоро-
шо говоришь по-Французски. Онъ
человѣкъ шихой , и для Англича-
нина довольно привѣтливой.

Лондонъ , Іюля . . . 1790.

Хотя Лондонъ не имѣетъ столь-
ко примѣчанія достойныхъ вещей,
какъ Парижъ, однакожъ есть что
видѣть , и всякой день употре-
блю нѣсколько часовъ на осмап-
риваніе зданій , общественныхъ
заведеній , Кабинетовъ ; на при-
мѣръ , нынѣшній день видѣлъ у
Г. Толе (Towley) рѣдкое собра-
ніе аншиковъ, Египетскія статуи,
древніе барельефы , между копо-

рыми живеть хозяинъ какъ скупецъ между сундуками.

Англія, богатая Философами и всякаго роду Авпорами, но бѣдная художниками, произвела наконецъ нѣсколько хорошихъ живописцевъ, копорыхъ лучшія историческія карпины собраны въ такъ называемой *Шекспировой галлерей*. Г. Бойдель вздумалъ, а художники и Публика оказали всю возможную патриотическую ревность для произведенія въ дѣйство щасливой идеи, изобразить лучшія сцены изъ Драмъ безсмертнаго Поэта, какъ для славы его, такъ и для славы Англійскаго Искусства. Охотники сыпали деньгами для ободренія талантовъ, и болѣе двадцати живописцевъ неутомимо трудятся надъ обогащеніемъ галлерей, въ копорой былъ я нѣсколько разъ съ великимъ удовольствіемъ. Зная твердо Шекспира, почти не имѣю нужды справлять-

ся съ описаніемъ , и смотря на каршины , угадываю содержаніе. Всего болѣе нравился мнѣ работа Фисли , спариннаго Лафатерова друга (*); онъ выбираетъ изъ Шекспира самое фаншаспическое или *мечтательное* , и съ удивительною силою , съ удивительнымъ богатствомъ воображенія даетъ *вещественность* воздушнымъ его твореніямъ , даетъ имъ имя и мѣсто , a local habitation and a name , какъ сказалъ одинъ Англичанинъ. Еслибы воскресъ мечшатель-Поэтъ , какъ бы обнялъ онъ мечшателя-живописца! Каршины Гамильтоновы, Ангелики Кауфманъ , Ве-

(*) Въ молодости своей оба они влюбились въ одну дѣвицу : Лафатеръ пожертвовалъ ему своею любовью. Фисли , уѣхавъ въ Италію и посвятивъ себя Искусству , пересталъ отвѣчать на письма своего друга; но Лафатеръ всегда говорилъ объ немъ съ чувствомъ и съ жаромъ.

сповы, также очень хороши и выразительны.— Тутъ же видѣлъ я рисунки всѣхъ картинъ Орфордова собранія, купленнаго нашею Императорицею.

Здѣшняя церковь Св. Павла почти столько же славна, какъ Римская Св. Петра, и есть конечно въпоря въ свѣтѣ по наружному своему великолѣпію; вы видали рисунки той и другой; есть сходство, но много и различія. Избавлю себя и васъ отъ подробностей; не хочу говорить о *стилѣ*, о безчисленныхъ колоннахъ, фронтонахъ, статуяхъ Апостоловъ, Королевы Анны, Великобританіи съ копьемъ, Франціи съ короною, Ирландіи съ арфою, Америки съ лукомъ; и даже не скажу ни слова о величественномъ куполѣ. Все это превозносится

и знапоками и невѣждами. Я замѣтилъ для себя одну прекрасную аллегорію; на фронтонѣ портика изображенъ фениксъ, вылетающій изъ пламени, съ Латинскою надписью: *воскресаю!* что имѣетъ отношеніе къ возобновленію этой церкви, разрушенной пожаромъ. Окружающій ее балюстрада счисляется первымъ въ свѣтѣ. Жаль, что она сжапа со всѣхъ сторонъ зданіями, и не имѣетъ большой площади, на которой огромность ея показалась бы несравненно разительнѣе! Жаль также, что Лондонской вѣчной дымъ не пощадилъ великолѣпнаго храма и закопчилъ его снизу до самаго золотого шара, служащаго ему короною! Вошедши во внутренность, я спѣшилъ, по совѣту моего вожака, на середину церкви, и остановясь подъ самымъ куполомъ, долго смотрѣлъ вверхъ и вокругъ себя. Вы думаете, что другъ вашъ, пора-

женный величеспивомъ храма, былъ
 въ восхищеніи! Нѣтъ; мысль,
 которая вдругъ пришла мнѣ въ
 голову, все испортила: „что зна-
 „часть всѣ наши своды передъ сво-
 „домъ неба? сколько надобно ума
 „и трудовъ для произведенія столь
 „неважнаго дѣйствія? не естъ ли Ис-
 „кусство самая безстыдная обезъ-
 „яна Природы, когда оно хочеть
 „спорить съ нею въ величїи?“ Ме-
 жду тѣмъ Чичероне мой говорилъ:
 „смотрице на эту гордую аркаду,
 „на щипы, на фестоны, на всѣ
 „украшенія; смотрице на живо-
 „пись купола, на славные органы,
 „на колонны галлерей, и согласи-
 „тесь, что вы не видали ничего
 „подобнаго!“ — Въ такъ называе-
 момъ Хорѣ сдѣланъ пронъ для
 Лондонскаго Епископа и мѣсто
 для Лондонскаго Лорда-Мера...
 Вдругъ началось въ церкви пѣніе
 столь прїятное, что я забылъ
 смотрѣть, слушаю и плѣнялся

во глубинѣ души моей. Прекрасные мальчики, въ бѣломъ плащѣ, пѣли хоромъ : они казались мнѣ Ангелами! Что можетъ быть прелестнѣе гармоніи человѣческихъ голосовъ ? Это непосредственный органъ божественной души ! Декартъ, копорой всѣхъ животныхъ, кромѣ человека, хотѣлъ признавать машинами, не могъ слушать соловьевъ безъ досады ; ему казалось, что нѣжная Филомела, протая душу, опровергаетъ его систему ; а система, какъ извѣстно, всего дороже Философу ! Каково же Матеріалисту слушать пѣніе человѣческое ? Ему надобно быть глухимъ или чрезмѣрно упрямымъ. — Служеніе кончилось, и вожакой предложилъ мнѣ иппи въ верхнія галлерей, вмѣстѣ съ Французскимъ Маркизомъ и женою его. Маркизъ задохнулся и сѣлъ на первой галлерей; но Француженка всходила бодро, и хотѣла быть

на самомъ верху. Начались трудныя спупени, темныя, узкіе переходы: Маркиза не опсшавала и кричала мнѣ: *далье!* Montez toujours! Я былъ на Спразбургской башнѣ, на Альпійскихъ горахъ, но успалъ до смерти, и есшлы бы не постыдился женщины, то опказался бы опъ славы быть на высочайшемъ пунктѣ Лондона. Мы взобрались едва не подъ самой крестъ; наконецъ... *пес plus ultra!* остановились и забыли свою успалость. Прекрасный видъ! весь городъ, всѣ окружности передъ глазами! Лондонъ кажется грудой блестящей черепицы; безчисленныя мачшы на Темзѣ частымъ камышемъ на маленькомъ ручейкѣ; рощи и парки густою крапивою. Мы пробыли шупъ съ часъ, и Француженка имѣла время показать мнѣ свое остроуміе, философію и наблюдательный духъ. „Въ Англіи, говоришъ она, надобно

„только *смотрѣть*; *слушать* нечего.
 „Англичане прекрасны видомъ,
 „но скучны до крайности; жен-
 „щины здѣсь милостивы, и только:
 „ихъ дѣло разливать чай и
 „нянчить дѣтей. Парламентскіе
 „Ораторы кажутся мнѣ Индѣй-
 „скими пѣтухами, Шекспировы
 „трагедіи игрищами и похоронами;
 „здѣшніе актеры умѣютъ толь-
 „ко падать. Все это несносно: не
 „правда ли?“ Я боялся прошиворѣ-
 чіемъ еще болѣе взволновать кровь
 ея, которая и безъ того была въ
 спрашномъ движеніи; подаль ей
 руку въ знакъ согласія, и мы по-
 шли внизъ, дружелюбно раздѣляя
 опасности и говоря безъ умолку.
 — Craignez de faire un faux pas,
 madame. — „Ah! les femmes en
 font si souvent!“ — C'est que les
 chûtes des femmes sont quelquefois
 très aimables. — „Oui, parce que
 les hommes en profitent.“ — Elles
 s'en relevent avec grace. — „Mais

non pas sans en ressentir la douleur le reste de leurs jours.“ — La douleur d'une belle femme est une grace de plus. — „Et tout cela n'est que pour servir sa majesté, l'homme.“ — Ce Roi est souvent detroné, md. — „Comme notre bon et pauvre Louis XVI: n'est ce pas?“ — А peu près, md. — — Между тѣмъ мы сошли въ нижнюю галерею, гдѣ Маркизъ сообщилъ намъ свои примѣчанія на живопись купола, и гдѣ мы забавлялись спранныю игрою звуковъ. Спаянныя въ одномъ мѣстѣ галереи, и скажите что нибудь очень тихо; стоящіе вдали, напрошивъ васъ, слышатъ ясно каждое слово (*). Звукъ чуднымъ образомъ умножается въ окружности свода, и скрипъ двери кажущаяся вамъ сильнымъ ударомъ

(*) Это напомнило мнѣ Парижскую Salle du secret.

грома. Опшуда прошли мы въ Библіотеку, гдѣ примѣчанія достойна модель храма, копорою Архипекторъ Св. Павла, Хриспофоръ Генъ (Wren) весьма радовался, но копорая для того не была произведена въ дѣйство, что походитъ на языческіе храмы. Художникъ досадовалъ, спорилъ, и наконецъ согласился сдѣлать другой планъ. — На мѣстѣ Св. Павла было нѣкогда славное капище Діаны; во второмъ вѣкѣ оно превратилось въ Христіанскую церковь, копорая черезъ 400 лѣтъ была снова украшена и посвящена Апостолу Павлу; пять разъ горѣла, и не прежде какъ въ 1711 году явилась въ теперешнемъ своемъ видѣ. Она стоила 12 милліоновъ рублей.

Лондонская крѣпость, Tower, построенная на Темзѣ въ одиннадцатомъ вѣкѣ Вильгельмомъ Завоевателемъ, была прежде дворцомъ

Англійскихъ Королей , ихъ убѣ-
жищемъ въ народныхъ возмущені-
яхъ , наконецъ государспвенною
темницею ; а теперь въ ней мо-
нетной дворъ , арсеналъ , царская
кладовая и — звѣри !

Я не давно читалъ Юма , и па-
мять моя поспѣла представить
мнѣ рядъ несчастныхъ Принцовъ ,
которые въ этой крѣпости были
заключены и убиты . Англійская
Исторія богата злодѣйствами ;
можно смѣло сказать , что по чи-
слу житей въ Англіи болѣе ,
нежели во всѣхъ другихъ земляхъ ,
погибло людей отъ внутреннихъ
мятежей . Здѣсь Каполики умерщ-
вляли Реформатовъ , Реформаты
Каполиковъ , Роялисты Республи-
канцевъ , Республиканцы Рояли-
стовъ ; здѣсь была не одна Фран-
цузская революція . Сколько доб-
родѣтельныхъ патриотовъ , Мини-
стровъ , любимцевъ Королевскихъ
положили свою голову на эшафотъ !

Какое оспервененіе въ сердцахъ! какое изступленіе умовъ! Книга выпадаетъ изъ рукъ. Кто полюбитъ Англичанъ, читая ихъ Исторію! Какіе Парламенты! Римской Сенатъ во время Калигулы былъ не хуже ихъ. Прочитавъ жизнь Кромвеля, вижу, что онъ возвышеніемъ своимъ обязанъ былъ не великой душѣ, а коварству своему и фанатизму тогдашняго времени. Рѣчи, говоренныя имъ въ Парламентѣ, наполнены удивительнымъ безуміемъ. Онъ нарочно пускается въ словахъ, чтобы не сказать ничего: какая ничтожная хитрость! Великой человекъ не прибѣгаетъ къ такимъ малымъ средствамъ; онъ говоритъ дѣло, или молчитъ. Сколь бессмысленно все говоренное и писанное Кромвелемъ, сколько умны и глубокомысленны сочиненія Секретаря его, Мильтона, которой по восшествіи на престолъ Карла II спасся отъ

эшафота своею Поэмою, славою и всеобщимъ уваженіемъ.

Дворецъ Вильгельма Завоевателя еще цѣль и называется *бѣлою башнею*, white tower: зданіе безобразное и варварское! Другіе Короли къ нему приспроивали, окруживъ его стѣнами и рвами.

Прежде всего показали намъ въ крѣпости дикихъ звѣрей (забаву Королей Англійскихъ со времени Генриха I), а потомъ большую залу, гдѣ хранялся трофеи перваго побѣдоноснаго флота Англіи, разбившаго славную Гишпанскую *Армаду*. Я съ великимъ любопытствомъ разсматривалъ флаги и всякаго рода оружіе; думалъ о Филиппѣ, о Елисаветѣ; воображалъ смиренную гордосць перваго и скромное величіе послѣдней; — воображалъ ту мину, когда Герцогъ Сидонія упалъ на колѣни передъ своимъ Монархомъ, говоря: *флотъ твой погибъ!* и когда Фи-

липѣ, съ милоспію проспірая къ нему руку, опвѣчалъ: *да будетъ воля Божія!* — воображалъ всеобщую ревность Лондонскихъ гражданъ и солдатъ Елисаветиныхъ, когда она, въ видѣ Любви и Красоты, какъ богиня явилась между ими, говоря: *друзья! не оставьте меня и отечества!* и когда всѣ они единодушно опвѣчали: *умремъ за тебя и спасемъ отечество!* ...

Замѣйте, что не только Гиспанская Армада, но почти всѣ огромныя вооруженія древнихъ и новыхъ временъ оканчивались стыдомъ и ничтожностію. Богъ слабымъ помогаетъ! Тамъ горсть Грековъ торжествуетъ надъ безчисленными Персами; шутъ Голландскіе рыбаки или Швейцарскіе пастухи истребляютъ лучшія арміи; здѣсь Венеція или Прусской Фридрихъ пропившися всей Европою и заключаетъ славной миръ.

Ошпуда пошли мы въ большой

арсеналъ... прекрасной и грозной видъ! Стѣны, колонны, пиласстры, все составлено изъ оружія, которое слѣпляетъ глаза своимъ блескомъ. Одно слово — и 100,000 человекъ будутъ здѣсь вооружены въ нѣсколько минутъ. — Внизу, подъ малымъ арсеналомъ, въ длинной галлерей, стоишь *Королевская артиллерія* между столбами, на которыхъ висятъ знамена, въ разные времена опіятыя Англичанами у непріятелей. Тутъ же видите вы изображеніе знаменитѣйшихъ Англійскихъ Королей и Героевъ; каждой сидитъ на лошади, въ *своихъ* лапахъ и съ мечемъ *своимъ*. Я долго смотрѣлъ на храбраго *герцага Принца*.

Въ царской кладовой показывали намъ вѣнецъ Эдуарда *Исповѣдника*, осыпанный множествомъ драгоценныхъ камней; золотую державу съ фіолетовымъ аметистомъ, которому цѣны не пола-

гають ; скипетръ , такъ называемые *мечи милосердія, духовнаго и временнаго правосудія* , носимые передъ Англійскими Королями въ обрядъ коронованія — серебряныя купели для царской фамиліи , и пребогатый *государственный сѣнецъ* , надѣваемый Королемъ для присутствія въ Парламентѣ , и украшенный большимъ изумрудомъ , рубиномъ и жемчугомъ.

Тутъ же показываютъ и попоръ , которыми опрубили голову Аннѣ Грей !!

Наконецъ ввели насъ въ монетную, гдѣ дѣлають золотыя и серебряныя деньги ; но эшо Англійская *Тайная* , и вамъ говорятъ : *сюда не ходите, сюда не смотрите; туда васъ не пустятъ!* — Мы видѣли кучу гиней ; но Г. надзиратель не посмѣлся взять съ насъ нѣсколько шиллинговъ!

Сент-Джемской дворецъ есть, можетъ быть, самой бѣднѣйшій въ Европѣ. Смотри на него, пышной человѣкъ не захочетъ быть Англійскимъ Монархомъ. Внутри также нѣтъ ничего царскаго. Тутъ Король обыкновенно показывается чужестраннымъ Министрамъ и публикѣ; а живетъ въ Королевиномъ Дворцѣ, Buckinghamhouse, гдѣ комнаты убраны со вкусомъ, опчаси работою самой Королевы, и гдѣ всего любопытнѣе славные Рафаелевы карпоны или рисунки; ихъ всего 12: 7 у Королевы Англійской, два у Короля Французскаго, два у Сардинскаго, а двѣнадцатой у одного Англичанина, копорой, занявъ для покупки сего драгоцѣннаго рисунка большую сумму денегъ, отдалъ его въ закладъ и получилъ назадъ испорченный. На нихъ изображены разные чудеса изъ Новаго Завѣша; фигуры всѣ въ человѣческой ростѣ. Художники считаютъ ихъ образъ-

цомъ правильности и смѣлости. — Я видѣлъ торжественное собраніе во Дворцѣ; однакожь не входилъ въ парадную залу, будучи въ простомъ фракѣ.

Уайт-галл (White-hall) былъ прежде Дворцомъ Англійскихъ Королей — сгорѣлъ, и теперь существующіе только его остатки, между которыми достойна примѣчанія большая зала, расписанная вверху Рубенсомъ. Въ семъ зданіи показывающіе закладенное окно, изъ котораго несчастный Карлъ сведенъ былъ на эшафотъ. Тамъ, гдѣ онъ лишился жизни, стоить мраморное изображеніе Іакова II; поднявъ руку, онъ указываетъ пальцемъ на мѣсто казни отца его (*).

(*) Я видѣлъ и статую Карла I, любопытную по слѣдующему анекдоту. Послѣ его бѣдственной кончины, она была снята и куплена мѣдникомъ,

Адмиральтейство есть также одно изъ лучшихъ зданій въ Лондонѣ. Тутъ засѣдаютъ пять главныхъ Морскихъ Коммисаровъ; они рассылаютъ приказы къ начальникамъ Портовъ и къ Адмираламъ; всѣ выборы флотскихъ Чиновниковъ отъ нихъ зависятъ.

Палаты Лорда-Мера и Банкъ стоятъ примѣчательнаго взгляда; самой же огромной домъ въ Лондонѣ есть такъ называемый *Соммерсетъ-гаузъ* на Темзѣ, копорый еще не доспроенъ, и похожъ на цѣлой городъ. Тутъ соединены всѣ городскіе Приказы, Коммисіи, Бюро; тутъ живутъ Казначей, Секретари, и пр. Архитектура очень

копорой продалъ безчисленное множество шандаловъ, увѣряя, что они вылиты изъ металла спашуи; но въ самомъ дѣлѣ онъ спряталъ ее, и подарилъ Карлу II, при его восшествіи на престолъ—за что былъ награжденъ весьма щедро.

хороша и величественна. — Еще замѣшны дома Бепфордовъ, Чесперфильдовъ, Девонширскаго Герцога, Принца Валлисскаго, (которой даетъ впрочемъ дурную идею о вкусѣ хозяина или Архитектора); другіе всѣ малы и ничтожны.

Описанія свои заключу я примѣчаніемъ на счепъ Англійскаго любопытства. Что ни пойдете вы здѣсь осматривать: церковь ли Св. Павла, Шекспирову ли галерею, или домъ какой, вездѣ находите множество людей, особливо женщинъ. Не мудрено: въ Лондонѣ обѣдають поздно; и кто не имѣетъ дѣла, тому надобно выдумывать, чѣмъ занять себя до шести часовъ.

Виндзоръ.

Земляки мои непременно хотѣли видѣть славную скачку близъ
У.

Виндзора, гдѣ рѣзвая лошадь приносилъ хозяину иногда болѣе Ост-Индскаго корабля. Я радъ съ другими всюду ѣхать, и въ 9 часовъ упря поскакали мы четверо въ каретѣ по Виндзорской дорогѣ; безпрестанно кричали нашему кучеру: *скорѣе! скорѣе!* и въ нѣсколько минутъ очутились на первой спанціи. — „Лошадей!“ — *А гдѣ ихъ взять? всѣ въ разгонѣ.* — „Вздорѣ! это развѣ не лошади?“ — *Онѣ приготовлены для другихъ; для васъ нѣтъ ни одной.* — Мы шумѣли, но безъ пользы, и наконецъ рѣшились иппи пѣшкомъ, не смотря на жаръ и пыль. — Какое превращеніе! какой ударъ для нашей гордости! Тѣ, мимо копорыхъ какъ пѣицы пролетѣли мы на борзыхъ Англійскихъ коняхъ, обѣзжали насъ одинъ за другимъ, смотрѣли съ презрѣніемъ на бѣдныхъ пѣшеходцевъ и смѣялись. Несносные, грубые Бришанцы! ду-

малѣ я: обсыпайте насѣ пылью; но за чѣмѣ смѣяться? — Иные кричали даже: „доброй путь, господа! видно по общанію!“ — Но Гускихѣ не такѣ легко унизить; мы сами начали смѣяться; скинули съ себя кафтаны, шли бодро и пѣли даже Французскія аріи; опробѣдали вѣ сельскомѣ практирѣ, и вѣ 5 часовѣ, сворошивѣ не много съ большой дороги, вступили вѣ Виндзорской Паркѣ....

Thy forests, Windsor! and thy green
retreats,
At once the Monarch's and the Muse's
seats.

Р о р е.

Мы сняли шляпы.... вѣря Поэту, что это священной лѣсѣ.
„Здѣсѣ, (говоришѣ онѣ) являющся
„боги во всемѣ своемѣ великолѣ-
„піи; здѣсѣ Панѣ окруженѣ безчи-
„сленными стадами, Помона раз-
„сыпаетѣ плоды свои, Флора цвѣ-
„шитѣ луга, и дары Цереры вол-

„нующся какъ необозримое море.“...
 Описаніе Спихопворца пышно, но
 справедливо. Мрачные лѣса, пре-
 красивые лѣсочки, поля, луга, без-
 конечныя алеи, зеркальные каналы,
 рѣки и рѣчки, все есть въ Винд-
 зорскомъ паркѣ! — Какъ мы ве-
 селились, отдыхали и снова упо-
 млялись, то сидя подѣ густою
 сѣнію, гдѣ пѣли надѣ нами всякаго
 роду лѣсныя пѣицы, то бѣгая съ
 оленями, копорыхъ пупѣ множе-
 ство! — Спихопворецѣ у меня въ
 мысляхъ и въ рукахъ. Я ищу бе-
 реговѣ унылой Лодоны, гдѣ, по
 его словамъ, часпо купалась Цин-
 пія — Діана....

Изъ юныхъ Нимфѣ ея дочь Тамеса, Ло-
 дона,

Была славнѣе всѣхъ; и взорѣ Эндиміона
 Лишь по тому ее съ Діаной различалъ,
 Что мѣсяцѣ золотой богиню украшалъ.
 Но смертныхъ и боговѣ плѣняя, не
 плѣнялась:

Одна свобода ей съ невинностью мила,

И ловля пшицѣ, звѣрей, утѣхою была.
 Одежда легкая на Нимфѣ развѣвалась;
 Зефирѣ игралѣ въ ея спруистыхѣ воло-
 сахѣ;

Рѣзной колчанѣ звенѣлѣ съ стрѣлами
 на плечахѣ,
 И мѣшкое копье (*) за серною сви-
 спало.

Однажды Панѣ ее увидѣлѣ, полюбилѣ,
 И сердце у него желаньемѣ воспылало.
 Она бѣжитѣ. . . въ любви предметѣ бѣ-
 гущій милѣ,

И Нимфа робкая спыдливоспью своею
 Для дерзкаго еще прелеспиѣе была.

Какѣ горлица лепитѣ отѣ хищнаго орла,
 Какѣ яроспный орелѣ спремипся въ
 слѣдѣ за нею,

Такѣ Нимфа отѣ него, такѣ онѣ за
 Нимфой въ слѣдѣ —

И ближе, ближе кѣ ней. . . . Она изне-
 могаепѣ;

(*) Легкія копья, съ которыми изоб-
 ражаютсѣ Діанины Нимфы, были бро-
 саетмы въ звѣрей.

Слаба, блѣдна. . . вѣ глазахѣ ея тем-
нѣетѣ свѣтѣ.

Уже тѣнь Панова Лодону настигаетѣ,
И Нимфа слышитѣ спукѣ ногѣ бога за
собой;

Дыханіе его какѣ вѣтерѣ развѣваетѣ
Ей волосы. . . Тогда, оставлена Судьбой,
Вѣ опчаяньи своемѣ несчастная, кѣ бо-
гинѣ

Душею обращаєсь, такѣ мыслила: „спаси,
„О Циншія! меня; вѣ дубравы пренеси,
„На родину мою! Ахѣ! пусть я тамѣ
огненнымѣ

„Спенаю горестно, и слезы лью ручь-
емѣ!“

Исполнилось. . . и вдругѣ, какѣ будто
бы слезами

Изливѣ тоску свою, она течетѣ стру-
ями,

Спеная жалобно вѣ журчаніи своемѣ.
Пошокѣ сей и теперѣ Лодоной называемѣ,
Чистѣ, хладенѣ какѣ она; потѣ лѣсѣ
имѣ орошаемѣ,

Гдѣ Нимфа нѣкогда гуляла и жила.

Діана моешся вѣ его водѣ кристальной,

И память Нимфина до нынѣ ей мила ;
 Когда вообразитъ ея конецъ печальной,
 Спруи сливающся съ богиной слезой.
 Пастухъ задумавшись журчанью ихъ
 внимаетъ;

Сидя подъ тѣнію, въ нихъ часто созер-
 цаетъ

Луну у ногъ своихъ и горы внизъ гла-
 вой,

Плывущій рядъ деревъ , надъ берегомъ
 висящихъ,

И воду свѣплую собою зеленыщихъ.

Среди прекрасныхъ мѣстъ излучи-
 сшымъ путемъ

Лодона тихая едва, едва спруится ;

Но вдругъ, быстрѣе спавъ въ печеніи
 своемъ,

Спѣшитъ съ опцомъ ея навѣкъ соеди-
 ниться (*).

Извините, естли переводъ хуже
 оригинала. Слушая томное журча-

(*) Съ Темзою, которая въ Поэзіи на-
 зывается богомъ Тамесомъ.

ніе Лодоны, я вздумалъ разсказаць
ея исторію въ Рускихъ спихахъ.

Мнѣ хотѣлось бы многое перевести вамъ изъ Windsor-Forest; на примѣръ, щастіе сельскаго жителя, любителя Наукъ и любимца Музъ; описаніе Бога Тамеса, коптой, поднявъ свою влажную главу, опершись на урну и озираясь вокругъ себя, славословишь миръ и предсказываешь величіе Англіи. Но солнце заходитъ, а намъ должно еще видѣть славную скачку. Мы спѣшимъ, спѣшимъ

Теперь вы, друзья мои, ожидаете отъ меня другой каршины; хотите видѣть, какъ 30, 40 человекъ, одѣтыхъ Зефирами, садятся на прекрасныхъ, живописныхъ лошадей, приподнимаются на спрементахъ, удерживаютъ дыханіе, и съ сильнымъ біеніемъ сердца ждуть знака, чшобы скакать, лепѣть къ цѣли, опередить другихъ, схватить знамя и унасть на землю безъ

памяти ; хопите лепѣть взоромъ за скакунами , изъ которыхъ всякой кажется Пегасомъ ; хопите въ то же время угадывать по глазамъ зрителей , кто кому желаетъ побѣды , чья душа за какою лошадью несется ; хопите чипать въ нихъ надежду , страхъ , опять надежду , восторгъ или опчаяніе ; хопите слышать радостные плески въ честь побѣдителя : *браво ! виватъ ! ура !* ... Ошибаетесь , друзья мои ! мы опоздали , ничего не видали , посмѣялись надъ собою и пошли осматривать большой Виндзорской дворецъ . Онъ стоитъ на высокомъ мѣстѣ ; всходъ нечувствителенъ , а видъ прекрасенъ . На одной сторонѣ равнина , гдѣ извивается величественная Темза , опушенная лѣсочками ; а на другой большая гора , покрытая густымъ лѣсомъ . Передъ дворцомъ , на террасѣ , гуляли Принцессы , дочери Королевскія , въ простыхъ бѣлыхъ платьяхъ ,

У.

въ соломенныхъ шляпкахъ , съ проспочками, какъ сельскія паспущки. Онѣ рѣзвились , бѣгали и кричали другъ другу : та соеир, та соеир! Глаза мои искали Елисаветы: воображеніе мое, по нѣкоторымъ газетнымъ анекдотамъ, издавна любило заниматься ею. Она не красавица; но скромной видъ ея нравился.

Дворецъ построенъ еще Вильгельмомъ Завоевателемъ, распространенъ и украшенъ другими Королями. Онъ славится болѣе своимъ прекраснымъ мѣстоположеніемъ, нежели наружнымъ и внутреннимъ великолѣпіемъ. Я замѣтилъ нѣсколько хорошихъ картинъ: Микель-Анджеловыхъ, Пуссеновыхъ, Корреджіевыхъ и порпретовъ Вандиковыхъ. Изъ спальни входъ въ залу красоты, гдѣ споятъ порплеты прелеснѣйшихъ женщинъ во время Карла II. Хотите ли знать имена ихъ? Mistriss

Knoff, Lawson, Lady Sunderland, Rochester, Denham, Middleton, Byron, Richmond, Cleveland, Somerset, Northumberland, Grammont, Ossory. Естѣли живописцы не льсшили, то онѣ были подлинно красавицы, даже и въ Англіи, гдѣ такъ много пріятныхъ женскихъ лицъ... Нѣкоторыя плафоны въ комнапахъ очень хороши; также и рѣзная работа. Я долго смопрѣлъ на портретъ нашего Великаго Петра, написанный во время Его пребыванія въ Лондонѣ живописцомъ Неллеромъ. Императоръ былъ тогда еще молодъ; это Марсъ въ Преображенскомъ мундирѣ! — Зала Св. Георгія, или Кавалеровъ Подвязки, стоить того, чѣобы сказать объ ней нѣскольکو словъ; она велика и прекрасна своею архитектурою. Въ большомъ овалѣ, среди плафона, представленъ Карлъ II въ Орденской одеждѣ, а за нимъ, въ видѣ женщинъ, три соединенныя Королевства.

Изобиліе и Релитія держашъ надъ нимъ корону. Тутъ же изображено Монархическое Правленіе, копто-рое опирається на Религію и Вѣч-ность. Правосудіе, Сила, Умѣрен-ность и Благоразуміе гоняшъ мя-тежъ и бунтъ. Подлѣ прона, въ осьміугольникѣ, подѣ крестомъ Св. Георгія, окруженномъ подвязкою и Купидонами, вырѣзана надпись: Nonni soit qui mal у pense! Од-нимъ словомъ, какъ въ Версаль-скомъ Дворцѣ все дышетъ Лудо-викомъ XIV, такъ въ Виндзорскомъ все напоминаетъ Карла II, о копо-ромъ Англійскіе патріоты не лю-бятъ воспоминашь.

Виндзорскій Паркъ.

Сидя подѣ пѣнію дубовъ Винд-зорскаго Парка, слушаая пѣніе лѣсныхъ пшичекъ, шумъ Темзы и вѣтвей, провелъ я нѣсколько ча-

совѣ въ какомъ - то сладоспномъ забвеніи—не спалъ, но видѣлъ сны, восхищительные и печальные.

Темныя, лесныя, милыя надежды сердца! исполнишься ли вы когда нибудь? Живоспъ ваша еспъ ли залогъ исполненія? или, со всѣми правами быть щаспливымъ, узнаю щаспье только воображеніемъ, увижу его только мелькомъ, вдали, подобно блиспанію молній, и при концѣ жизни скажу: „я не жилъ!“

Мнѣ грустно; но какъ сладоспна эта груспъ? Ахъ! молодоспъ еспъ прелеспная эпоха бытія нашего! Сердце, въ полношѣ жизни, творитъ для себя будущее, какое ему мило; все кажется возможнымъ, все близкимъ. Любовь и Слава, два идола чувствительныхъ душъ, стоятъ за флеромъ передъ нами и поднимаютъ руку, чшобы осыпать насъ дарами своими. Сердце бьется въ восхищительномъ ожиданіи, теряется въ желаніяхъ,

въ выборѣ щаспья, и наслаждаешся возможнымъ еще болѣе, нежели дѣйствительнымъ.

Но цвѣтъ юности на лицѣ увядаетъ; опытность сушитъ сердце, увѣряя его въ трудности щаспливыхъ успѣховъ, копорые прежде казались ему столь легкими! Мы узнаемъ, что воображеніе украшало всѣ пріятности жизни, сокрывая отъ насъ недоспапки ея. Молодость прошла; любовь какъ солнце скапшлась съ горизонта — и чтожь оспалось въ сердцѣ? нѣсколько милыхъ и горестныхъ воспоминаній — нѣжная шоска — чувство, подобное тому, копорое имѣемъ по разлукѣ съ безцѣннымъ другомъ, безъ надежды увидѣться съ нимъ въ здѣшнемъ свѣтѣ. — А слава? Говорятъ, что сна есть послѣднее упѣшеніе любовію расперзаннаго сердца; но слава, подобно розѣ любви, имѣетъ свое шерніе, свои обманы и муки. Мно-

гіе ли бывали ею щасливы? Первый звукъ ея возбуждаешъ гидру зависти и злословія, копорыя будупъ шипѣть за вами до гробовой доски, и на самую могилу вашу изліюпъ еще ядѣ свой. —

Жизнь наша дѣлился на двѣ эпохи: первую проводимъ въ будущемъ, а впорую въ прошедшемъ. До нѣкопорыхъ лѣтъ, въ гордостии надеждѣ своихъ, человекъ смоприпъ все впередъ, сѣмыслию: „шамъ, шамъ ожидаетъ меня судьба, достойная моего сердца!“ Попери мало огорчаюпъ его; будущее кажется ему несмѣпною казною, пригопвленной для его удовольствій. Но когда горячка юности пройдетъ; когда сто разъ оскорбленное самолюбіе по неволѣ научится смиренію; когда, сто разъ обманушые надеждою, наконецъ переспаемъ ей вѣрипъ: тогда, сѣдосадою оспавляя будущее, обращамъ глаза на прошедшее, и хо-

шимъ нѣкоторыми пріятными вос-
поминаніями замѣнишь потерян-
ное щастіе лесныхъ ожиданій,
говоря себѣ въ утѣшеніе: *и мы, и*
мы были въ Аркадіи! Тогда, по-
гда единственно научаемся доро-
жить и настоящимъ; тогда же
бываемъ до крайности чувстви-
тельны и къ самомалѣйшей пра-
тѣ; тогда прекрасный день, весе-
лая прогулка, занимательная кни-
га, искренній дружескій разговоръ,
даже ласки вѣрной собачки (кото-
рая не оставила насъ вмѣстѣ съ
невѣрными любовницами!) извлека-
ютъ изъ глазъ нашихъ слезы бла-
годарности; но тогда же и смерть
любимой ппички дѣлаетъ намъ
превеликое горе.

Гдѣ сливаются сіи двѣ эпохи?
ни глазъ не видишь, ни сердце не
чувствуетъ. Однажды въ Швейца-
ріи вышелъ я гулять на восходѣ
солнца. Люди, которые мнѣ встрѣ-
чались, говорили: „доброе *утро* ,

господинъ!“ Чѣмъ со мною было далѣе, не помню; но вдругъ вывело меня изъ задумчивости привѣтствіе: „доброй вечеръ!“ Я взглянулъ на небо: солнце садилось. Это поразило меня. Такъ бываетъ съ нами и въ жизни! Сперва говорящъ объ человѣкѣ: „какъ онъ молодъ!“ и вдругъ скажущъ объ немъ: „какъ онъ старъ!“

Такимъ образомъ мыслилъ я въ Виндзорскомъ Паркѣ, разбирая свои чувства и угадывая тѣ, которыя со временемъ будутъ моими!

Лондонъ, Іюля . . . 1790.

Трое Рускихъ, М*, Д* и я, въ 11 часовъ утра сошли съ берега Темзы, сѣли на ботикъ и поплыли въ Гриничъ. День прекрасной — мы спокойны и веселы — плывемъ подъ величественными арками мостовъ, мимо безчисленныхъ кораблей, спо-

ящихъ на обѣихъ сторонахъ въ нѣ-
 сколько рядовъ: одни съ распущен-
 ными флагами приходятъ и впи-
 раются въ пѣсную линію; другіе
 съ поднятыми парусами топовы
 лепѣтъ на край міра. Мы смоп-
 римъ, любуемся, разсуждаемъ — и
 хвалимъ прекрасную выдумку де-
 негъ, которыя сполько чудесъ про-
 изводятъ въ свѣтѣ и сполько вы-
 годъ доставляютъ въ жизни. Ку-
 сокъ золота — нѣтъ, еще лучше:
 клочекъ бумажки, присланный изъ
 Москвы въ Лондонъ, какъ волшеб-
 ный палисманъ даетъ мнѣ власть
 надъ людьми и вещами: захочу,
 имѣю — скажу, сдѣлано. Все, ка-
 жется, ожидаетъ моихъ повелѣ-
 ній. Вздумалъ ѣхать въ Гриничъ
 — спукнулъ въ рукѣ бѣленькими
 кружками — и гордые Англичане
 исполняютъ мою волю, пѣнятъ ве-
 слами Темзу, и доставляютъ мнѣ
 удовольствіе видѣть разнообраз-
 ныя каршины человеческого пру-

долюбія и Природы. — Разговоръ нашъ еще не кончился, а бошикъ у берега.

Первый предметъ, который явился глазамъ нашимъ, былъ самый предметъ нашего путешествія и любопытства: Гриничская Госпиталь, гдѣ признапельная Англія осыпаетъ цвѣтами спаросъ своихъ мореходцовъ, орудіе величества и силы ея. Не многіе Цари живупъ такъ великолѣпно, какъ Англійскіе преспарѣлые мапрозы. Огромное зданіе состоитъ изъ двухъ замковъ, спереди раздѣленныхъ красивою площадью, а назадъ соединяемыхъ колоннадами и Губернапорскимъ домомъ, за которымъ начинается большой паркъ. Сѣдые старцы, опершись на балюстрадъ террасы, видяпъ корабли, на всѣхъ парусахъ лепящіе по Темзѣ: что можетъ быть для нихъ пріятнѣе? сколько воспоминаній для каждаго? Такъ и они въ свое

время разсѣкали волны, съ Ансо-
номъ, съ Кукомъ!—Съ другой спо-
роны, плывущіе на корабляхъ мат-
розы смопрятъ на Гриничъ и ду-
мають: „тамъ гошово пристани-
ще для нашей спароспи! Опечес-
шво благодарно; оно призритъ и
„успокоитъ насъ, когда мы въ его
„служеніи испощимъ силы свои!“

Всѣ внутреннія украшенія дома
имѣють отношеніе къ мореплава-
нію: у дверей глобусы, въ куполѣ
залы компасъ; здѣсь Эврѣ лепитъ
съ воспока и гонитъ съ неба звѣ-
зду упренною; шупъ Авсперѣ,
окруженный пучами и молніями,
льетъ воду; Зефирѣ бросаетъ цвѣ-
ты на землю; Бореѣ, размахивая
драконовыми крыльями, сыплетъ
снѣгъ и градъ. Тамъ Англійской
корабль, украшенный трофеями, и
главнѣйшія рѣки Британніи, стяг-
ченныя сокровищами; тамъ изобра-
женія славнѣйшихъ Астрономовъ,
которыя своими отккрытіями спо-

собствовали успѣхамъ Навигаціи. — Имена папріотовъ, давшихъ деньги Вильгельму III на заведеніе Госпитали, вырѣзаны на стѣнѣ золотыми буквами. Тутъ же представленъ и сей любезный Англичанамъ Король, попирающій ногами самовластіе и пиранство. Между многими другими, по большой части аллегорическими карпинами, читаются надписи: *Anglorum spes magna — falus publica — securitas publica.*

Каждый изъ насъ долженъ былъ заплашишь около рубля за свое любобыпство; не больно давашь деньги въ пользу такого славнаго заведенія. У всякаго мапроза, служащаго на Королевскихъ и купеческихъ корабляхъ, вычитаютъ изъ жалованья 6 пенсовъ въ мѣсяцъ на содержаніе Госпитали; за то всякой мапрозъ можетъ быть тамъ принятъ, естли докажетъ, что онъ не въ состояніи продолжатъ

службы, или былъ раненъ въ сраженіи, или способствовалъ опныть у непріятеля корабль. Теперь ихъ 2000 въ Гриничѣ, и каждой получаетъ въ недѣлю 7 бѣлыхъ хлѣбовъ, 3 фунта говядины, 2 ф. баранины, $1\frac{1}{2}$ ф. сыру, столькоже масла, гороху, и шиллингъ на табакъ.

Я напому вамъ слово, сказанное въ Лондонѣ Пепромъ Великимъ Вильгельму III, и доспойное нашего Монарха. Король спросилъ, что Ему болѣе всего полюбилось въ Англіи? Пепръ I отвѣчалъ: „то, „что Госпиталь заслуженныхъ мап- „розовъ похожа здѣсь на Дворецъ, „а Дворецъ Вашего Величества „похожъ на Госпиталь.“ — Въ Англіи много хорошаго; а всего лучше общеспвенныя заведенія, которыя доказываютъ благодѣтельную мудрость правленія. *Salus publica* есть подлинно девизъ его. Англичане должны любить свое отечество.

Гриничъ самъ по себѣ есть красивой городокъ; тамъ родилась Елисавета. — Мы опобѣдали въ кофейномъ домѣ, погуляли въ паркѣ, сѣли въ лодку, поплыли, въ 10 часовъ вечера вышли на берегъ, и очутились въ какомъ-то волшебномъ мѣстѣ!...

Вообразите безконечныя алеи, цѣлыя лѣса, ярко освѣщенные огнями; галлерей, колоннады, павильоны, альковы, украшенные живописью и бюстами великихъ людей; среди густой зелени триумфальныя, пылающія арки, подъ которыми гремитъ оркестръ; вездѣ множество людей; вездѣ столы для пиршества, украшенные цвѣтами и зеленью. Ослѣпленные глаза мои ищутъ мрака; я вхожу въ узкую крышую алею, и мнѣ говорятъ: *вотъ гульбище Друидовъ* (*)! Иду далѣе; вижу, при свѣтѣ луны и

(*) Имя алеи.

опдаленныхъ огней , пустыню и разсѣянные холмики , представляющіе Римской спань; пущь распущь кипарисы и кедры. На одномъ пригоркѣ сидишь Мильтонъ—мраморный — и слушаешь музыку; далѣе — обелискъ, Китайской садъ; наконецъ нѣтъ уже дороги. . . Возвращаюсь къ оркестру.

Естьли вы догадливы, то узнали, что я описываю вамъ славной Англійской Воксалъ, которому напрасно копяшь подражать въ другихъ земляхъ. Вотъ прекрасное вечернее гульбище, достойное умнаго и богатаго народа!

Оркестръ играетъ по большой части любимыя народныя пѣсни; поющъ актеры и актрисы Лондонскихъ Театровъ; а слушатели, въ знакъ удовольствія, часто бросающъ имъ деньги.

Вдругъ зазвонили въ колокольчикъ, и всѣ бросились къ одному мѣсту; я побѣжалъ вмѣстѣ съ

другими, не зная, куда и за чѣмъ. Вдругъ поднялся занавѣсъ, и мы увидѣли написанное огненными словами: Take care of your pockets! *берегите карманы!* (потому что Лондонскіе воры, которыхъ довольно бываетъ и въ Воксалѣ, пользуются этою минушою). Въ то же время открылась прозрачная картина, представляющая сельскую сцену. „Хорошо!“ думалъ я: „но не споймѣ пого, что-“, „бы бѣжашъ безъ памяти и давишъ“, „людей.“

Лондонской Воксалъ соединяетъ всѣ соспоянія: тутъ бываютъ и знашныя люди и лакеи, и лучшія Дамы и публичныя женщины. Одни кажутся актерами, другіе зрителями. — Я обходилъ всѣ галле-рей и осмопрѣлъ всѣ картины, написанныя по большой части изъ Шекспировыхъ Драмъ или изъ новѣйшей Англійской Исторіи. Большая ропонда, гдѣ въ ненаст-

ное время бываетъ музыка , убрана сверху до полу зеркалами; куда ни взглянешь , видишь себя въ десяти живыхъ портретахъ.

Часу въ двѣнадцатомъ начались ужины въ павильонахъ , и въ лѣсочкѣ заиграли на рогахъ. Я отъ роду не видывалъ такого множества людей, сидящихъ за столами — что имѣетъ видъ какого-то великолѣпнаго праздника. Мы сами выбрали себѣ павильонъ, велѣли подать цыпленка , анчоусовъ , сыру, масла, бупылку Кларету , и заплатили рублей шесть.

Воксалъ въ двухъ миляхъ отъ Лондона, и лѣтомъ бываетъ опво-ренъ всякой вечеръ; за входъ платится копѣекъ сорокъ. — Я на разсвѣтѣ возвратился домой, будучи весьма доволенъ цѣлымъ днемъ.

Выборъ въ Парламентъ.

Черезъ каждыя семь лѣтъ Парламентъ возобновляется. Нынѣ, по моему щастію, надлежало бытъ выборамъ; я видѣлъ ихъ.

Веспминстеръ избираетъ двухъ Членовъ. Министры желали Лорда Гуда, а пропивники ихъ Фокса; болѣе не было Кандидатовъ. На канунъ избранія угощались безденежно въ двухъ тавернахъ тѣ Веспминстерскіе жители, которые имѣютъ голосъ: въ одной подчивали Министры, а въ другой пріятели Фоксовы. Я хотѣлъ видѣть этотъ праздникъ: вошелъ въ таверну, и долженъ былъ выпить стаканъ вина за Фоксово здоровье. На сей разъ Англичане довольно шумѣли... Fox for ever! да здравствуетъ Фоксъ! нашъ доброй, умной Фоксъ, лисица именовъ (*), левъ сердцемъ, патріотъ, другъ

(*) Фоксъ значитъ лисица.

Вестминстерскаго народа! — Тутъ были всякаго роду люди: и Лорды и ремесленники. Кпо имѣетъ свой уголокъ въ Веспминсперъ, пошъ имѣетъ и голосъ.

На другой день рано по утру опшправился я съ земляками своими на Ковенгарденскую площадь, уже наполненную народомъ, пакъ чпо мы съ трудомъ нашли себѣ мѣсто подлѣ галлерей, копорая на это время дѣлается изъ досокъ, и въ копорой Избиратели записываютъ свой голоса. Самихъ Кандидатовъ еще не было; но друзья ихъ рабопали, говорили рѣчи, махали шляпами и кричали: Hood for ever! Fox for ever! Тутъ люди въ голубыхъ ленпахъ дружески пожимали руку у сапожниковъ. — Вдругъ явился человекъ лѣтъ пятидесяти, неопрятно одѣтый, видомъ неважный, снялъ шляпу и показалъ, чпо хочетъ говорить. Все умолкло. „Сограждане!“ ска-

залъ онъ, понюхавъ нѣсколько разъ
табаку, копорымъ засыпанъ былъ
весь длинной камзолъ его: „сограж-
„дане! истинная Англійская сво-
„бода у насъ давно уже не въ модѣ;
„но я человекъ старинной, и люб-
„лю отечество по старинному.
„Вамъ говорятъ, что нынѣшній
„день есть торжество граждан-
„скихъ правъ вашихъ; но пользует-
„есь ли вы ими, когда вамъ пред-
„лагаютъ изъ двухъ Кандидатовъ
„выбрать двухъ Членовъ? Они уже
„выбраны! Министры съ против-
„никами согласились, и надъ вами
„шуютъ.“ — (Тутъ онъ еще
нѣсколько разъ понюхалъ таба-
ку, а народъ говорилъ: „это прав-
„да; надъ нами шуютъ.“). — „Со-
„граждане! для поддержанія ва-
„шихъ правъ, драгоценныхъ мо-
„ему сердцу, я самъ себя предла-
„гаю въ Кандидаты. Знаю, что
„меня не выберутъ; но по крайней
„мѣрѣ вы будете выбирать. Я Горнъ

„Тукъ : вы обо мнѣ слышали, и
 „знаете, что Министерство меня
 „не жалуется.“ — *Браво!* закричали
 многіе: *мы подадимъ за тебя голо-*
са! Въ ту же минуту подошелъ
 къ нему съдой спарикъ на клю-
 кахъ, и всѣ вокругъ меня произ-
 несли имя его: *Вилькесъ! Вилькесъ!*
 Вамъ, друзья мои, извѣстна ис-
 торія эпова человека, которой
 нѣсколько лѣтъ игралъ знамени-
 тую ролю въ Англіи, былъ страш-
 нымъ врагомъ Министра, са-
 маго Парламента, и доломъ народа;
 думалъ только о личныхъ своихъ
 выгодахъ, и хотѣлъ быть ужас-
 нымъ единственно для того, что-
 бы получить доходное мѣсто; по-
 лучилъ его, обогатился и сошелъ
 съ шумнаго театра. Онъ сказалъ
 Горну: „мой другъ! этою дрожа-
 „щею рукою напишу я имя свое
 „въ книгѣ, и умру спокойнѣе, есть.
 „ли ты будешь Членомъ Парла-
 „мента.“ Горнъ обнялъ его съ хо-

лоднымъ видомъ, и началъ нюхать табакъ.

Горнъ Тукъ былъ, во время Американской войны, проповѣдникомъ въ Брендсфордѣ, писалъ въ газетахъ противъ Двора, сидѣлъ за шпиль въ тюрьмѣ, не унялся, и понынѣ еще ставилъ себѣ за честь быть врагомъ Миниспровъ. Онъ говоритъ сильно, пишетъ еще сильнѣе, и многіе считаютъ его Авторомъ славныхъ *Юніевыхъ писемъ*.

Раздался голосъ: „дайте мѣсто Кандидамъ!“ Мы увидѣли процессію... Напередѣ знамена, съ изображеніемъ Гудова и Фоксова имени, и съ надписью: *за отечество, народъ, конституцію*. За ними шли друзья Кандидатовъ съ разноцвѣтными кокардами на шляпахъ; за ними сами Кандидаты: Фоксъ, толстой, маленькой, черноволосой, съ густыми бровями, съ румянымъ лицомъ, человекъ лѣтъ въ 45, въ синемъ фракѣ—и Гудъ,

высокой, худой, лѣтъ пятидесяти, въ Адмиральскомъ зеленомъ мундирѣ. Они спали на доски, усипанные коврами, и каждый говорилъ народу привѣтствіе. Начался выборъ. Избиратели входили въ галерею, и записывали голоса свои; что продолжалось нѣсколько часовъ. Между тѣмъ мальчикъ лѣтъ тринадцати взлѣзъ на галерею и кричалъ надъ головою Кандидатовъ: *здравствуй Фоксъ! провались сквозь землю Тудъ!* а черезъ мину: *здравствуй Тудъ! провались сквозь землю Фоксъ!* Никто не унималъ шалуна, а Кандидаты даже и не взглянули на него.

Наконецъ объявили имена новыхъ Членовъ: Гуда и Фокса. За Горна Тука было только 200 голосовъ; но онъ вмѣстѣ съ избранными говорилъ благодарную рѣчь народу, и сказалъ: „я никакъ не думалъ, „чтобы въ Веспминсперѣ нашлось 200 настріоновъ; теперь ви-

„жу, и радуюсь такому числу.“ —
 Тупѣ Фокса посадили на кресла,
 украшенныя лаврами, и въ пріум-
 фѣ понесли домой; знамена раз-
 вѣвались надъ его головою, музы-
 ка тремѣла, и тысячи голосовъ
 восклицали: Fox for ever! *Виватъ!*
ура! Фоксѣ уже въ пятой разѣ
 избирается опѣ Веспминспера: и
 такѣ не мудрено, что онѣ си-
 дѣлъ на торжественныхъ креслахъ
 очень покойно и свободно, то улы-
 бался, то хмурилъ густыя черныя
 брови свои. — И Гуда хотѣли не-
 ссти; но онѣ просилъ увольненія,
 и одинѣ изъ друзей его сказалъ:
 „Адмиралѣ нашѣ любитѣ пріум-
 фы только на морѣ!“ — —

Теперь, друзья мои, опишу вамѣ
 другова роду происшествіе. Сюда
 недавно пріѣхалѣ курьеромѣ изъ
 П* господинѣ N. N., человекѣ не
 молодой, копорой, не жалѣя пол-
 сшаго брюха своего, скачетѣ изъ
 земли въ землю, чтобы оспальны-

ми опѣ прогоновѣ червонцами кормить жену и дѣтей своихъ. И такъ вы не осудите его, что онъ скупъ, и пріѣхавъ въ Лондонъ, не хотѣлъ сшить себѣ фрака, а ходилъ по улицамъ въ коропенькомъ синемъ мундирѣ, въ длинномъ красномъ камзолѣ и въ черномъ бархатномъ карпузѣ; но здѣшній народъ не вы — мальчики бѣгали за нимъ и кричали: *смотрите, какая тучела!* Мы приспустили къ нему, чтобы онъ одѣлся по-людски, и наконецъ убѣдили. Господинъ Н. Н. сдѣлалъ себѣ модной фракъ, купилъ прекрасную шляпу, и далъ намъ слово обновить ихъ въ день выборовъ. Мы зашли къ нему, чтобы итти вмѣстѣ на площадь, и ахнули отъ удивленія: онъ надѣлъ сверхъ кафшана синюю полсшую епанчу, а на шляпу какой-то фуляръ изъ клеенки, боясь дождя! Мы сорвали съ него то и другое; увѣрили, что небо чисто — и по-

шли. Несчастной! Солнце долго сіяло, но часу въ пятомъ, когда уже мы возвращались домой, небо зашуманилось, ударилъ дождь, и нашъ N. N. бросился подъ зонтикъ пирожной лавки, ругая насъ немилосердо. Мы остановились, и черезъ минушу были окружены множествомъ людей. Вдругъ видимъ, что пріятель нашъ съ кѣмъ-то разговариваетъ очень весело, смѣется, рассказываетъ — и вдругъ, оцѣпенѣвъ, блѣднѣетъ отъ ужаса. Что такое? . . . у него украли изъ кармана деньги, копорыя онъ безпрестанно держалъ рукою; но заговорившись съ незнакомцемъ, орапоръ нашъ хотѣлъ сдѣлать какой-то выразительной жестъ, вынулъ изъ кармана руку, и черезъ двѣ секунды не нашелъ уже въ немъ кошелька. Подивись искусству здѣшнихъ воровъ! Мы совѣповали бѣдному N. N. не брать денегъ: онъ не послушался.

Нигдѣ такъ явно не терпимы воры, какъ въ Лондонѣ; здѣсь имѣютъ они свои Клубы, свои Таверны, и раздѣляющся на разные классы: на пѣхопу и конницу (footpad, highwayman) на домовыхъ и карманныхъ (housebreaker, pickpocket). Англичане боясь строгой полиціи, и лучше хотѣтъ бытъ обкрадены, нежели видѣтъ вездѣ караулы, пикеты, и жить въ городѣ какъ въ лагерѣ. За то они берутъ осторожность; не возятъ и не носятъ съ собою много денегъ, и рѣдко ходятъ по ночамъ, особливо же за городомъ. Мы Рускіе вздумали однажды въ 11 часовъ ночи ѣхать въ Воксалъ. Что же? выѣзжая изъ города, увидѣли, что у насъ за каретою сидитъ человекъ пять съ ужасными рожами; мы остановились, согнали ихъ, но слѣдуя совѣту Благоразумія, ворошились назадъ. Негодяи могли бы въ полѣ догнать

насѣ и ограбить. Въ другой разѣ я и Д* испугали самихъ воровъ. Мы гуляли пѣшкомъ близъ Ричмонда, запоздали, сбились съ дороги, и очутились въ пустомъ мѣстѣ, на берегу Темзы, въ бурную ночь, часу въ первомъ; идемъ и видимъ подъ деревомъ сидящихъ двухъ человѣкъ. Добрымъ людямъ мудрено было въ такое время сидѣть въ полѣ и на дождѣ. Что же дѣлать? спаслись дерзостію, *parer d'audace*, какъ говорятъ Французы—смѣлымъ Богъ владѣетъ—прямо къ нимъ, скорымъ шагомъ! Они вскочили и дали намъ дорогу. — Въ Англіи никогда не возьмутъ въ шюръму человѣка по вѣроятности, что онъ воръ; надобно поймать его на дѣлѣ и представитъ свидѣтелей; иначе вамъ же бѣда, еслили приведете его безъ неоспоримыхъ законныхъ доказательствъ.

Т е а т р ъ.

Лѣшомъ бываетъ здѣсь только одинъ Гемеркешской Театръ, на кошпоромъ однакожь играютъ всѣ лучшіе Ковенгарденскіе и Друриленскіе актеры (*). Зрителей всегда множество: и въ ложахъ и въ партерѣ; народъ бываетъ въ галлереяхъ. Въ первой разѣ видѣлъ я Шекспирова Гамлета — и лучше, есхъли бы не видалъ! Актеры говорятъ, а не играютъ; одѣхъ дурно, декораціи бѣдныя. Гамлетъ былъ въ черномъ Французскомъ кафтанѣ, съ полсхътымъ пучкомъ и въ голубой ленѣ; Королева въ роброндѣ, а Король въ Гишпанской епанчѣ. Лакеи въ ливреѣ приносятъ на сцену декорацію, одну ставятъ, другую берутъ на плеча, пащатъ — и эхъто дѣлаехъся во время представленія! Какая розница съ Парижскими театрами!

(*) Два главные Лондонскіе Театра.

Я сердился на актеровъ не за себя, а за Шекспира, и дивился зрителямъ, копорые сидѣли покойно и съ великимъ вниманіемъ слушали; изрѣдка даже хлопали. Угадайте, какая сцена живѣе всѣхъ дѣйствовала на публику? та, гдѣ копающъ могилу для Офеліи, и гдѣ работники, играя словами, говорящъ, что первой дворянинъ былъ Адамъ, the first that ever bore arms, и тому подобное. Одна Офелія занимала меня: прекрасная актриса (*), прекрасно одѣтая, и прогапельная въ сценахъ безумія; она напомнила мнѣ Дюгазонъ въ Нинѣ; и поетъ очень пріятно. — Я видѣлъ еще Оперу Инкле и Ярико (копорую играли не очень хорошо, но гораздо лучше Гамлета) и еще при Комедіи или *буфонады*, въ копорыхъ зрители очень смѣялись. — Говорящъ, что у Ан-

(*) Биллингтонъ, естѣли не ошибаюсь.

гличанъ есть Мельпомена : госпожа Сиддонсъ, рѣдкая прагическая Актриса ; но ее теперь нѣтъ въ Лондонѣ. Гораздо болѣе нашелъ я удовольствія въ здѣшней Италіанской Оперѣ. Играли Андромаху. Маркези и Мара пѣли; музыка прекрасная. Дни два опъзывался въ ушахъ моихъ прогашельной дуэти:

Quando mai, astri tiranni,
Avran fine i nostri affanni ?
Quando paghi mai farete
Della vostra crudelta ?

Въ театръ я купилъ эту Оперу , поднесенную Принцу Валлисскому при слѣдующемъ Англійскомъ письмѣ, которое перевозжу для васъ какъ рѣдкую вещь :

„Спранно покажется , что я
„осмѣливаюсь поднести Италіан-
„скую Оперу Вашему Королевско-
„му Высочеству. Хотя Юпитеръ
„принималъ въ жертву быковъ, но
„никто не смѣлъ дарить его му-
„хами. Принцъ споль искусный ,

„какъ Ваше Высочество, во всѣхъ
 „опвлеченныхъ наукахъ и самой
 „изящнѣйшей Литтературѣ, не
 „можетъ дорожить оперною без-
 „дѣлкою. Восхищительныя преле-
 „сти музыки, разсыпанныя въ сей
 „Оперѣ, *озлащаютъ* нѣкоторымъ
 „образомъ сей малый трудъ; но я
 „имѣю нѣчто важнѣйшее для мо-
 „его оправданія. Славный Понтифъ,
 „Леонъ X. не презрѣлъ поднесен-
 „ной ему книги о *поваренномъ ис-*
 „*кусствѣ*, и мы читаемъ въ Вал.
 „Максимъ, что Персидской Мо-
 „нархъ принялъ въ даръ спарой
 „кафшанъ съ такимъ снисхожде-
 „ніемъ, что наградиъ дашеля Са-
 „мосскимъ островомъ. Первый былъ
 „самый остроумнѣйшій изъ вла-
 „дыкъ земныхъ, а впорый силь-
 „нѣйшій: два качества, копорыя
 „чудесно соединяются въ Вашемъ
 „Высочествѣ. Лучезарное свѣти-
 „ло не опказываетъ въ улыбкѣ сво-
 „ей ни червячку, ни былинкѣ; а

„высокая благодѣтельность ваше-
 „го сердца не имѣетъ другаго при-
 „мѣра.— Вашего Высочества по-
 „корнѣйшій слуга К. Ф. Бадини.“

Послѣ такого письма я хотѣлъ
 бы лично узнать господина Ба-
 дини.

Лондонъ, Іюля... 1790.

Я хотѣлъ иппи за городъ, въ
 прекрасную деревеньку Гамспетъ;
 хотѣлъ взойппи на холмъ *Прим-
 розъ*, гдѣ благоухаетъ скошенное
 сѣно; хотѣлъ опшуда посмопрѣппъ
 на Лондонъ, возвраппиться къ но-
 чи въ городъ и ѣхать въ Воксалъ
 . . . но нигдѣ не былъ, и не жа-
 лѣю. День не пропалъ: сердце мое
 было пронупо!

Подлѣ самага Cavendish Square
 вспрѣппился мнѣ старой, слѣпой
 нищій, копораго вела. . . собачка,
 привязанная на снуркѣ. Собачка

остановилась, начала ко мнѣ ласкаться, лизать ноги мои; нищій сказалъ помнымъ голосомъ: „добро́й господинъ! сжа́лся надъ бѣ́днымъ и слѣ́пымъ! my dear sir, I am poor and blind!“ Я отдалъ ему шиллингъ. Онъ поклонился, пронулъ снурокъ, и собачка побѣжала. Я пошелъ за ними. Собачка вела его серединою *тротуара*, какъ можно далѣе отъ края и всѣхъ опверспій, чтобы слѣпой спарикъ не упалъ; часто останавливалась, ласкала людей (но не всѣхъ, а по выбору: она казалась фیزیогномистомъ)! и почти всякой давалъ нищему. Мы прошли двѣ улицы. Собачка остановилась подлѣ женщины, не молодой, но миловидной и очень бѣдно одѣтой, которая прошивъ одного дому сидѣла на стулѣ, играла на люпнѣ и пѣла жалобнымъ голосомъ. Прекрасной мальчикъ, также бѣдно одѣтый, держалъ въ рукахъ нѣсколько пе-

чапныхъ лиспочковъ, споялъ при-
слонившись къ стѣнѣ и умильно
смопрѣлъ на поющую. Увидѣвъ
спарика, онъ подбѣжалъ къ нему
и сказалъ: „доброй Томасъ! здоровъ
ли ты?“ — *Слава Богу! а мать
твоя? . . . Какъ она хорошо поетъ!
послушаю.* — Сынъ началъ ласкать
собачку; а мать, поговоривъ съ спа-
рикомъ, снова заиграла и запѣла
. . . Я долго слушалъ и положилъ
ей на колѣни нѣсколько пенсовъ.
Мальчикъ взглянулъ на меня бла-
годарными глазами и подалъ мнѣ
печатной лиспокъ. Это былъ гимнъ,
которой пѣла мать его. Вмеѣсто
того, чтобы идти за городъ, я
возвратился домой и перевелъ
гимнъ. Вотъ онъ:

Господь есть бѣдныхъ покровитель
И всѣхъ печальныхъ утѣшитель;
Всевышній зрѣтъ, что нужно намъ,
И двумъ тоскующимъ сердцамъ

Пошлетъ въ свой часъ отпращу.

Ошдасъ ли насъ Онъ въ жершву гладу?

Забудеть ли Отецъ дѣшей?

Прохожій сжалился надъ нами

(Есть сердце у людей!)

А мы молитвой и слезами

Заплашимъ долгу ему.

Въ словахъ нѣтъ ничего оптимистическаго; но естълибъ вы, друзья мои, слышали, какъ бѣдная женщина плакала, то не удивились бы, что я переводилъ ихъ — со слезами.

Ранела.

Нынѣшнюю ночь кареша служила мнѣ спальнею! — Въ 8 часовъ оправились мы Рускіе въ Ранела пѣшкомъ; не шли, а бѣжали, боясь опоздать; успали до смерти, потому что отъ моей улицы до Ранела конечно не менѣе пяти верстъ, и въ десятомъ часу вошли въ большую круглую залу, прекрасно освѣщенную, гдѣ гремѣла музыка. Тутъ въ лѣшніе вечера собирается хо-

рошее Лондонское общество, чшо-
бы слушать музыку и гулять. Въ
ропондѣ сдѣланы въ два ряда ло-
жи, гдѣ женщины и мужчины са-
дясь отдыхать, пить чай и смо-
трѣть на множество людей, ко-
торые вершались въ залѣ. Мы
взглянули на собраніе, на украше-
нія залы, на высокой оркестръ, и
пошли въ садъ, гдѣ горѣлъ фейер-
веркъ; но любуясь имъ, чуть было
не подвергнулись судьбѣ Семеле-
иной: искры осыпали насъ съ го-
ловы до ногъ.— Возвратясь въ ро-
понду, я сѣлъ въ ложѣ подлѣ од-
ного спарика, который насвисты-
валъ разныя пѣсни, какъ Спер-
новъ дядя Тоби, но впрочемъ не
мѣшалъ мнѣ молчать и смотрѣть
на публику. Можетъ быть дѣй-
ствіе свѣчь обманывало глаза мои:
только мнѣ казалось, что я ни-
когда еще не видывалъ вмѣстѣ
столько красавицъ и красавцевъ,
какъ въ Ранела; а вы согласитесь,

что такое зрѣлище очень занима-
тельно. Къ несчастью у меня
спрашно болѣла голова, и я во вто-
ромъ часу, оставивъ поварищей
своихъ веселиться, пошелъ искать
карешы; съ трудомъ нашелъ, сѣлъ,
велѣлъ вести себя въ Оксфорд-
скую улицу и заснулъ. Просыпа-
юсь у своего дому — вижу день
— смотрю на часы: пять . . . и
такъ я при часа ѣхалъ! Кучеръ
сказалъ, что мы около двухъ сто-
яли на одномъ мѣстѣ, и что ни-
какъ не лзя было проѣхать за
множествомъ карешъ.

Лондонъ, Июля . . . 1790.

Нынѣшнее утро видѣлъ я въ
славномъ Британскомъ Музеумѣ
множество древностей Египет-
скихъ, Этрурскихъ, Римскихъ,
жертвенныхъ орудій, Американ-
скихъ идоловъ, и проч. Мнѣ пока-

зывают одну Египетскую глиняную
 ноздреватую чашу, которая имѣ-
 етъ удивительное свойство: естъ-
 ли налишь ее водою, и вложишь въ
 которой нибудь изъ ея иаружныхъ
 поровъ салапное сѣмя, то оно рас-
 пустился и черезъ нѣсколько дней
 произведетъ праву. Я съ любопыт-
 ствомъ разсматривалъ еще *Лак-*
риматоріи, или маленькіе глиня-
 ные и спеклянные сосуды, въ ко-
 торые Римляне плакали на погре-
 беніяхъ; но всего любопытнѣе былъ
 для меня оригиналъ Магны Хар-
 шы, или славный договоръ Англи-
 чанъ съ ихъ Королемъ Іоанномъ,
 заключенный въ 13 вѣкѣ, и слу-
 жащій основаніемъ ихъ конспи-
 пиціи. Спросите у Англичанина,
 въ чемъ состоятъ ея главныя вы-
 годы? Онъ скажетъ: *я живу, гдѣ*
хочу; увѣренъ въ томъ, что имѣю;
не боюсь ничего, кромѣ законовъ.
 Разогните же Магну Харшу: въ ней
 Король утвердилъ клятвенно сіи

права для Англичанъ — и въ какое время? когда всѣ другіе Европейскіе народы были еще погружены въ мрачное варварство.

Изъ Музеума прошелъ я въ домъ Ост-Индской Компаніи и видѣлъ съ удивленіемъ ея огромные магазины. Общество частныхъ людей имѣетъ въ совершенномъ подданствѣ богатѣйшія, обширныя справы міра, цѣлыя (можно сказать) государства; избираетъ Губернаторовъ и другихъ начальниковъ; содержитъ тамъ армію, воюетъ и заключаетъ миръ съ державами! Это безпримѣрно въ свѣтѣ. Президентъ и 24 Директора управляютъ дѣлами. Компанія продаетъ свои товары всегда съ публичнаго торгу — и хопя снабжаетъ ими всю Европу; хопя выручаетъ за нихъ милліоны: однакожъ расходы ея такъ велики, что она очень много должна. Слѣдственно ей болѣе славы, нежели прибыли; но со-

гласишесь , что Англійской богатой купецъ не можетъ завидовать никакому сосполянiю людей въ Европѣ !

Семейственная жизнь.

Берега Темзы прекрасны ; ихъ можно называть цвѣтниками — и вопреки Англійскимъ шуманамъ , здѣсь царствуетъ Флора. Какъ милы сельскіе домики , оплещенные розами снизу до самой кровли (*), или густо осѣненные деревьями , такъ что ни одинъ яркой лучъ солнца не можетъ въ нихъ проникнуть !

Но картина добрыхъ нравовъ и семейственнаго щастія всего бо-

(*) Видъ прекрасной. Вѣтви съ цвѣтами , нарочно поднятые вверхъ , переплетаются , и достаютъ до кровли низенькихъ домиковъ.

лѣе восхищаетъ меня въ дерев-
няхъ Англійскихъ, въ копорыхъ
живушъ теперь многіе досташоч-
ные Лондонскіе граждане, дѣла-
ясь на лѣпо поселянами. Всякое
Воскресенье хожу въ какую нибудь
загородную церковь слушаю мо-
ральную, ясную проповѣдь во вку-
сѣ Йориковыхъ, и смотрѣю на
спокойныя лица опцовъ и супруговъ,
которые всѣ усердно молятся Все-
вышнему и просятъ, кажется, един-
ственно о сохраненіи того, что
уже имѣюшъ. Въ церквахъ сдѣланы
ложи — и каждая занимается особ-
ливымъ семействомъ. Матери окру-
жены дѣтьми — и я нигдѣ не ви-
дывалъ такихъ прекрасныхъ малю-
шкѣ, какъ здѣсь: совершенно *кросъ*
сѣ молокомѣ, какъ говорятъ Рус-
кіе; одушевленные цвѣточки, лю-
безные Зефиру; все маленькіе Эми-
ли, все маленькія Софіи. Изъ цер-
кви каждая семья идетъ въ свой
садикъ, копорой разгоряченному

воображенію кажепся по крайней мѣрѣ уголкоу Мильтонова Эдема; но, къ щасію, пупѣ нѣпѣ змѣя-искусителя: миловидная хозяйка гуляетъ рука въ руку съ мужемъ своимъ, а не съ прелестникомъ, не съ *Citisee*... однимъ словомъ, здѣсь рѣдкой холостой человекъ не вздохнетъ, видя красоту и щасіе дѣшей, скромность и благонравіе женщинъ. Такъ, друзья мои, здѣсь женщины скромны и благонравны, слѣдственно мужья щасливы; здѣсь супруги живутъ для себя, а не для свѣта. Я говорю о среднемъ состояніи людей; впрочемъ и самые Англійскіе Лорды, и самые Англійскіе Герцоги не знаютъ того всегдашняго разсвѣтія, которое можно назвать спихіею нашего, пакъ называемаго *хорошаго общества*. Здѣсь балъ или концертъ есть важное происшествіе: объ немъ пишутъ въ газетахъ. У насъ правило: *свѣто*

быть въ гостяхъ , или принимать
 гостей. Англичанинъ говоришь : я
 хоту быть счастливымъ дома , и
 только изрѣдка имѣть свидѣтелей
 моему счастью. Какія же слѣд-
 ствія ? Свѣтскія дамы , будучи
 всегда на сценѣ , привыкають ду-
 мать единственно о театральныхъ
 добродѣтеляхъ. Со вкусомъ одѣшь-
 ся , хорошо войти , пріятно взгля-
 нушь , есть важное достоинство
 для женщины , которая живетъ въ
 гостяхъ , а дома только спитъ или
 сидитъ за туалетомъ. Нынѣ боль-
 шой ужинъ , завтра балъ ; красави-
 ца танцуетъ до пяти часовъ ут-
 ра ; и на другой день до того ли
 ей , чобы заниматься своими мо-
 ральными должностями ? Напро-
 шивъ того Англичанка , воспитыва-
 емая для домашней жизни , приоб-
 рѣтаетъ качества доброй супру-
 ги и матери , украшая душу свою
 добрыми склонностями и навыками ,
 которые предохраняють насъ отъ

скуки вѣ уединеніи, и дѣлають од-
ного человека сокровищемъ для
другова. Войдите здѣсь по упру
въ домъ: хозяйка всегда за руко-
дѣльемъ, за книгою, за клавесиномъ,
или рисуемъ, или пишемъ, или
учимъ дѣтей, въ пріятномъ ожи-
даніи той минуты, когда мужъ,
ошправивъ свои дѣла, возврати-
ся съ биржи, выйдетъ изъ кабине-
та и скажетъ: *теперь я твой! те-
перь я вашъ!* Пусть назовутъ ме-
ня, чѣмъ кому угодно; но призна-
юсь, что я безъ какой-то внутрен-
ней досады не могу видѣть моло-
дыхъ супруговъ въ свѣтѣ, и гово-
рю мысленно: „Нещасные! что
„вы здѣсь дѣлаете? Развѣ дома,
„среди вашего семейства, въ обѣ-
„ятіяхъ любви и дружбы, вамъ не
„что развѣ пріятнѣе, нежели въ
„этомъ пусто-блещущемъ кру-
„гу, гдѣ не только добрыя свой-
„ства сердца, но и самый умъ едва
„ли не безъ дѣла; гдѣ знаніе ка-

„кой-то приличности составляет
 „всю науку; гдѣ *быть нестраннымъ*
 „есть верхъ искусства для мужчи-
 „ны, и гдѣ двѣ, при женщины бы-
 „вающъ для того, чтобы удивля-
 „лись красотѣ ихъ, а всѣ прочія...
 „Богъ знаетъ, для чего; гдѣ съ
 „большими издержками и хлоп-
 „отами люди проводятъ нѣсколько
 „часовъ въ упоминательной игрѣ
 „ложнаго веселья? Если у васъ
 „нѣтъ дѣтей, мнѣ оспается толь-
 „ко жалѣть, что вы не умѣете
 „наслаждаться другъ другомъ, и не
 „знаете, какъ мило проводить цѣ-
 „лые дни съ любезнымъ человѣкомъ,
 „дѣля съ нимъ дѣло и бездѣлье, въ
 „полной душевной свободѣ, въ мир-
 „номъ расположеніи сердца. А если
 „ли вы родили, то пренебрегаете
 „одну изъ святейшихъ обязан-
 „ностей человѣчества. Въ самую
 „ту мину, когда ты, безпечная
 „мать, прыгаешь въ конпръ-дансѣ,
 „маленькая дочь твоя падаетъ,

„можетъ быть, изъ рукъ неоспо-
 „рожной кормилицы, чшобы на всю
 „жизнь сдѣлаться уродомъ, или
 „семилѣтній сынъ, оставленный
 „сѣ наемнымъ учипелемъ и слуга-
 „ми, видипъ какой нибудь дурной
 „примѣръ, которой сѣепъ въ его
 „сердце порокъ и несчастіе. Сидя
 „за клавесиномъ, среди блестящаго
 „общества, ты, красавица, хочешь
 „нравипься, и поешь какъ малинов-
 „ка; но малиновка не оставляетъ
 „птенцовъ своихъ! Одна попечи-
 „пельная мать имѣепъ право жа-
 „ловаться на судьбу, еспли не
 „хороши дѣти ея; а та, копорая
 „свѣтскія удовольствія предпочи-
 „паетъ семейспвеннымъ, не мо-
 „жетъ назваться попечипельною.“

И какимъ опасностямъ подвер-
 жена въ свѣтѣ добродѣпель моло-
 дой женщины? Скажите, не вино-
 вна ли она передъ своимъ мужемъ,
 какъ скоро хочетъ нравипься дру-
 гимъ? Что же иное можетъ пи-

пашь склонность ея къ свѣтскимъ
обществамъ? Слабости имѣютъ
свою поспешность, и переливы
едва примѣтны. Сперва молодая
супруга хочетъ только заслужить
общее вниманіе или красотою или
любезностію, чтобы *оправдать вы-*
боръ ея мужа, какъ думаетъ; а
тамъ родится въ ней желаніе
нравиться какому нибудь знатоку
болѣе, нежели другому; а тамъ
—надобно хитрить, заманивать,
подавать надежду; а тамъ... не
увидишь, какъ и сердце вмѣшается
въ планы самолюбія; а тамъ—
бѣдной мужъ! бѣдныя дѣти!

Всего же несчастнѣе она сама.
Хорошо, если бы до конца мож-
но было жить въ упоеніи стра-
стей; но есть время, въ которое
все оставляетъ женщину, кромѣ
ея добродѣтели; въ которое одна
благодарная любовь супруга и дѣ-
тей можетъ разсѣять грусть ея
о потерянной красотѣ и многихъ

пріятностяхъ жизни, увядающихъ
вмѣстѣ съ цвѣтомъ наружныхъ
прелестей. Что, если оскор-
бленный мужъ убѣгаетъ тогда ея
взоровъ; если дурно воспитан-
ныя дѣти, не обязанныя ей ни-
чѣмъ, кромѣ несчастной жизни и
пороковъ своихъ, всякой часъ рас-
правляютъ раны сердца ея зна-
ками холоднои, нелюби, самаго
презрѣнія?... Обращались ли къ свѣ-
ту? Но тамъ время переломило
ея скипетръ, угодники исчезли—
Зефиръ опахала ея не приманива-
етъ уже Сильфовъ — и развѣ по-
добная ей несчастная кокетка
сядетъ подлѣ нее, чтобы излишь
желчь свою на умы и на сердца
людей.

Говорю о женщинахъ для того,
что сердцу моему пріятнѣе зани-
маться ими; но главная вина безъ
всякаго сомнѣнія на сторонѣ му-
щинъ, которые не умѣютъ поль-
зоваться своими правами для вза-

имнаго щаспія, и лучше хопятъ бытъ спроппивыми рабами, нежели умными, вѣжливыми и любезными властелинами нѣжнаго пола, созданнаго прельщатъ, слѣдствен-но не власпвоватъ, попому что сила не имѣетъ нужды въ прельщеніи. Часто должно жалѣть о *мужѣ*, но о *мужьяхъ* никогда. Мягкое женское сердце принимаетъ всегда образъ нашего; и естли бы мы вообще любили добродѣтель, то милыя красавицы изъ кокетства сдѣлались бы добродѣтельными.

Я всегда думалъ, что дальнѣйшіе успѣхи просвѣщенія должны болѣе привязатъ людей къ домашней жизни. Не пустоша ли душевная увлекаетъ насъ въ разсѣяніе? Первое дѣло истинной Философіи есть обратитъ человека къ неизмѣннымъ удовольствіямъ *Натуры*. Когда голова и сердце заняты дома пріятнымъ образомъ;

когда въ рукѣ книга, подлѣ милая жена, вокругъ прекрасныя дѣвицы, захочется ли ѣхать на балъ, или на большой ужинъ?

Мысль моя не та, чѣмъбы супруги должны были всю жизнь провести съ глазу на глазъ. Гименей не есть ни пюремщикъ, ни опшельникъ, и мы рождены для общества; но согласишься, что въ свѣтскихъ собраніяхъ всего менѣе наслаждающагося обществомъ. Тамъ нѣтъ мѣста ни разсужденіямъ, ни разсказамъ, ни изліяніямъ чувства; всякой долженъ сказать слово мимоходомъ и увернуться въ сторону, чѣмъбы пускаться на сцену другаго; всѣ безпокойны, чѣмбы не проговориться и не обличить своего невѣжества въ *хорошемъ тонѣ*. Однимъ словомъ, это вѣчная дурная комедія, называемая *принужденіемъ*, безъ связи, а всего болѣе безъ интереса.—Но пріятностію общества наслаждаемъ.

ся мы въ коропкомъ обхожденіи съ друзьями и сердечными пріятелями, которыхъ первой взоръ открываетъ душу; которые приходятъ къ намъ мѣнясья мыслями и наблюденіями, шутить въ веселомъ расположеніи, грустить въ печальномъ. Выборъ такихъ людей зависитъ отъ ума супруговъ; и не всего ли ближе искать ихъ между тѣми, которыхъ сама Напура предлагаетъ намъ въ друзья, то есть, между родственниками? О милые союзы родства! вы бываете твердѣйшею опорою добрыхъ нравовъ—и есть-ли я въ чемъ нибудь завидую нашимъ предкамъ, то конечно въ привязанности ихъ къ своимъ ближнимъ.

Вольперъ въ концѣ своего остроумнаго и безобразнаго романа (*) говоритъ: *друзья! пойдѣмъ рабо-*

(*) Кандида.

татъ въ саду! слова, копорыя часто опзываются въ душѣ моей послѣ ушомишельнаго размышленія о тайнѣ рока и щаспія. Можно еще примолвить: „пойдемъ „любимъ своихъ домашнихъ, род- „сшвенниковъ и друзей; а прочее „оспавимъ на произволъ судьбы!“

Не смопря на Лондонскую огромную церковь Св. Павла; не глядя на Темзу, черезъ копорую великолѣпные мосты перегибаются, и на копорой песпрѣюшъ флаги всѣхъ народовъ; не удивляясь богатству магазиновъ Осп-Индской Компаніи, и даже не въ собраніи здѣшняго Ученаго Королевскаго Общесшва говорю я: *Англитане просвѣщенны!* нѣтъ; но видя, какъ они умѣютъ наслаждаться семейсшвеннымъ щаспіемъ, швержу спо разъ: *Англитане просвѣщенны!*

Литтература.

Литтература Англичанъ, подобно ихъ характеру, имѣетъ много *особенности*, и въ разныхъ частяхъ превосходна. Здѣсь общество живописной Поэзіи (Poésie descriptive): Французы и Нѣмцы переняли сей родъ у Англичанъ, которые умѣютъ замѣчать самыя мѣлкія черты въ Природѣ. По сіе время ничто еще не можетъ сравняться съ Томсоновыми *временами года*; ихъ можно назвать зеркаломъ Натуры. Сенъ-Ламберъ лучше нравится Французамъ; но онъ въ своей Поэмѣ кажется мнѣ Парижскимъ щеголемъ, которой, выѣхавъ въ загородной домъ, смотритъ изъ окна на сельскія картины и описываетъ ихъ въ хорошихъ стихахъ; а Томсона сравню съ какимъ нибудь Швейцарскимъ или Шотландскимъ охотникомъ, которой, съ ружьемъ въ рукѣ, всю жизнь бродитъ по лѣсамъ и деб-

рямъ, опдыхаешъ иногда на холмъ или на скалъ, смопришъ вокругъ себя, и что ему полюбишся, что Природа вдохнешъ въ его душу, то изображаешъ карандашемъ на бумагѣ. Сенъ - Ламберъ кажется пріятнымъ госпомъ Напуры, а Томсонъ ея роднымъ и домашнимъ. — Въ Англійскихъ Поэтахъ есть еще какое-то *простодушіе*, не совсемъ древнее, но сходное съ Гомеровскимъ; есть меланхолія, которая изливается болѣе изъ сердца, нежели изъ воображенія; есть какая-то спранныя, но пріятная мечпашельность, которая, подобно Англійскому саду, представляетъ вамъ тысячу неожиданныхъ вещей. — Самымъ же лучшимъ цвѣткомъ Британской Поэзіи считается Мильпоново описаніе Адама и Евы и Драйденова Ода на музыку. Любопытно знать то, что Поэма Мильпонова, въ которой споль много прекраснаго

и великаго, спо лѣтъ продавалась, но едва была извѣстна въ Англіи. Первой Аддисонъ поднялъ ее на высокой пьедесталь и сказалъ : *удивляйтесь!*

Въ Драматической Поэзіи Англичане не имѣютъ ничего превосходнаго, кромѣ твореній одного Автора; но эпосъ Авторъ есть Шекспиръ, и Англичане богаты!

Легко смѣяться надъ нимъ не только съ Вольперовымъ, но и съ самымъ обыкновеннымъ умомъ; кто же не чувствуетъ великихъ красотъ его, съ пѣмъ — я не хочу и спорить! Забавные Шекспировы Крипики похожи на дерзкихъ мальчиковъ, которые окружаютъ на улицѣ спранный одѣтаго человека и кричатъ: *какой смѣшной! какой тудакъ!*

Всякой Авторъ ознаменованъ печатью своего вѣка. Шекспиръ хотѣлъ нравиться современникамъ, зналъ ихъ вкусъ и угождалъ ему;

что казалось тогда остроуміемъ, то нынѣ скучно и пропивно: слѣдствіе успѣховъ разума и вкуса, на которые и самой великой Геній не можетъ взять мѣръ своихъ. Но всякой истинной талантъ, плаща данъ вѣку, творитъ и для вѣчности; временныя красоты исчезающъ, а общія, основанныя на сердцахъ человѣческомъ и на природѣ вещей, сохраняющъ силу свою, какъ въ Гомерѣ, такъ и въ Шекспирѣ. Величіе, истина характеровъ, занимательность приключеній, *откровенія* человѣческаго сердца, и великія мысли, разсѣяныя въ драмахъ Бришанскаго Генія, будучъ всегда ихъ магіею для людей съ чувствомъ. Я не знаю другаго Поэта, которой имѣлъ бы такое всеобъемлющее, плодотворное, неиспощимое воображеніе; и вы найдете всѣ роды Поэзіи въ Шекспировыхъ сочиненіяхъ. Онъ есть любимой сынъ богини Фан-

пазіи, которая опдала ему волшебный жезлъ свой; а онъ, гуляя въ дикихъ садахъ воображенія, на каждомъ шагу творитъ чудеса!

Еще повпоряю: у Англичанъ одинъ Шекспиръ! Всѣ ихъ новѣйшіе Трагики только-что *хотятъ* быть сильными, а въ самомъ дѣлѣ слабы духомъ. Въ нихъ есть Шекспировской *бомбастъ*, а нѣтъ Шекспирова Генія. Въ изображеніи спрасшей всегда почти заходятъ они за предѣлы истины и Напуры, можетъ быть отъ того, что обыкновенное, то есть истинное, мало прогаеетъ сонныя и флегматическія сердца Британцевъ: имъ надобны ужасы и громы, рѣзанье и погребенія, испугленіе и бѣшенство. Нѣжная черпа души не была бы здѣсь примѣчена; тихіе звуки сердца безъ всякаго дѣйствія исчезли бы въ Лондонскомъ партерѣ. — Славная Аддисонова трагедія хороша тамъ, гдѣ Ка-

понѣ говоритѣ и дѣйствуєтѣ; но любовныя сцены нестерпимы. Нынѣшнія любимыя драмы Англичанѣ: Grecian Daughter, Fair penitent, Jean Shore и проч., прогаютѣ болѣе содержаніємѣ и картинами, нежели чувствомѣ и силою Авторскаго таланта. — Комедіи ихѣ держатся запутанными интригами и каррикатурами; въ нихѣ мало истиннаго остроумія, а много *буфонства*; здѣсь Талія не смѣется, а хохочетѣ.

Примѣчанія достойно то, что одна земля произвела и лучшихѣ Романистовѣ и лучшихѣ Историковѣ. Ричардсонѣ и Фильдингѣ учили Французовѣ и Нѣмцовѣ писать романы какѣ *исторію жизни*, а Робертсонѣ, Юмѣ, Гиббонѣ, вліяли въ Исторію прелекательность любопытнѣйшаго романа, умнымѣ расположеніємѣ дѣйствій, живописью приключеній и характеровѣ, мыслями и слогомѣ. По-

слѣ Оукидиша и Тацита ничто не можетъ сравняться съ Историческимъ Тріумвирапомъ Британніи (*).

Новѣйшая Англійская Литпература совсѣмъ не достойна вниманія: теперь пишутъ здѣсь только самые посредственные романы, а Стихотворца нѣтъ ни одного хорошаго. Йонгъ, гроза щасливыхъ и утѣшитель несчастныхъ, и Спернъ, оригинальной живописецъ чувствительности, заключили фалангу безсмертныхъ Британскихъ Авторовъ.

А я заключу это письмо двумя, прелея словами объ Англійскомъ языкѣ. Онъ всѣхъ на свѣтѣ легче и простѣе, совсѣмъ почти не имѣетъ Грамматики, и кто знаетъ частицы of и to, знаетъ склоненія; кто знаетъ will и shall, знаетъ спряженія; всѣ неправиль-

(*) Т. е. съ Робертсономъ, Юмомъ и Гиббономъ.

ные глаголы можно зашвердить въ одинъ день. Но вы, читая какъ азбуку Робертсона и Фильдинга, даже Томсона и Шекспира, будете съ Англичанами нѣмы и глухи; но есть, ни они васъ, ни вы ихъ не поймете. Такъ пруденъ Англійской выговоръ, и споль мудрено узнавъ слухомъ то слово, которое вы знаете глазами! Я все понимаю, что мнѣ напишутъ, а въ разговоръ долженъ угадывать. Кажется, что у Англичанъ рты связаны, или на отверстіе ихъ положена Минисперспвомъ большая пошлина: они чуть, чуть разводятъ зубы, свиспятъ, намекаютъ, а не говорятъ. Вообще Англійской языкъ грубъ, непріятенъ для слуха; но богатъ и обработанъ во всѣхъ родахъ для письма—богатъ *краденымъ*, или (чтобъ не оскорбить Брипанской гордости) *отнятымъ* у другихъ. Всѣ ученые и по большой части моральныя

слова взяты изъ Французскаго или изъ Латинскаго, а коренные глаголы изъ Нѣмецкаго. Римляне, Саксонцы, Датчане испребили и Брипанской народъ и языкъ ихъ; говорящъ, что въ Валлисѣ есть нѣкоторые его оспашки. Песпроба Англійскаго языка не мѣшаетъ ему быть сильнымъ и выразительнымъ; а смѣлосць Спихошворцевъ удивительна; но гармоніи, и того, что въ Репорикѣ называется *тисломъ*, совсѣмъ нѣтъ. Слова опривиспыя, фразы короткія, и ни малаго разнообразія въ періодахъ! Мѣра стиховъ всегда одинакая: Ямбы въ 4 или въ 5 стопъ съ мужескимъ окончаніемъ.— Да будетъ же честь и слава нашему языку, копорой въ самородномъ богатствѣ своемъ, почти безъ всякаго чуждаго примѣса, печетъ какъ гордая, величественная рѣка — шумитъ, гремитъ — и вдругъ, еслили надобно, смягчается, жур-

чишѣ нѣжнымъ ручейкомъ и сладосно вливается въ душу, образуя всѣ мѣры, какія заключаются только въ паденіи и возвышеніи человѣческаго голоса!

Лондонъ, Августа... 1790

Въ 8 часовъ вечера я позвонилъ въ своемъ маленькомъ кабинетѣ, и вмѣсто моей Дженни (которая, сказавъ правду, не очень красива собою) вошла ко мнѣ прелестная дѣвушка лѣтъ семнадцати. Я удивился, и смотрѣлъ на нее въ молчаніи. Она спрашивала: „что угодно господину?“ краснѣлась, присядала, глядѣла въ землю, и наконецъ изъяснила мнѣ, что Дженни, пользуясь Воскресеньемъ, гуляетъ за городомъ, а она взялась на нѣсколько часовъ заступитъ ея мѣсто въ домѣ. Я хотѣлъ знать имя красавицы? — Софія. — Ея сосшояніе? — Слу-

жанка въ пансіонѣ. — Ея забавы, удовольствія въ жизни? — Работа, милость госпожи, хорошая книжка. — Ея надежды? — Накопипь нѣсколько гиней и возвращишься въ Кентское Графство къ спарику опцу, которой живетъ въ большой нуждѣ. — — Софія принесла мнѣ чай, налила, по усиленной прозьбѣ моей сама выпила чашку, но никакъ не хотѣла сѣсть, и при всякомъ словѣ краснѣлась, хотя я остерегался нескромности въ разговорѣ съ нею. Впрочемъ, къ моему удивленію, Англійскія фразы сами собою мнѣ представлялись, и если бы я всякой день могъ говорить съ прелестною Софіею, то черезъ мѣсяцъ заговорилъ бы какъ — Орапоръ Парламента! Съ чувствомъ скажу вамъ, друзья мои, что Англичанки и въ самомъ низкомъ сословіи чрезвычайно любезны своею кротостію.

Въ нынѣшнее Воскресенье пого-
ворю о Воскресеньи. Оно здѣсь
свято и торжественно; самой
бѣдной поденщикъ перестаетъ ра-
ботать; купецъ запираетъ лавку,
биржа пускѣтъ, Спектакли за-
пвораются, музыка молчитъ. Всѣ
идутъ къ обѣднѣ; люди, привязан-
ные своими упражненіями и дѣ-
лами къ городу, разбѣзжаются
по деревнямъ; народъ толпится
на гульбищахъ, и бѣдной по воз-
можности наряжается. Что у
Французовъ *генгеты*, то здѣсь
Thea-gardens или сады, гдѣ на-
родъ пьетъ чай и пуншъ, ѣстъ
сыръ и масло. Тутъ-то во всей
славѣ являющіяся горнишныя дѣву-
шки, въ длинныхъ платьяхъ, въ
шляпкахъ, съ веерами; тутъ
ищутъ онѣ себѣ жениховъ и
щасья; видятся съ своими зна-
комыми, угощаютъ другъ друга,
и набираются всякаго рода анек-
дотами, замѣчаніями, на цѣлую

недѣлю. Тутъ, кромѣ слугъ и служанокъ, гуляющъ ремесленники, сидѣльцы, аптекарскіе ученики — однимъ словомъ, такіе люди, которые имѣющъ уже нѣкоторой вкусъ въ жизни, и знающъ, что такое хорошій воздухъ, пріятной сельской видъ, и проч. Тутъ соблюдается пишина и благоприспособность; тутъ вы любите Англичанъ.

Но еслили хотите, чтобы у васъ помутилось на душѣ, то загляните ввечеру въ подземныя Таверны или въ *питейные дома*, гдѣ веселился подлая Лондонская чернь! — Такова судьба гражданскихъ обществъ! хорошо сверху, въ срединѣ, а внизъ не заглядывай. Дрожжи и въ самомъ лучшемъ винѣ бывающъ столь же пропивны вкусу, какъ и въ самомъ худомъ.

Дурное напоминаетъ дурное: скажу вамъ еще, что на Лондон-

скихъ улицахъ, ввечеру, видѣлъ я болѣе ужасовъ разврата, нежели и въ самомъ Парижѣ. Оставляя другое (о чемъ можно только говорить, а не писать) вообразите, что между несчастными жертвами распутства здѣсь много двѣнадцати-лѣтнихъ дѣвушекъ! вообразите, что есть Мегеры, къ которымъ изверги-магери приводятъ дочерей на смотръ и поргуются!

Я началъ письмо свое невинно-спію, а кончилъ предметомъ омерзѣнія!—Любезная Софія! прости меня.

Вестминстеръ.

Славная Вестминстерская Зала (Westminsterhall) построена еще въ одиннадцатомъ вѣкѣ, какъ нѣкопоре Испорики утверждаютъ. Она считается самою огромнѣйшею въ Европѣ, и сводъ ея держится самъ собою, безъ столбовъ.

Въ ней торжеспвуется коронація Англійскихъ Монарховъ ; въ ней бывають и чрезвычайныя засѣданія Верхняго Парламента , когда онъ судитъ Государспвеннаго Пера. Такимъ образомъ случилось мнѣ видѣть тамъ судъ Гаспингса , *Hasting's trial*, копорой уже 10 лѣтъ продолжается , и копорой былъ для меня любопытенъ. Доспавъ билетъ черезъ нашего Посла, я занялъ мѣсто въ верхней галлерей , среди множества зришелей. Мы долго ждали. Наконецъ явился Фоксъ , въ черномъ Французскомъ кафпанѣ , съ кипую бумагъ ; а за нимъ Боркъ , сухощавой старикъ въ очкахъ , также въ черномъ кафпанѣ и съ бумагами. Вы знаете , что Нижній Парламентъ , именемъ народа , обвиняетъ Гаспингса , бывшаго Губерналпора Осп-Индіи, въ разныхъ преспуленіяхъ , и выбралъ адвокатами Борка , Фокса и Шерида.

на, чптобы доказывати вины его въ судилищѣ Лордовъ. Отворились большія двери — и судьи, Члены Верхняго Парламента, вошли тихо и торжественно другъ за другомъ, въ своихъ мантіяхъ, а Духовные, то есть Епископы, въ высокихъ шапкахъ, и сѣли по мѣстамъ. Фоксъ сѣлъ на возвышенное мѣсто, прошивъ Лорда Канцлера, и началъ говорить рѣчь, которая продолжалась цѣлыя. . . . четыре часа! Онъ исчислялъ всѣ доказательствва Гаспингсова корыстолюбія, всѣ его незаконныя дѣла, оскорбительныя для чести, для имени Англійскаго народа; говорилъ сильно, иногда съ жаромъ, и одышалъ единственно тогда, когда надлежало представить улики въ подлинникъ. Въ такомъ случаѣ Боркъ заступалъ мѣсто его и читалъ бумаги; а Риторъ садился на стулъ, упираясь бѣлымъ плащомъ, и черезъ

5 минутъ снова начиналъ говорить. Я не столько жалѣлъ Фоксовой груди, сколько бѣдныхъ Лордовъ — слушаешь, по крайней мѣрѣ сидишь столько времени на одномъ мѣстѣ, безъ движенія, съ важностию, съ видомъ вниманія! Фоксъ пребывалъ опъ нихъ не бездѣлки, а жизни Гаспингсовой, называя его воромъ, злодѣемъ, чудовищемъ — и въ присутствіи его самого. Гаспингсъ, спарикъ лѣтъ за шестидесятъ, съдой, худенькой, въ голубомъ Французскомъ кафтанѣ, сидѣлъ на креслахъ подлѣ самаго Рипора, копорой надъ его головою пребывалъ его головы! Но умной спарикъ казался совершенно покойнымъ, равнодушнымъ; даже худо слушалъ, посматривая то на судей, то на своихъ двухъ Адвокатовъ, которые съ великою прилѣжностію записывали обвиненія, сидя подлѣ Кліента. Онъ увѣренъ, что его оправдають; но

виноватъ ли онъ подлинно? спросите вы. Прошивъ чловѣчества, виноватъ; прошивъ Англіи, нѣтъ. Гаспингсъ не злодѣй въ сердцѣ своемъ; но зная тайную полишику Англійскаго Минисперства, зная выгоды Ост-Индской Компаніи, жертвовалъ можетъ быть собственными благородными чувствами пому предмету, для котораго послали его въ Индію; пирансвовалъ, чптобы утвердитъ тамъ власть Англичанъ, и спараясь умножать доходы Компаніи, умножилъ можетъ быть и свои—за что однакожь Министры не предадутъ его въ жертву Парламентскимъ говорунамъ. Англичанинъ чловѣколюбивъ у себя; а въ Америкѣ, въ Африкѣ и въ Азіи едва не звѣрь; по крайней мѣрѣ съ людьми обходится тамъ какъ съ звѣрями; накопитъ денегъ, возвратишся домой, и кричитъ: *нетронъ меня; я чловѣкъ!* Торже-

ство Англійскаго правосудія состоишъ единственнѣ въ томъ, что Гаспингса браняшъ, разоряшъ, именемъ закона; Рипоры испоцаюшъ свое краснорѣчіе, занимаюшъ Публику, Журналистовъ; Лорды зѣваюшъ, дремлюшъ на большихъ креслахъ; всякой дѣлаешъ свое дѣло — и довольно! Что принадлежишъ до Фоксова таланта, то я назову его скорѣе *складною говорливостію*, нежели краснорѣчіемъ; слова текушъ рѣкою, но нѣтъ сильныхъ Рипорскихъ движеній; много разительной Логики, только много и лишняго. Въ Шерида-нѣ болѣе психическаго жара, но менѣе логической силы, какъ говорятъ Крипики; а славной Боркъ уже спарѣлся. — — Наконецъ Фоксъ кончилъ, поклонился и сошелъ съ кафедры. Одинъ изъ Гаспингсовыхъ Адвокатовъ сказалъ Перамъ: „Милорды! Генералъ Н. Н. „не успѣлъ представить вамъ оп-
V.

„зыва вѣ пользу нашего Кліента ;
 „уѣхалъ вѣ свое опечесство , вѣ
 „Швейцарію, для поправленія здо-
 „ровья ; но онѣ скоро возврашиш-
 „ся.“ ... Тупѣ Боркѣ выспустилъ
 впередѣ и примолвилъ сѣ важнымъ
 видомъ : „Милорды ! пожелаемъ
 „Господину Генералу щаспливаго
 „пути и лучшаго здоровья!“ Всѣ
 Лорды , всѣ зрители засмѣялись ;
 вспали — и пошли домой.

Подлѣ Вестминстерской Залы,
 вѣ оспашкахъ огромнаго Дворца ,
 копорой сгорѣлъ (*) при Генрихѣ
 VIII, собирается обыкновенно
 Верхній и Нижній Парламентѣ.
 Вѣ засѣданіяхъ перваго не быва-
 етѣ никого , кромѣ Членовъ ; я
 могѣ видѣть только залу собра-

(*) Едва ли вѣ какомъ нибудь городѣ
 было столько пожаровъ , какъ вѣ
 Лондонѣ.

нія , украшенную богатыми обоями, на копорыхъ изображено разбитіе Гишпанской Армады. Въ концѣ залы возвышается Королевской тронъ , а подлѣ два мѣста для старшихъ Принцовъ Крови ; за трономъ сидящѣ молодые Лорды, которые не имѣющѣ еще голоса; на правой сторонѣ Епископы , прошивъ Короля Перы , Герцоги и проч. Замѣчанія достойно то, что Канцлеръ и Орапоръ сидящѣ на *шерстяныхъ шарахъ*: древнее и, какъ увѣряющѣ, символическое обыкновеніе! Шаръ означающѣ важность торговли (не знаю , по чему), а шерсть суконныя Англійскія фабрики, пребующія вниманія Лордовъ.

Зала Нижняго Парламента соединяется съ первою длиннымъ коридоромъ ; она убрана деревомъ. Тутъ для зрительей сдѣланы галереи. Каѣдры нѣтъ. Президентъ, называемый Орапоромъ , сидитъ

на возвышенномъ мѣстѣ между двухъ Клерковъ или Секретарей, за споломъ, на копоромъ лежишь золотой скипетръ; они прое должны быть всегда въ Шпанскихъ парикахъ и въ мантіяхъ; всѣ прочіе въ обыкновенныхъ кафтанахъ, въ шляпахъ, сидятъ на лавкахъ, изъ копорыхъ одна другой выше. Кто хочешь говорить, встаетъ, и снимая шляпу, обращаетъ рѣчь свою къ Президенту, то есть къ Орактору, копорой, подобно дядькѣ, унимаетъ ихъ, естли они заговорятъ не-дѣло, и кричитъ: *to order! въ порядокъ!* Члены могутъ всячески бранить другъ друга, только не именуя, а на примѣръ такъ: „почтенный господинъ, копорой говорилъ передо мною, „есть глупецъ“ — и проч. Министрамъ часто достается; они иногда опбраниваются, иногда опмалчиваются; а когда поидетъ дѣло на голоса, большинство все-

гда на ихъ сторонѣ. Кто говоришь хорошо, того слушаютъ; въ противномъ случаѣ кашляютъ, спучаютъ ногами, шумятъ; а при всякомъ важномъ словѣ кричатъ: *hearken! слушайте!* Засѣданіе открывается въ 3 часа по полудни, молебвою, и продолжается иногда до двухъ за полночь. Розница между Парижскимъ Народнымъ собраніемъ и Англійскимъ Парламентомъ есть та, что первое шумнѣе; впрочемъ и Парламентскія собранія довольно безпорядочны. Члены безпрестанно встаютъ; поклоняясь Орактору, какъ школьному Магистру, бѣгаютъ вонъ, бѣдятъ и проч. — Ихъ числомъ 558; на лицо же не бываетъ никогда и трехъ сотъ. Едва ли 50 человекъ говорятъ когда нибудь; всѣ прочіе нѣмы; иные можетъ быть и глухи — но дѣла идутъ своимъ порядкомъ, и хорошо. Умные Министры правятъ; умная Публика

смотришь и судишь. Членъ можешь говорить въ Парламентѣ все, что ему угодно; по закону онъ не даетъ отвѣта.

Вестминстерское Аббатство.

Церковныя Англійскія Хроники наполнены чудесными сказаніями о семъ древнемъ Аббатствѣ. На примѣръ, онъ говорятъ, что самъ Апостолъ Пётръ, окруженный ликами Ангеловъ, освятилъ его въ началѣ седьмага вѣка, при Королѣ Себертѣ. Какъ бы то ни было, оно есть самое древнѣйшее зданіе въ Лондонѣ, нѣсколько разъ горѣло, разрушалось и снова изъ праха возспавало. Славный Ренъ, спроектировалъ Павловской церкви, прибавилъ къ нему двѣ новыя готическія башни, копорыя, вмѣстѣ съ сѣвернымъ портикомъ называемымъ Соломоновыми вратами, Со-

Iomon's Gate, всего болѣе украшающѣ въѣшность храма. Внутренность разительна; огромный сводъ величественно опускается на рядъ гигантскихъ столповъ, между которыми свѣтъ и мракъ разливаются. Тутъ всякой день бываетъ утреннее и вечернее служеніе; тутъ вѣнчаются Короли Англійскіе; тутъ споятъ и гробы ихъ! . . . Я вспомнилъ Французской стихъ:

Не лѣзя безъ ужаса съ престола — въ
гробъ ступить!

Тутъ сооружены монументы Героямъ, Патриотамъ, Философамъ, Поэтамъ; и я назвалъ бы Веспминсперъ храмомъ безсмертія, если бы въ немъ не было многихъ именъ, совсѣмъ недостойныхъ памяти. Чтобы думать хорошо объ людяхъ, надобно читать не Исторію, а надгробныя надписи: какъ хвалятъ покойниковъ! — Замѣчу важнѣйшіе монументы

меншы и переведу нѣкоторыя надписи.

На черномъ и бѣломъ мраморномъ памятникѣ Лорда Кранфильда подписано женою его: „Зависпѣ
 „воздвигала бури пропивъ моего
 „славнаго и добродѣтельнаго су-
 „пруга; но онѣ, съ чистую душою,
 „смѣло споялъ на кормѣ, крѣпко
 „держался за руль совѣсти, раз-
 „сѣкалъ волны, спасся опѣ кораб-
 „лекрушенія, въ глубокую осень
 „жизни своей бросилъ якорь и вы-
 „шелъ на тихій берегъ уединенія.
 „Наконецъ сей изнуренный море-
 „ходецъ опправился на топѣ
 „свѣтѣ, и корабль его щасливо
 „приспалъ къ небу.“

На гробѣ славнаго Поэта Драйдена споймѣ его бюстѣ, съ простою надписью: „Іоаннѣ Драйденѣ
 „родился въ 1632, умерѣ въ 1700
 „году. Герцогѣ Буккингамѣ соорудилъ ему сей монументѣ.“ —
 Подлѣ, какъ нарочно, вырѣзана са-

мая пышная эпитафія на памятникъ стихотворца Кауле (Cowley): „Здѣсь лежишь Пиндаръ, „Горацій и Виргилій Англіи, ушѣха, красота, удивленіе вѣковъ,“ и пр. — На гробѣ самого Герцога Буккингама, друга Попова, читаете: „Я жилъ и сомнѣвался; умираю и не знаю; что ни будетъ, „на все готовъ.“ — А ниже: „За „Короля моего часпо, за опечесство всегда.“

Готической монументъ древнѣйшаго Англійскаго стихотворца Часера почти совсѣмъ развалился. Часеръ жилъ въ четвертомъ-надесяти вѣкѣ, писалъ неблагоприспойныя сказки, хвалилъ своего родспвенника, Герцога Ландкашперскаго, и помогъ ему спихами своими взойти на престолъ.

Нещасный Графъ Эссексъ посвятилъ бѣлый мраморный памятникъ Бену Джонсону, современнику Шекспирову, съ надписью:

О rare Ben Johnson! О рѣдкой
Джонсонъ!

На гробѣ Спенсера подписано:
„Онъ былъ царь Поэтовъ своего
„времени, и божественный умъ его
„всего лучше видѣнъ въ его тѣло-
„реніяхъ.“

Боплеръ сочинилъ славную По-
эму Годибраса, осмѣивая въ ней
Кромвелевскихъ Республиканцевъ
и Фанатизмъ. Дворъ и Король хва-
лили Поэму, но Авторъ умеръ съ
голоду. Барберъ, Лондонской Меръ,
сказалъ: „кто въ жизни не имѣлъ
„приспанища, тому сдѣлаемъ хо-
„тя по смерти достойный его мо-
„нументъ“ — сказалъ и сдѣлалъ.

Подъ Мильтоновымъ бюстомъ
сооруженъ памятникъ Стихотвор-
цу Грею. Лирическая Муза дер-
житъ въ рукѣ медальонъ его, и
указывая другою рукою на Миль-
тона, говоритъ: у Грековъ Гомеръ
и Пиндаръ; здѣсь Милтонъ и
Грей!

Преклоните колѣна. . . . воиѣ
Шекспирѣ! . . . спойиѣ какѣ жи-
вой, вѣ одеждѣ своего времени,
опершись на книгу, вѣ глубокой
задумчивости. . . Вы узнаете пред-
метѣ его глубокомыслия, читая
слѣдующую надпись, взяшую изѣ
его Драмы The Tempest:

Колоссы гордые, вѣковѣ произведение,
И храмы славные, и самый шарѣ зем-
ной,
Со всѣмѣ, что есть на немѣ, исчезнешѣ
какѣ творенье
Воздушныя мечты, развалинѣ за собой
Вѣ пространствахѣ не оставивѣ!

Четыре времени года изображе-
ны на гробницѣ Томсоновой. Оп-
рокѣ указываетѣ на нихѣ и пода-
етѣ вѣнокѣ Поэту.

Герцогѣ и Герцогиня Квинсбер-
ри почтили прекраснымѣ мону-
ментомѣ Гая, творца Оперы

Мишихъ (*). Эпитафія сочинена самимъ Геємъ:

Все въ свѣтѣ есть игра, жизнь самая
ничто;

Такъ прежде *думалъ* я, а нынѣ *знаю* то.

Музыкантъ Гендель, изображенный славнымъ Рубильякомъ, слушаетъ Ангела, которой въ облакахъ, надъ его головою, играетъ на арфѣ. Передъ нимъ лежитъ его Орапорія, Мессія, разогнутая на прекрасной аріи: I know that my Redeemer lives; *знаю, что живъ Спаситель мой!* —

На гробницѣ Томаса Парра написано, что онъ жилъ 152 года, въ царствованіе десяти Королей, отъ Эдуарда IV до Карла II. Известно, что сей удивительной человекъ, будучи ста тридцати

(*) Самое остроумнѣйшее произведеніе Англійской Литтературы. . . и самое прошивное человеку съ нѣжнымъ моральнымъ чувствомъ.

лѣшѣ, не оставлялѣ въ покоѣ молодыхъ сосѣдокъ своихъ, и присужденъ былѣ всенародно, въ церкви, каяться въ любовныхъ грѣхахъ.

Авпорѣ Вакефильдскаго Священника, Запустѣвшей деревни и Путешественника, Голдсмитѣ расхваленъ до крайности. „Онѣ былѣ великой Поэтѣ, Историкѣ, Философѣ; занимался почти всякимъ родомъ сочиненій, и во всякомъ успѣвалѣ; владѣлѣ нѣжными чувствами, и по волѣ заставлялѣ плакать и смѣяться. Во всѣхъ его рѣчахъ и дѣлахъ обнаруживалось рѣдкое добродушіе. Умѣ острой, замысловапой и великой, вливалѣ душу, силу и пріятность въ каждое слово его. Любовь его товарищей, вѣрность друзей и уваженіе чипашелей воздвигли ему сей памятникъ.“

Я остановился съ благоговѣніемъ передъ памятникомъ Невпо-

на. Херувимы держашъ передъ нимъ развернутый свитокъ; онъ указывашъ на него пальцомъ, опершись рукою на книги, съ заглавіемъ: Божество, Оптика, Хронологія; вверху большой шаръ, на которомъ сидишъ *Астрономія*; внизу прекрасной барельефъ, гдѣ изображены всѣ Невтоновы открытія. Въ Латинской надписи сказано, что онъ „почти божественнымъ умомъ „своимъ опредѣлилъ движеніе и „фигуру свѣтилъ небесныхъ, путь „Кометъ, приливъ и опливъ моря; „узналъ разнообразіе солнечныхъ „лучей и свойство цвѣтовъ, былъ „мудрымъ изъяснителемъ Напугъ, древности и Св. Писанія; доказалъ своею Философіею величіе Бога, а жизнію святость „Евангелія.“ Надпись заключается сими словами: „Какъ смертные „должны гордиться Невтономъ, „славою и красою челоѳчества!“

Нѣкоторые памятники соору-

жены Парламентомъ и Королемъ, отъ имени благодарной Англіи, за важныя услуги: на примѣръ, Капitanу Корнвалю, Генералу Вольфу, Маіору Андре, которые пожертвовали жизнью опеческву. Трогательное и достойное геройства воздаяніе!

Монументъ Гаскона Найпингеля и жены его, посвященный любовью сына ихъ, есть самый лучший въ Веспминстерскомъ Аббатствѣ, какъ художесквомъ, такъ и мыслию. Прекрасная женщина умираетъ въ объятіяхъ супруга. Смерть выползаетъ изъ гроба, смотритъ ужасными глазами на супруга и мѣшитъ въ нее копьемъ своимъ. Супругъ видитъ грозное чудовище, и въ страхъ, въ опчаяніи, спремится опразитъ ударъ.— Это работа славнаго Рубильяка.

Придѣлъ Генриха VII назывался *гудомъ міра*. Въ самомъ дѣлѣ

путь много удивительнаго въ готическомъ вкусѣ; особливо же въ рѣзбѣ на мѣди и на деревѣ. — Въ эпомѣ придѣлѣ погребаящѣ Королевскую фамилію, и вы увидите подлѣ несчастной Маріи Стюартѣ Елисавету! Гробъ всѣхъ примиряетѣ.

Въ заключеніе переведу вамъ нѣчто изъ мыслей одного Англичанина о Веспминстерскомъ Аббатствѣ.

„Съ живымъ меланхолическимъ
 „удовольствіемъ былъ я во всѣхъ
 „мрачныхъ сокровенностяхъ сего
 „последняго жилища славы; раз-
 „суждалъ о жизни человѣческой,
 „ея бѣдствіяхъ и краткости. Мил-
 „ліоны (думалъ я), подобно тебѣ,
 „размышляли здѣсь о профетяхъ
 „смерти, на копорые теперь смо-
 „ришь; и ты, подобно милліонамъ,
 „будешь прахомъ, уступишь мѣ-
 „сто новымъ людямъ, и слѣдовъ
 „твоихъ не останется. Сіе свя-

„шое хранилище славы и величія
 „будетъ и впредь наполняпсья
 „почпнными оспапками дарова-
 „ній и заслугъ, украшапсья новы-
 „ми великолѣпными памяпниками
 „и служипъ предметомъ удивле-
 „нія; а наконецъ, по неизбѣжно-
 „му закону судьбы, со всѣмъ бо-
 „гатствомъ древностей, погребетъ
 „во пмѣ временъ, и будетъ
 „памятникомъ собственнаго своего
 „разрушенія!“

Окрестности Лондона.

Видя и слыша, какъ скромно
 живутъ богатые Лорды въ спо-
 лицѣ, я не могъ понять, на что
 они проживающся; но увидѣвъ сель-
 скіе дома ихъ, понимаю, какъ имъ
 можетъ недоспавать и двухъ сотъ
 тысячъ дохода. Огромные замки,
 сады, копорыхъ содержаніе пре-
 буеітъ множесіва рукъ; лошади,

собаки, сельскіе праздники: вопѣ обширное поле ихъ моповспва! Руской въ столицѣ и въ пупешеспвіяхъ разоряется, Англичанинѣ экономипѣ. Живучи въ Лондонѣ только заѣздомѣ, Лордѣ не считаепѣ себя обязаннымѣ звапѣ гостей; не спыдипся въ спаромѣ фракѣ иппи лѣшкомѣ обѣдапѣ къ Принцу Валлисскому и ѣхапѣ верхомѣ на проспой наемной лошади; а еспѣли вы у него по коропккому знакомспву обѣдаепе, служапѣ два лакея — проспой сервисѣ — и много, чпо пѣпѣ блюдѣ на сполѣ. Здѣсь живупѣ въ городѣ какѣ въ деревнѣ, а въ деревнѣ какѣ въ городѣ; въ городѣ проспота, въ деревнѣ спаромодная пышность — разумѣепся, чпо я говорю о богатомѣ дворянспвѣ.

И сколько сокровищѣ въ живописи, въ антикахѣ, разсѣяно по сельскимѣ домамѣ! Давно уже Англичане имѣюпѣ спраспѣ ѣздитѣ

въ Италію и скупать все превосходное, чѣмъ славится тамъ древнее и новое Искусство; внукъ умножаетъ собраніе дѣда, и картина, спавшая, копорою любовались художники въ Италіи, навѣки погребается въ его деревенскомъ замкѣ, гдѣ онъ бережетъ ее какъ *златое руно* свое; почему, теряясь въ лабиринтѣ сельскихъ парковъ, любопытный художникъ можетъ воображать себя Язономъ.

Я наменую вамъ только самые лучшіе изъ видѣнныхъ мною домовъ вокругъ Лондона:

Такъ называемый *Бельведеръ* Лорда Турлова, откуда прекрасный видъ на окрестныя поля и Темзу, покрытую кораблями—замокъ Графа Мансфильда, гдѣ есть великолѣпная зала, которую считаютъ лучшимъ произведеніемъ здѣшней Архитектуры—Герцога Девонширскаго, можетъ быть самый огромнѣйшій въ Англіи, по-

спроенный среди темныхъ кедровыхъ алей—Графа Дорсета, окруженный самымъ дикимъ паркомъ, гдѣ множество звѣрей, птицъ, и гдѣ есть прекрасной готической эрмишажъ съ искусственными развалинами—Графа Буккингамшира съ милovidными каштановыми лѣсочками, прекраснымъ гротомъ, обсаженнымъ благоуханными кустами — Sion-House Герцога Норпумберландскаго съ большими садами, всего болѣе украшенными текущею въ нихъ Темзою — Вальполя въ готическомъ вкусѣ — Графа Тильнея, откуда съ террасы видны рѣка, каналы, безчисленные алей, пущыни, лѣсочки, копорые соспавляють необозримый амфитеатръ — Алдермана Томаса, называемый *naked beauty* — господина Бинга и Карю (Carew), гдѣ обширные сады, а въ садахъ сполннїя померанцевыя деревья (что безпримѣрно въ Англіи).—Въ каж-

домъ изъ сихъ домовъ богатая картинная галлерей со множествомъ другихъ произведеній Искусства ; при каждомъ большія оранжереи , гдѣ собраны плоды и растѣнія всѣхъ частей міра ; при каждомъ огромныя конюшни , гдѣ лошади живутъ лучше многихъ людей на свѣтѣ. Вы читали забавное Гулливерово путешествіе ; помните, что онъ захалъ въ царство лошадей, у которыхъ люди были въ рабствѣ, и которыхъ, разговаривая по своему съ нашимъ путешественникомъ, никакъ не хотѣли вѣрить, чтобы гдѣ нибудь подобныя имъ благородныя швары могли служить слабодушному человеку. Эта выдумка Свифтова казалась мнѣ странною ; но прѣхавъ въ Англію, я понялъ Сапирика : онъ шутилъ надъ своими земляками , которые поспраши къ лошадямъ ходятъ за ними по крайней мѣрѣ какъ за нѣжными друзьями своими. Рѣз-

вые скакуны здѣсь только-что не Члены Парламента, и безъ всякаго излишняго самолюбія могутъ вообразить себя господами людей. — Вообще Архитектура сельскихъ замковъ и домовъ очень хороша. Вкусъ, выгнанный изъ Лондона, живетъ и царствуетъ въ Англійскихъ деревняхъ.

Во всѣ стороны Лондонскія окрестности пріятны; но смотрѣть на нихъ хорошо только съ какого нибудь возвышенія. Здѣсь все обгорожено: поля, луга; и куда ни взглянешь, вездѣ заборъ—это непріятно.

Самыя лучшія мѣста по рѣкѣ Темзѣ; самые лучшіе виды вокругъ Виндзора и Ричмонда, которой въ древнія времена былъ столицею Британскихъ Королей, и назывался *Шенъ*: что на старинномъ Саксонскомъ языкѣ значило *блестящій*. Теперь Ричмондъ есть самая прекраснѣйшая деревня

въ свѣтѣ, и называется *Ан-
глійскимъ Фрескати*. Тамошній
дворецъ не достоинъ большаго вни-
манія; садъ также — но видъ съ
горы, на которой Ричмондъ воз-
вышается амфитеатромъ, удиви-
тельно прелестенъ. Вы слѣдуете
глазами за Темзою верстъ 30 въ
ея блистательномъ печеніи сквозь
богатыя долины, луга, рощи, са-
ды, которые всѣ вмѣстѣ кажут-
ся однимъ садомъ. Тутъ прекра-
сно видѣть восхожденіе солнца,
когда оно, какъ будто бы снимая
пуманный покровъ съ равнинъ,
открываетъ необозримую сцену
дѣятельности въ физическомъ и
нравственномъ мірѣ. Я нѣсколько
разъ ночевалъ въ Ричмондѣ, но толь-
ко однажды видѣлъ восходящее сол-
нце. Между Ричмонда и Кингсто-
на есть большой паркъ, называемый
New-Park, котораго хошя и не
льзя сравнять съ Виндзорскимъ, но
который однакожь считается од-

нимъ изъ лучшихъ въ Англіи. Величественныя деревья, прекрасная зелень; а всего лучше видъ съ тамошняго холма: шесть провинцій представляются глазамъ вашимъ — Лондонъ — Виндзоръ. . . .

Я одинъ разъ былъ въ славномъ Кьюскомъ саду, Kew-Garden, мѣсто, которое нынѣшній Король старался украсить по всей возможности, но которое само по себѣ не стоило того, хотя въ описаніяхъ и называютъ его Эдемомъ: мало, низко, безъ видовъ. Тамъ Китайское, Арабское, Турецкое перемѣшено съ Греческимъ и Римскимъ. Храмъ Беллоны и Китайской павильонъ; храмъ Эола и домъ Конфуціевъ; Арабская *Алгамра* и *Пагода*!

Изъ Ричмонда ходилъ я въ Твикенхамъ (Twickenham), милостивую деревеньку, гдѣ жилъ и умеръ Философъ и Спихопворецъ Попъ. Тамъ множество прекрасныхъ

сельскихъ домиковъ; но мнѣ надобенъ былъ домъ Поэта (принадлежащій теперь Лорду Станопу). Я видѣлъ его кабинетъ, его кресла — мѣсто, обсаженное деревьями, гдѣ онъ въ лѣтніе дни переводилъ Гомера — гробъ, гдѣ стоилъ мраморный бюстъ его, и откуда видна Темза — наконецъ столѣтнюю иву, копорая чуднымъ образомъ раздвоилась, и подъ которою любилъ думать Философы и мечтать Стихотворецъ; я сорвалъ съ нее вѣточку на память.

Въ церкви сдѣланъ Поэту мраморный монументъ, другомъ его, Докторомъ Варбуртономъ. Наверху бюстъ, а внизу надпись, самимъ Попомъ сочиненная:

Heros and Kings! your distance keep!
In peace let one poor Poet sleep,
Who never flatterd folks like you.
Let Horace blush, and Virgile too (*):

(*) „Прочь, Цари и Герои! дайте покойно спать бѣдному Поэту, кому-
V.

Правда ли? — Въ этой же церкви погребенъ безсмертной Томсонъ, безъ монумента, безъ надписи.

Я любопытствовалъ видѣть, близъ городка Барнета, то мѣсто, гдѣ въ 1471 году, въ Свѣтлое Воскресенье, кровопролитное сраженіе рѣшило судьбу фамиліи Йоркской и Ландкасперской. Сія война составляетъ ужаснѣйшую эпоху въ Англійской Исторіи; славная Magna Charta, права, законы, все было подъ спудомъ. Народъ не зналъ, къ кому обратиться, и въ мертвой безчувственности служилъ орудіемъ безпреснанныхъ злодѣяній. — На семъ мѣстѣ сооруженъ каменный столпъ.

Въ деревнѣ Бромптонъ показывали мнѣ развалины Кромвелева дому.

„рой вамъ никогда не ласкалъ, къ
„сшыду Горація и Виргилія!“

Мѣстечко Чарлпонъ достойно примѣчанія по красивому своему положенію, а еще болѣе по *роговой ярманкѣ*, *Hotp-fair*, копорая ежегодно тамъ бываетъ, и на которой всѣ жители украшають свой лобъ рогами! Разсказываютъ, что Король Іоаннъ, будучи на звѣриной ловлѣ, упомился и захалъ въ Чарлпонъ отдохнутъ; вошелъ въ крестьянскую избу, полюбилъ хозяйку и началъ ласкать ее такъ нѣжно, что хозяинъ разсердился, и такъ разсердился, что хотѣлъ убить его; но Король объявилъ себя Королемъ, обезоружилъ крестьянина, и желая наградить его за маленькую досаду, подарилъ ему мѣстечко Чарлпонъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ завелъ тамъ ярманку, на которой бы всѣ купцы и продавцы являлись съ рогатыми лбами. — Оставляю вамъ сказать на этотъ случай множество острыхъ словъ.

Гамтонъ-Кауртъ, поспроенный Кардиналомъ Вольсеемъ, верстахъ въ 17 отъ Лондона, на берегу Темзы, удивлялъ нѣкогда своимъ великолѣпіемъ, такъ что Гроцій называлъ его въ стихахъ своихъ *дворцомъ мѣра*, и прибавилъ: „вездѣ властвуютъ боги; но жить имъ прилично только въ Гамптонъ-Кауртѣ!“ — Пишутъ, что въ немъ сдѣлано было 280 раззолоченныхъ кроватей съ шелковыми занавѣсами для госпей, и что всякому гостю подавали ѣсть на серебрѣ, а пить въ золотѣ. Англійской Ричелье и Дюбуа — такъ можно назвать Вольсея — наконецъ самъ испугался такой пышности, зная хищную зависть Генриха VIII, и рѣшился подарить ему сей замокъ, въ которомъ послѣ жила умная и добродѣтельная Королева Марія, дочь Іакова II. Архитектура дворца опчаспи готическая, но величественна. Внутри множе-

ство картинъ, изъ которыхъ лучшія Веронезова Сусанна и Бассановъ *потопъ*. Кабинетъ Маріи украшенъ ея собственною работою.— Гамптонскіе сады напоминаютъ испаринной вкусъ.

Въ заключеніе скажу, что нигдѣ, можетъ быть, сельская Природа такъ не украшена, какъ въ Англіи; нигдѣ не радуется столько яснымъ лѣтнимъ днемъ, какъ на здѣшнемъ островѣ. Мрачной флегматической Брипанецъ съ жадностію глотаетъ солнечные лучи, какъ лекарство отъ его болѣзни, *сплина*. Однимъ словомъ: дайте Англичанамъ Лангедокское небо—они будутъ здоровы, веселы, запоютъ и запляшутъ какъ Французы.

Еще прибавлю, что нигдѣ нѣтъ такой удобности ѣздить за городъ, какъ здѣсь. Идете на почтовой дворъ, гдѣ стоитъ всегда множество каретъ; смотрите, на

копорою написано имя той деревни, въ копорую хопите Ъхашь; — садитесь, не говоря ни слова, и кареша въ положенный часъ скачешь, хопя бы и никого, кромѣ васъ, въ ней не было; пріѣхавъ на мѣсто, плашите бездѣлку, и увѣрены, что для возвращенія найдете также карешу. Вотъ дѣйствіе многолюдства и всеобщаго избытка!

Лондонъ, Сентября... 1790.

Было время, когда я, почти не видавъ Англичанъ, восхищался ими, и воображалъ Англію самою пріятнѣйшею для сердца моего землею. Съ какимъ восторгомъ, будучи пансіонеромъ Профессора Ш*, читалъ я во время Американской войны донесенія поржеспвующихъ Британскихъ Адмираловъ! Родней, Гоу, не сходили у меня съ языка;

я праздновалъ побѣды ихъ и звалъ къ себѣ въ госпи маленькихъ соучениковъ моихъ. Мнѣ казалось, что быть храбрымъ есть... быть Англичаниномъ—великодушнымъ, поже—чувствительнымъ, поже; истиннымъ человекомъ, поже. Романы, если не ошибаюсь, были главнымъ основаніемъ такого мнѣнія. Теперь вижу Англичанъ вблизи, отдаю имъ справедливоспъ, хвалю ихъ—но похвала моя такъ холодна, какъ они сами.

Вопервыхъ я не хотѣлъ бы провести жизнь мою въ Англіи для климаша, сыраго, мрачнаго, печальнаго. Знаю, что и въ Сибири можно быть щаспливымъ, когда сердце довольно и радостно; но веселой климашъ дѣлаетъ насъ веселѣе, а въ грусти и въ меланхоліи здѣсь скорѣе, нежели гдѣ нибудь, захочется заспрѣлипсья. Рощи, парки, луга, сады: все это прекрасно въ Англіи; но все это покрышо

туманами, мракомъ и дымомъ земляныхъ угольевъ. Рѣдко, рѣдко проглянешь солнце, и то не на долго; а безъ него худо жить на свѣтѣ. *Кланяйся отъ меня солнцу,* писалъ нѣкто опсюда къ своему пріятелю въ Неаполь: *я уже давно не видался съ нимъ.* Англійская зима не такъ холодна, какъ наша; за то у насъ зимою бывають красные дни, которые здѣсь и лѣтомъ рѣдки. Какъ же Англичанину не смотрѣшь Сентябремъ?

Вовпорыхъ — холодной характеръ ихъ мнѣ совсѣмъ не нравится. *Это вулканъ, покрытый льдомъ,* сказалъ мнѣ разсмѣявшись одинъ Французской эмигрантъ. Но я спою, гляжу, пламени не вижу, а между тѣмъ зябну. Русское мое сердце любитъ изливаться въ искреннихъ, живыхъ разговорахъ; любитъ игру глазъ, скорыя перемены лица, выразительное движеніе руки. Англичанинъ молчаливъ,

равнодушенъ, говоритъ какъ читаеиъ, не обнаруживая никогда быстрыхъ душевныхъ стремлений, копорыя попрясають элекпрически всю нашу физическую систему. Говоряиъ, что онъ глубокомысленнѣе другихъ: не для того ли, что кажется глубокомысленнымъ? не потому ли, что густая кровь движетсѣ въ немъ медленнѣе, и даеиъ ему видъ задумчиваго, часпо безъ всякихъ мыслей? Примѣръ Бакона, Невтона, Локка, Гоббеса, ничего не доказываетъ. Геніи родяиъся во всѣхъ земляхъ; вселенная опечеспо ихъ — и можно ли по справедливости сказаиъ, чтобы (на примѣръ) Локкъ былъ глубокомысленнѣе Декарпа и Лейбница?

Но что Англичане просвѣщенны и разсудительны, соглашаюсь: здѣсь ремесленники читають Юмову Историю, служанка Йориковы проповѣди и Кларису; здѣсь лавошникъ разсуждаеиъ основатель-

но о торговых выгодахъ своего опечеснва, и земледѣлецъ говоритъ вамъ о Шеридановомъ краснорѣчїи; здѣсь газеты и журналы у всѣхъ въ рукахъ, не только въ городѣ, но и въ маленькихъ деревенькахъ.

Фильдингъ утверждаетъ, что ни на какомъ языкѣ не лзя выразить смысла Англійскаго слова *humour*, означающаго и *веселость*, и *шутливость*, и *замысловатость*; изъ чего заключаетъ, что его нація преимущественно имѣетъ сіи свойства. Замысловатость Анличанъ видна развѣ только въ ихъ каррикашурахъ, шутливости въ народныхъ глупыхъ театральныхъ *фарсахъ*, а веселости ни въ чемъ не вижу — даже на самыя смѣшныя каррикашуры смотрятъ они съ преважнымъ видомъ! а когда смѣются, то смѣхъ ихъ походитъ на истерической. Нѣтъ, нѣтъ, гордые цари морей, столь же мрачные, какъ туманы, копорые носятся

надѣ спихією славы вашей! оставьте недругамъ вашимъ, Французамъ, всякую игривость ума. Будьте разсудительны, еспли вамъ угодно; но позвольте мнѣ думать, что вы не имѣете понюски, пріятности разума и того живого сліянія мыслей, которое производитъ общественную любезность. Вы разсудительны — и скучны! . . . Сохрани меня Богъ, чтобы я тоже сказалъ объ Англичанкахъ! Онѣ милы своею красотою и чувствительностію, которая споль выразительно изображается въ ихъ глазахъ: довольно для ихъ совершенства и щастія супруговъ! о чемъ я уже писалъ къ вамъ; а теперь судимъ только мужчинъ.

Англичане любятъ благотѣлство, любятъ удивлять своимъ великодушіемъ, и всегда могутъ несчастному, какъ скоро увѣрены, что онъ не прииво-

ряется несчастнымъ. Въ прошив-
номъ случаѣ скорѣе дадутъ ему
умереть съ голода, нежели помо-
гутъ, боясь обмана, оскорбитель-
наго для ихъ самолюбія. Ж*, нашъ
землякъ, копорой живетъ здѣсь
лѣтъ восемь, зимою ѣздилъ изъ
Лондона во Фландрію, и на воз-
вратномъ пути долженъ былъ
оспановиться въ Кале. Сильной,
холодной вѣтеръ окружилъ гавань
множесшвомъ льду, и пакет-боты
никакъ не могли выйти изъ нее.
Ж* издержалъ всѣ свои деньги,
грустилъ и не зналъ, что дѣлать.
Тракширы были наполнены пуше-
шесшвенниками, копорые, въ ожи-
даніи благопріятнаго времени для
переезда черезъ Каналъ, весели-
лись безъ памяти, пили, пѣли и
танцовали. Землякъ нашъ съ пу-
стымъ кошелькомъ и съ печаль-
нымъ сердцемъ не могъ участво-
вать въ ихъ весельи. Въ одной
комнатѣ съ нимъ жили богатой

Англичанинъ и молодой Парижской купецъ. Онъ открылъ имъ причину своей грусти. Что сдѣлалъ богатый Англичанинъ? дивился его безразсудности, и повторивъ нѣсколько разъ: *какъ можно на всякой случай не брать съ собою лишнихъ денегъ?* вышелъ вонъ. Что сдѣлалъ молодой Французъ? высыпалъ на столъ свои луидоры и сказалъ: *возьмите, сколько вамъ надобно; будьте только веселѣе.* — „Государь мой! вы меня не знаете.“ — „Все одно; я радъ услужить вамъ; въ Лондонѣ мы увидимся.“ — Ж* взялъ съ благодарностію луидоровъ 10 или 15, и хотѣлъ дать ему свой Лондонской адресъ. Французъ не принялъ его, говоря: *ваше дѣло сыскать меня на биржѣ. Я пять лѣтъ купецъ, а 24 года человекъ.* — — Англичанинъ поступилъ такъ грубо не отъ скупости, но отъ страха быть обманутымъ.

Замѣчено, что они въ чужихъ

земляхъ гораздо щедрѣе на благо-
дѣянiя, нежели въ своей, думая,
что въ Англіи, гдѣ всякаго роду
трудолюбiе по достоинству на-
граждается, хорошій человѣкъ не
можетъ быть въ нищетѣ; изъ че-
го вышло у нихъ правило: *кто у
насъ бѣденъ, тотъ не достоинъ луч-
шей доли*—правило возмущитель-
ное! Здѣсь бѣдность дѣлается
порокомъ! Она терпима, и дол-
жна паишья! Ахъ! естли хопите
еще болѣе угнести того, кто у-
гнетенъ нищетою, пошлите его
въ Англію: здѣсь, среди предме-
товъ богатства, цвѣтущаго из-
обилiя и кучами разсыпанныхъ ги-
ней, узнаетъ онъ муку Таншала!..
И какое ложное правило! Развѣ
спеченiе бѣдъ и самаго трудолю-
биваго не можетъ довести до су-
мы? На примѣръ, болѣзнь. . . .

Англичане честны; у нихъ есть
нравы, семейная жизнь, союзъ
родства и дружбы. . . . Позавиду-

емъ имъ! Ихъ слово, пріязнь, знакомство, надежны: дѣйствіе, можетъ быть, ихъ общаго *духа торговли*, которая пріучаетъ людей уважать и хранить довѣренность со всѣми ея оппѣнками. Но спро- гая честность не мѣшаетъ имъ быть тонкими эгоистами. Таковы они въ своей торговлѣ, поли- шикѣ и частныхъ отношеніяхъ между собою. Все придумано, все разочтено, и послѣднее слѣдствіе есть. . . . личная выгода. Замѣтьте, что холодные люди вообще бываютъ великіе эгоисты. Въ нихъ дѣйствуетъ болѣе умъ, нежели сердце; умъ же всегда обра- щается къ собственной пользѣ, какъ магнитъ къ сѣверу. Дѣлаешь добро, не зная для чего, есть дѣло нашего бѣднаго, *безразсуднаго* сердца. На примѣръ, Г. Пар***, мой здѣшній знакомецъ, всякое утро въ 11 часовъ являлся ко мнѣ и спрашивалъ: „куда ходите иппи?

что видѣшь? съ кѣмъ познакомишься? я къ вашимъ услугамъ.“ Опецъ его, будучи Консуломъ въ Архипелагѣ, женился на Гречанкѣ, которая воспитала сына своего въ нашемъ Исповѣданіи. Г. Пар*. считаетъ за должность быть покровителемъ Рускихъ и по возможности дѣлать имъ услуги. Имѣя привычку бродить всякое упростишкомъ, онъ находитъ во мнѣ товарища, которой иногда смѣшивъ его своими проспосердечными вопросами и замѣчаніями, и которой, разсказываясь съ нимъ, всякой разъ искренно говоритъ ему *спасибо!* Англичане всегда готовы одолжать васъ такимъ образомъ.

Они горды—и всего болѣе гордящаяся своею Конспициею. Я читалъ здѣсь Делольма съ великимъ вниманіемъ. Законы хороши; но ихъ надобно еще хорошо исполнять, чтобы люди были щасли-

вы. На примѣрѣ, Англійской Министрѣ, наблюдая только нѣкоторыя формы, или законныя обыкновенія, можетъ дѣлать все, что ему угодно; сыплеть деньгами, обѣщаетъ мѣста, и Члены Парламента готовы служить ему. Малочисленные его противники спорятъ, кричатъ, и болѣе ничего. Но важно то, что Министрѣ всегда долженъ быть опмѣнно умнымъ человекомъ, для сильнаго, яснаго и скорого отвѣта на всѣ возраженія противниковъ; еще важнѣе то, что ему опасно во зло употреблять власть свою. Англичане просвѣщены, знаютъ наизусть свои истинныя выгоды, и если бы какой нибудь Пиппъ вздумалъ явно дѣйствовать противъ общей пользы, то онъ непременно бы лишился большинства голосовъ въ Парламентѣ, какъ волшебникъ своего талисмана. И такъ не Конституція, а

просвѣщеніе Англичанъ есть истинный ихъ Палладіумъ. Всякія гражданскія учрежденія должны быть соображены съ характеромъ народа; что хорошо въ Англіи, то будетъ дурно въ иной землѣ. Не даромъ сказалъ Солонъ: *мое учрежденіе есть самое лучшее, но только для Аѳинъ*. Впрочемъ всякое правленіе, котораго душа есть справедливоспъ, благошворно и совершенно.

Вы слыхали о грубоспи здѣшняго народа въ разсужденіи иностранцевъ: съ нѣкотораго времени она посмягчилась, и учпивое имя frenchdog (Французская собака), которымъ Лондонская чернь жаловала всѣхъ не-Англичанъ, вышло уже изъ моды. Мнѣ случилось ѣхать въ каретѣ съ однимъ поселяниномъ, копорой, узнавъ, что я иностранецъ, съ важнымъ видомъ сказалъ: „хорошо быть „Англичаниномъ, но еще лучше

„быть добрымъ человѣкомъ. Фран-
 „цузъ, Нѣмецъ — мнѣ все одно;
 „кто честенъ, тотъ братъ мой.“
 Мнѣ крайне полюбілось такое
 разсужденіе; я тотчасъ записалъ
 его въ дорожной своей книжкѣ.
 Однакожь не всѣ здѣшніе посе-
 ляне такъ разсуждають: это былъ
 конечно вольнодумецъ между ими!
 Вообще Англійской народъ счи-
 таетъ насъ чужеземцевъ каки-
 ми-то несовершенными, жалкими
 людьми. *Ме тронъ его*, говорятъ
 здѣсь на улицѣ: *это иностранецъ*
 — что значитъ: „это бѣдной че-
 ловѣкъ или младенецъ.“

Кто думаетъ, что щастье со-
 стоитъ въ богатствѣ и въ избыт-
 кѣ вещей, тому надобно показать
 многихъ здѣшнихъ Крезовъ, осы-
 нанныхъ средствами наслажда-
 ся, теряющихъ вкусъ ко всѣмъ
 наслажденіямъ и задолго до смер-
 ти умирающихъ душою. Вотъ Ан-
 глійской *сплинъ*! Эту моральную

болѣзнь можно назваѣть и Рускимъ
именемъ : *скукою* , извѣсною во
всѣхъ земляхъ ; но здѣсь болѣе ,
нежели гдѣ нибудь, отъ климаша,
птяжелой пищи, излишняго покоя,
близкаго къ усыпленію. Человѣкъ
спранное существо ! въ заботахъ
и безпокойствѣ жалуется ; все
имѣетъ , безпеченъ и — зѣваетъ.
Богатой Англичанинъ отъ скуки
путешествуетъ , отъ скуки дѣ-
лается охотникомъ , отъ скуки
мошаетъ , отъ скуки женился , отъ
скуки спрѣляется. Они бывають
несчастливы отъ щастья ! Я говорю
о здѣшнихъ *праздныхъ* богачахъ ,
копрыхъ дѣды нажились въ Ин-
діи ; а *дѣятельные* , управляя все-
мірною торговлею и вымышляя
новые способы играѣ мнимыми
нуждами людей, не знають *сплина*.

Не отъ *сплина* ли происходятъ
и многочисленныя Англійскія
спранности, которыя въ другомъ
мѣстѣ назвались бы безуміемъ , а

здѣсь называються только свое-
 нравіемъ или whim? Человѣкъ, не
 находя уже вкуса въ истинныхъ
 пріятностяхъ жизни, выдумыва-
 етъ ложныя, и когда не можетъ
 прельстить людей своимъ щасті-
 емъ, хочетъ по крайней мѣрѣ уди-
 вить ихъ чѣмъ нибудь необычно-
 веннымъ. Я могъ бы выписать изъ
 Англійскихъ газетъ и журналовъ
 множество странныхъ анекдо-
 товъ; на примѣръ, какъ одинъ бо-
 гапой человѣкъ построилъ себѣ
 домикъ на высокой горѣ въ Шот-
 ландіи, и живетъ тамъ съ своею
 собакою; какъ другой, ненавидя,
 по его словамъ, землю, поселился
 на водѣ; какъ третій, по анги-
 пани къ свѣту, выходитъ изъ
 дому только ночью, а днемъ
 спитъ или сидитъ въ темной
 комнатѣ при свѣчѣ; какъ четвер-
 той, опказывая себѣ все, кромѣ
 самаго необходимаго, въ началѣ
 каждой весны даетъ деревенскимъ

сосѣдамъ своимъ великолѣпной праздникъ, которой стоишь ему почти всего годового дохода. Британцы хвалясь тѣмъ, что могутъ досыта дурачиться, не давая никому опчета въ своихъ фантазіяхъ. Уступимъ имъ это преимущество, друзья мои, и скажемъ себѣ въ утѣшеніе: „если въ Англіи позволено *дураться*, у насъ не запрещено *умнѣть*; а послѣднее не рѣдко бываетъ смѣшнѣе перваго!“

Но эта неограниченная свобода жить какъ хочешь, дѣлать что хочешь во всѣхъ случаяхъ, непротивныхъ благу другихъ людей, производитъ въ Англіи множество *особенныхъ* характеровъ и богатую жатву для Романистовъ. Другія Европейскія земли похожи на регулярные сады, въ которыхъ видишь ровныя деревья, прямыя дорожки, и все единообразное; Англичане же, въ моральномъ смыслѣ,

распутѣ какѣ дикіе дубы по волѣ судьбы, и хопя всѣ одного рода, но всѣ различны; и Фильдингу оставалось не выдумывать характеры для своихъ романовъ, а только примѣчать и описывать.

Наконецъ — есѣли бы однимъ словомъ надлежало означить народное свойство Англичанъ — я назвалъ бы ихъ угрюмыми, такъ какъ Французовъ (*) легкомысленными, Италіянцевъ коварными. Видѣть Англію очень пріятно; обычаи народа, успѣхи просвѣщенія и всѣхъ искусствъ достойны примѣчанія и занимающъ умъ вашъ. Но жизнь здѣсь для удовольствіи общезнѣнія, есѣ искавъ цвѣтущую на песчаной долині — въ чемъ согласны со мною всѣ иностранцы,

(*) Не помню, кто въ шутку сказалъ мнѣ: *Англичане слишкомъ влажны, Италіянцы слишкомъ сухи, а Французы только сочны.*

сѣ которыми удалось мнѣ позна-
комиться въ Лондонѣ и говоришь
о томъ. Я и въ другой разъ при-
ѣхалъ бы сѣ удовольствіемъ въ Ан-
глію, но выѣду изъ нее безъ сожа-
лѣнія.

М о р с.

Я не сдержалъ слова, любез-
нѣйшіе друзья мои! оставляю Ан-
глію—и жалѣю! Таково мое сер-
дце: ему трудно разсказаться со
всѣмъ, что его хотя нѣсколько
занимало.

И такъ другъ вашъ уже на мо-
рѣ! возвращается въ милое отече-
ство, къ своимъ любезнымъ! ско-
рѣе, нежели думалъ! Отъ чего же?
Скажу вамъ правду. Кошелекъ мой
ежедневно испощался; становил-
ся легче, легче; звучалъ слабѣе,
слабѣе; наконецъ рука моя ощу-
пала въ немъ только двѣ гинеи....

Мнѣ оставалось бѣжать на биржу, скорѣе, скорѣе; уговориться съ молодымъ Капитаномъ Вилліамсомъ, взлѣснѣ по веревкамъ на корабль его, и, снявъ шляпу, учтиво опкланяясь съ палубы Лондону. — Меня провожалъ Руской парикмахеръ Федоръ, коной здѣсь живетъ семь или восемь лѣтъ, женился на миловидной Англичанкѣ, написалъ надъ своею лавкою: Fedor Ooshakof, салилъ голову Лондонскимъ щеголямъ, и доволенъ какъ царь. Онъ былъ въ Россіи Экономическимъ крестьяниномъ, и служилъ всѣмъ Рускимъ съ великимъ усердіемъ.

Капитанъ ввелъ меня въ каюту, очень изрядно-прибранную; указалъ мнѣ посшелю, сдѣланную какъ гробъ, и въ утѣшеніе объявилъ, что одна прекрасная дѣвица, которая плыла съ нимъ изъ Новаго Йорка, умерла на ней горячкою. Жеребей брошенъ, думалъ я: посмотримъ, бу-

дешѣ ли эша поспеля и моимѣ гробомѣ! — Спрашной дождь не дозволилѣ мнѣ дышашѣ чистымѣ воздухомѣ на палубѣ; я легѣ спать, съ одною гинеею въ карманѣ (потому чшо другую опдалѣ парикмахеру), и поручилѣ судьбу свою волнамѣ и вѣшрамѣ!

Сильной шумѣ и спукѣ разбудилѣ меня: мы снимались съ якоря. Я вышелѣ на палубу... солнце полько-чшо показалось на горизонтѣ. Черезѣ минушу корабль пронулся, зашумѣлѣ, и на всѣхѣ парусахѣ пустился сквозь ряды другихѣ споящихѣ на Темзѣ кораблей. Народѣ, матрозы желали Капитану щаспливаго пуши, и маханіемѣ шляпѣ какѣ будшо бы давали намѣ благополучной вѣшерьѣ. Я смопрѣлѣ на прекрасные берега Темзы, копорые, казалось,плыли мимо насѣ съ лугами, парками и домами своими—и скоро вышли мы въ опкрытое море, гдѣ ко-

раблѣ нашѣ зашумѣлѣ величественнѣе. Солнце скрылось. Я радовался и веселился необозримостію пѣниспыхѣ волнѣ, свистомѣ бури и дерзостію человѣческою. Берега Англіи темнѣли...

Но у меня самого въ глазахѣ темнѣетѣ; голова кружитѣся.....

Здравствуйте, друзья мои! я ожилѣ! ... Какѣ мучительна, ужасна морская болѣзнь! Кажетѣся, что душа хочетѣ выпрыгнутѣ изѣ груди; слезы льютѣся градомѣ; попка несносная... а Капитанѣ заспавлялѣ меня ѣсть, увѣряя, что это лучшее лекарство! Не зная, что дѣлать, я сто разѣ ложился на постелю, сто разѣ сядился на палубѣ, гдѣ морская пѣна окропляла меня. Не подумайте, что это реторическая фигура; нѣтъ, волны были въ самомѣ дѣлѣ

пакъ велики, что иногда перели-
 вались черезъ корабль. Одна изъ
 нихъ чуть было не сшибла меня
 въ то глубокое опверстіе кораб-
 ля, гдѣ лежатъ острые якоря.
 Болѣзнь моя продолжалась при
 дни. Вдругъ засыпаю крѣпкимъ
 сномъ — открываю глаза, не чув-
 ствую никакой тоски — едва вѣрю
 себѣ — вспаю, одѣваюсь. Входитъ
 Капитанъ съ печальнымъ видомъ и
 говоритъ: „вѣтеръ утихъ; нѣтъ ни
 „малѣйшаго вѣянiя; корабль ни съ
 „мѣста: страшная пишина!“ — —
 Я выбѣжалъ на палубу: прекра-
 сное зрѣлище! море стояло какъ
 неподвижное стекло, великолѣпно
 освѣщаемое солнцемъ; парусы ви-
 сѣли безъ дѣйствiя; корабль не
 шевелился; матросы сидѣли, по-
 вѣся голову. Всѣ были печальны,
 кромѣ меня; я веселился какъ ре-
 бенокъ, и здоровьемъ своимъ и
 каршиною морской, почти невѣ-
 роятной пишины. Вообразите

безконечное гладкое пространство водъ и безконечное, во всѣ стороны, отраженіе лучей яркаго свѣта! Вотъ зеркало, достойное бога Феба! — Казалось, что въ мірѣ не было ничего, кромѣ воды, неба, солнца и корабля нашего. Черезъ часъ нашли легкія облака; повѣявъ вѣтерокъ, море заструилось, и парусы вспорхнули.

Намъ вспрѣпились Норвежскіе рыбаки. Капитанъ махнулъ имъ рукою — и черезъ двѣ минуты вся палуба покрылась у насъ рыбою. Не можете представить, какъ я обрадовался, не бѣвъ три дни, и крайне не любя соленого мяса и гороховыхъ пудинговъ, которыми Англійскіе мореходцы потчиваютъ своихъ пассажировъ! Норвежцы, большіе пьяницы, хопѣли сверхъ денегъ рому; пили его какъ воду, и въ знакъ ласки хлопали насъ по плечамъ. — Въ сію минуту приносятъ намъ два блюда

рыбы. Вы знаете, что такое хорошій обѣдъ для голоднаго!

Опять спрaшнoй вѣтеръ, но попушной. Я здоровъ совершенно, бодръ и веселъ. Мысль, что всякую минуточку приближаюсь къ отечеству, живишь и радуешь мое сердце. Слушаю шумъ моря; смотрю, какъ быспрый корабль нашъ черною своею грудью разсѣкаетъ волны; чишаю Оссіана и перевожу его Карпона (*). Нынѣшняя ночь была самая бурная. Капитанъ не спалъ, боясь опасныхъ скалъ Норвегіи. Я вмѣстѣ съ нимъ сидѣлъ у руля, дрожалъ отъ холоднаго вѣтра, но любовался сѣдыми облаками, сквозь копорыя проглядывала луна, прекрасно разливая свѣтъ свой на миллионы волнъ. Какой праздникъ для моего вооб-

(*) Самой эшоу переводъ былъ напечатанъ послѣ въ Московскомъ Журналѣ.

раженія, наполненнаго Оссіаномъ! Мнѣ хотѣлось увидѣть Норвежскіе дикіе берега на лѣвой сторонѣ; но взоръ мой терялся во мракѣ. Вдругъ слышимъ вдали пушечной выстрѣлъ, другой, третій. Что это? спрашиваю у Капитана. „Можетъ быть какой нибудь несчастной корабль погибаетъ,“ отвѣчалъ онъ: „зѣвшее море ужасно для плавателей.“ Бѣдныя! кто поможетъ имъ во мракѣ? Можетъ быть спешной вѣтеръ сорвалъ ихъ мачты; можетъ быть нашли они на мѣль; можетъ быть вода заливаема уже корабль ихъ! . . . Мы слышали еще два выстрѣла, и кромѣ шума волнъ уже ничего не слышали. . . . Капитанъ нашъ самъ боялся сбиться съ вѣрнаго пути, и безпрестанно при свѣтѣ фонаря смотрѣлъ на компасъ. — Всѣ наши матросы спали, кромѣ одного караульнаго. Когда жопя мало пере-

мѣнишся вѣтерѣ, караульной закричишъ; вѣ минутѣ всѣ выбѣгутъ бросаясь къ мачтамъ, и другіе парусы вѣютъ. Корабль нашъ очень великъ; но маэпрозовѣ только 9 человекѣ.— Я легъ спать вѣ три часа, и сильное качаніе корабля вѣ первой разѣ показалось мнѣ роскошью. Такъ качаютъ дѣшей вѣ колыбели!

М о р е.

Марія В* родилась вѣ Лондонѣ. Отецъ ея былъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ прошивниковѣ Министерства—возненавидѣлъ Англію, и продавъ свое имѣніе, переселился вѣ Новый Йоркѣ. Марія, жертва его политическаго упрямства, оставила вѣ Лондонѣ свое сердце и щастіе: у нее былъ тайной любовникъ и женихъ, молодой, добродѣтельной человекѣ. Пять лѣтъ

жила она вв Америкѣ — лишилась опца, искренно оплакала смерть его, и спѣшила возвратиться вв опечесство, будучи увѣрена вв постоянствѣ своего друга. Опасности моря не устрашали ее; она сѣла на корабль, одна сѣ своею любовію и сѣ милою надеждою — но вв самый первый день плаванія занемогла жестокою болѣзнію. Капитанѣ совѣщовалъ ей возвратиться. „Нѣтъ“ говорила Марія: „я хочу умереть или быть вв Англіи; каждой день для меня до рога.“ Болѣзнь усилилась и повредила ея разумъ. Ей казалось, что она сидитъ уже подлѣ жениха своего и рассказываетъ ему о горестяхъ прошедшей разлуки. „Теперь я щаслива,“ говорила Марія вв безпамятствѣ: „теперь могу спокойно умереть вв швоихъ объятіяхъ.“ Но другъ ея былъ далеко, и Марія скончалась на рукахъ служанки своей. Вооб-

разите, что несчастную бросили
 въ море! вообразите, что я сплю
 на ея постелѣ!... „Такъ и меня
 „бросите въ море (говорю Капи-
 „пану) еспѣли умру на кораблѣ
 „вашемъ?“ — *Что дѣлать!* отвѣ-
 чаетъ онъ, пожимая плечами. Это
 ужасно! Земля, земля! приготовь
 въ психѣхъ нѣдрахъ своихъ укром-
 ное мѣстечко для моего праха!
 Довольно, что мы и живые по вол-
 намъ носимся; а то бытъ еще и
 по смерти игралищемъ бурной
 стихіи!...

Нынѣшній день море въ самомъ
 дѣлѣ едва не поглопило насъ.
 Корабельный мастеръ выпилъ спа-
 кана чепыре водки; не примѣпилъ
 флага, поставленнаго на мѣли для
 предостереженія мореплавателей
 — и Капипанъ увидѣлъ бѣду въ
 самую ту мину, когда мы бы-
 ли уже въ нѣсколькихъ саженьяхъ
 отъ подводныхъ камней; поблѣд-
 нѣлъ, закричалъ — мапрозы броси-

лись на мачты—парусы упали, и корабль пошелъ въ другую сторону. Чудное проворство! Съ Англичанами весело и умереть на морѣ! Это подлинно ихъ спихія. — Массперу досталось отъ Капитана. Онъ хотѣлъ его бить; хотѣлъ перекинуть черезъ бордъ. Пьяница залился горькими слезами и сказалъ: „Капитанъ! я виноватъ; „ушопи меня, но не бей. Англичанину смерть легче безчестья.“

Между тѣмъ, друзья мои, я въ восемь дней удивительнымъ образомъ привыкъ къ Непшуну царству, и радъ плыть, куда угодно. — Буря не упихаетъ; корабль безпрестанно идетъ бокомъ, и на палубѣ не лзя спустить шагу безъ того, чшобы не держаться за веревки. Въ каютѣ всѣ вещи (посуда, сундуки) прибиты гвоздями; но часто, отъ сильныхъ порывовъ, гвозди вылетаютъ, и дѣлается

спрашной спукъ. — Я уже различаю флаги всѣхъ націй; и какъ скоро вспрѣшится намъ корабль, кричу въ трубу: From whence you come? Это забавляетъ меня.

Вчера ночевали мы передъ самымъ Копенгагеномъ. Какъ мнѣ хотѣлось въ городъ! Жестокой Капитанъ не далъ лодки.

Кронштадъ.

Берегъ! отечество! благословляю васъ! Я въ Россіи, и черезъ нѣсколько дней буду съ вами, друзья мои!.. Всѣхъ осипанавливаю, спрашиваю, единственно для того, чѣмъ бы говорить по-Руски и слышать Рускихъ людей. Вы знаете, что трудно найти городъ хуже Кронштапта; но мнѣ онъ милъ! Здѣшній пракширъ можно назвать гостинницею нищихъ; но мнѣ въ немъ весело!

Съ какимъ удовольствіемъ перебираю свои сокровища : записки , счефы , книги , камешки , сухія правки и вѣтви , наминающія мнѣ или сокрытіе Роны, la perte du Rhone , или могилу опца Лоренза, или густую иву, подъ которою Англичанинъ Попъ сочинялъ лучшіе стихи свои ! Согласись, что всѣ на свѣтѣ Крезы бѣдны передо мною !

Перечитываю теперъ нѣкоторыя изъ своихъ писемъ : вотъ зеркало души моей въ теченіе осмьнадцати мѣсяцевъ ! Оно черезъ 20 лѣтъ , (если сполько проживу на свѣтѣ) будетъ для меня еще пріятно — пусть для меня одного ! Загляну , и увижу , каковъ я былъ, какъ думалъ и мечталъ ; а что человѣку (между нами будь сказано) занимательнѣе самого себя ? . . . По чему знашь ? можетъ быть и другіе найдутъ нѣчто пріятное въ моихъ эскизахъ ; мо-

жетѣ быть и другіе.... но эпо-
ихѣ, а не мое дѣло.

А вы, любезные, скорѣе, ско-
рѣе приготовьте мнѣ опрятную
хижинку, въ которой я могъ бы
на свободѣ веселиться *Китай-*
скими тѣнями моего воображенія,
грустить съ моимъ сердцемъ и
ушѣшаться съ друзьями!

КОНЕЦЪ ПЯТАГО ТОМА.

Karamzin, Nikolaj Michajlovič,

Sočinenīja Karamzina

Bd.: 5

Moskva 1803

Opp. 659 b-5

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10605658-3